

1990

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

R10335/3

1990

le woerd is hier met Grootte Pompe & Magnificentie
 als de Heer Zaar Gewilt, Vorst van Grusen
 liden, geligen ontrent De versnane Quartieren,
 bewaale van de Griese religie syde. Ende Hen niet langer
 konnede mantere tegen het gewoelt. De Koning van
 Perrien (Die de Gemalinne en Dochter van Vorst. Vorst
 syde Beide extraordinaris Schone Meisken in sijn
 Senaal begeerde te hebben. Met alle de sijnige begeren
 heeft onder de Protecctie van Haere Zaarne Majestie.
 Deze Vorst is ontrent vijftig jaaren oudt. Ende seer
 Geconnoert van wegen sijn Groot. Bedelict en Dapperheit
 in ologescheaken; als dat Desche in Grooten Aensienken
 En. by tijden en wijlen, dese landen en Rijken seer Dienstig
 Nudelik soude konne wesen. Mer de bitteel hier end
 als dat er lichtelick een Alliantie soude konnen vromaffen
 tijden onsen Jongsten Heere Zaar alhier. En De
 V. Jonge Princesse

01780

98-94-64

 24/11/1990
 21271

 21271
 21271

3

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ. Хранители Грааля.
Роман. Продолжение. Перевод с немецкого
Сергея Окропиридзе 3
- СЕРГЕЙ СЕРЕБРЯКОВ. Стихи 61
- ГУРАМ ГЕГЕШИДЗЕ. Дидэба. Исторический
рассказ. Перевод Эммы Пивоваро-
вой 67
- РАУЛЬ ЧИЛАЧАВА. Стихи. Перевод Клав-
дии Билыч 121
- МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Нерифмованные
строки 125
- ГАБРИЭЛЬ АРЕСТИ. Дом моего отца. Сти-
хи. Перевод с баскского Юрия Зыца-
ря 140

КРИТИКА

- КОБА ИМЕДАШВИЛИ. «Мартовский петух»
Отара Чиладзе 143

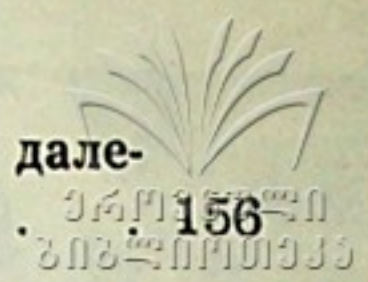
3

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси

Журнал выходит с июня 1957 года

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

АЛЕКСАНДР МУДЖИРИ. Жаркие дни далекого лета

КОНТАКТЫ

ДЖУАНШЕР ВАТЕЙШВИЛИ. По новому руслу (грузинско-голландские связи последней четверти XVII века) 176

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ

ЛЕВАН СУЛАКВЕЛИДЗЕ. Горы не простят... 195

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

ГОЛЬДИ БЛАНКОФФ-СКАРР. Грузинское искусство: отражение системы ценностей . 212

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

РОМАН МИМИНОШВИЛИ. Открытое письмо Сергею Баруздину 222

* На 1-ой стр. обложки — фрагмент текста репортажа И.-В. ван Келлера (см. статью Дж. Ватейшвили).

Хранители Грааля

РОМАН

— Только что пришла Эка, невестка Басила, — ответила Норина, — она попросила меня быть крестной матерью ее ребенка. Крестины состоятся завтра.

— И ты, конечно, дала согласие?

— Да.

— Это все?

— Она просит батони Левана присутствовать на церемонии.

— И ты, разумеется, согласилась за него?

— Конечно.

— А если он не пожелает? — спросил князь и повернулся лицом к Левану.

— Я думаю, что он нам не откажет.

Леван лишь улыбнулся в ответ.

— Ну хорошо, — сказал князь, повеселев. — Вы, женщины, всегда все решаете лучше нас, мужчин.— Потом он спросил:

— Итак, вы оба хотите завтра оставить меня одного?

— Мы пойдем туда после обеда, а к вечеру уже вернемся, — успокоила его Норина.

— Хорошо, тогда я завтра продолжу свой дневник.

ЛЕСНАЯ ДОРОГА

Крестины отмечались под открытым небом, в тени раскидистого дуба. Сама церемония крещения длилась недолго: маленькую девочку окрестили именем Маро. Там же был накрыт маленький стол, за кото-

Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2.

рым угощали крестную мать, Левана и еще нескольких гостей. Были приглашены также священник и псаломщик. Басила помогал прислуживать. От него ни на шаг не отходил Хасан. Всем пришлась по вкусу — простая деревенская пища: это была сама милость Земли, которой от всего сердца потчевали желанных гостей. Крытая камышом изба с чистым, опрятным двором располагала к себе приветливостью и простотой. С холма открывался прекрасный вид. Хозяева были от души рады гостям. Красота Норины очаровала их. Им особенно нравилось, как северянка говорила по-грузински: с ошибками, запинаясь и все же — прелестно. Басила гордился тем, что его госпожу и гостя принимают так почтительно. Леван беседовал с хозяевами дома непринужденно и просто, сохраняя в душе неуловимую дистанцию, придававшую его сердечной теплоте еще большее очарование. Норина заметила это с радостью. Они остались до позднего вечера и лишь к девяти часам отправились в обратный путь.

Они шли через лес: впереди Басила с Хасаном, за ними, на расстоянии слышимости, — Леван и Норина.

Могучий лес дремал, как исполин, под мягким покровом ночи. Вокруг стояли деревья-гиганты: березы, клены, дубы. Дубы преобладали. Некоторые из них были увиты лианами. Деревья стояли не шелохнувшись, погруженные своими корнями в грезы земли. Они не давали тень, но каждое из них в отдельности представляло собой некое подобие тени. Лес глубоко дышал в тишине. Мужчина и женщина боялись нарушить тишину.

За праздничным столом им обоим было весело и легко на душе. Теперь же, оставшись наедине, они почувствовали некоторую скованность. Каждый из них был погружен в себя, но в погруженности этой они не забывали зорко следить друг за другом. Они шли медленно, молча, лишь иногда роняя фразы.

Она: Листья не шелохнутся.

Он: Они задремали, будто пташки.

Она: Воздух так чист!

Он: И как легко дышится им!

Был слышен лишь стрекот цикад, тысяч и тысяч цикад. Их стрекот доносился как бы издалека, из глу-

бины самой вечности, и тишина благодаря этому делалась еще глубже, еще таинственней.

Леван и Норина шли близко друг к другу, почти плечом к плечу. В тишине леса каждый слышал биение своего сердца, но и биение сердца другого. Дикие цветы и травы стояли в полном соку, их аромат пьянил, особенно женщину. То тут, то там слышался тихий шорох.

Он: Может, это птица пролетела?

Она: А, может быть, волк прошел по лесу?

Он: Вы боитесь?

Женщина промолчала. Она и в самом деле боялась. Он взял ее под руку и тут же почувствовал, как все ее тело зарядилось волнением. Через это волнение он еще сильнее ощутил свое собственное. Словно замедленная волна, идущая из безбрежной дали, овладевала обоими неудержимая сила. Она пронзила женщину, захватила ее всю, погрузила в сладостный туман. Когда же он прикосновением ощущал ее волнение, она приходила в себя, и это ощущение было для него тем слаще.

В кронах деревьев вдруг посветлело: это засветился тихий спутник земли. С одного дуба на землю упал желудь. Леван взял этот плод земли в руку. Это был еще молодой, но уже вполне оформившийся, красивый желудь. Оба с затаенным восторгом разглядывали это чудо.

Она: Я видела в Тбилиси крест, сделанный из мастикса. Знаете, что было изображено на кресте? Желудь.

Он: Невероятно! Кто же его сделал?

Она: Монашенки в одном монастыре, как мне сказали.

Он: Вместо Христа — желудь? Непостижимо!

Она: Значит, это богохульство?

Он: Нет, это следует понимать как распятие плоти, но в блаженстве.

Она: Как?..

Он: Дуб олицетворяет силу роста, а его плод — способность производить потомство.

Она: Как далеко должна была зайти фантазия самобичевателя, чтобы распять желудь.

Он: Вот именно. Поразительно!

Она: Неужели плоть так греховна?

Он: Лишь в том случае, когда человеку ~~недостает~~ энергии солнца.

Он и она молча пошли дальше. Последняя фраза мужчины не была понятна женщине, но она не осмелилась спросить его об этом. Она ждала чего-то, слепо расцветая; и он ждал в напряжении, исполненный нежности и самообладания. Вдруг перед ними в гуще леса открылась прогалина, имевшая форму глаза. Оба одновременно взглянули на темно-синюю полосу неба.

Она: Большая Медведица.

Он: Мы в Грузии называем это созвездие «Прыжком оленя».

Она: Прыжок оленя? Это прекрасно! Этот символ, наверное, что-то означает?

Он: Да, конечно. Тысячелетия тому назад кто-то, воспринимавший мир через миф, дал этому созвездию такое название. Имя этого человека, естественно, забыто. Это ни с чем не сравнимый символ. Если дуб — символ слепой, инертной силы, то небесный олень олицетворяет светоносную силу. Подумайте об этом чудесном животном. Едва ли можно представить себе что-нибудь более светлое и прекрасное. А его рога! Жизненная сила обрела в них в виде повелительно откинутых назад ветвей несокрушимую мощь. Значение этого символа, по-видимому, раскрывается именно здесь. Удивительно и то, что при малейшем повреждении на одной стороне рогов на другой отростки меняются и приспособляются к поврежденным. Какая поразительная чувствительность и вместе с тем способность воспроизведения гармонии!

Она: Я слышала, что эти отростки являются лечебным средством.

Он: Да, они применяются в медицине. Они образуют в себе жизненную плазму.

Леван разговорился. Ему казалось, что за ним тайком следит тень этого священного животного.

Она: А почему созвездие сравнивается именно с прыжком?

Он: Ваш северный язык это как раз и объясняет: в скачке — первый скачок (происхождение)¹.

Она: Поразительно!

Женщина слегка прислонилась к мужчине. Ее охватило смутное, непреодолимое желание принести себя в жертву мужчине, стать его добычей. Это желание ослепило ее. Он успокаивал ее притчами и символами. Вдруг они увидели падающую звезду.

Он: Стойте! Дайте клятву!

Она: Я уже дала ее.

Он: Какую?

Женщина молча улыбнулась, и он не повторил свой вопрос.

Она: А вы? Успели вы дать обет?

Он: Да.

Она: Можно узнать, какой?

Он: Наверное, тот же, что и вы.

Теперь и он улыбнулся почти торжествующей улыбкой. Они подошли к сосновому бору. Подул легкий ветерок, с шелестом проходя по хвое, замирая где-то в бесконечности, будто волны морского отлива. Он и она в душе последовали за ветерком.

Бесконечность струилась в каждом из них отдельно, но одновременно. Женщина смутно ощутила в себе приближение слепого желания. Мужчина, пылая душой, оставался спокойным и сдержанным. Ему казалось, что он робко и отрешенно коснулся отточенного лезвия, отделяющего его от нее. Однако табу оставалось неприкасаемым.

Они приблизились к опушке леса. Великолепный дуб вдруг вырос перед ними, упираясь в небо.

Она: Как прекрасен ствол этого дуба!

Он: И какой он могучий!

Она: Подойдем к нему поближе.

Он: Хорошо.

Они подошли к дубу. Женщина обхватила ствол своими сухими, горячими руками и прижалась к нему. Ее грудь наполнилась неизведанным теплом; всю ночь дуб хранил в себе свет и тепло солнца. Теперь и муж-

¹ Здесь автор обыгрывает немецкие слова: Sprung — скачок, прыжок, и Ursprung — первоначальный скачок, то есть: происхождение. (Прим. переводчика).

чина обнял дерево; и в него вошла невыразимая сила. Оба словно погрузились в жизнь могучего дуба, чутко прислушиваясь к глухому перешептыванию его струящихся соков. Руки мужчины и женщины обнявшие ствол, соприкоснулись. С обеих сторон мгновенно упала последняя преграда на пути к полному самоотвержению. Возникло самое глубокое слово из всех слов мира: ты. Но оно не было произнесено устами. Тем сильнее было его действие. Каждый чувствовал, будто ствол дуба — продолжение его тела и тела другого. Биение двух сердец прошло через дерево, соединившись в одном могучем ударе пульса.

Вдруг раздался лай Хасана. Мужчина и женщина почти одновременно оторвали руки от дерева. Она, опьяненная, теряя сознание, пошатнулась и сделала шаг вперед, чтобы удержаться на ногах. Мужчина подбежал к ней и подхватил ее на руки. На мгновение она стала его добычей. Кровь больно стучала в ее висках.

Они дошли до опушки леса, не проронив ни слова. Но что-то надо было сказать, чтобы в слове выразить пережитые ими блаженные мгновения и увековечить их так, исходя из сокровенного желания человека.

— Знаете, — прошептал вдруг мужчина, — *Ioys d'amoig* (каноны любви) первому трубадуру были открыты соколом, сидевшим в ветвях золотого дуба.

— Восхитительно! — воскликнула женщина, глубоко вздохнув.

В серебристом свете луны играли Басила и Хасан.

— Удивительно, — снова заговорил Леван, — все, что связано с деревом, имеет как в немецком, так и в грузинском один корень: хэ. Это слово, как вы знаете, обозначает в грузинском языке дерево. Оно же является и корнем немецкого слова *Eiche* (дуб). И кроме того: грузинское слово муха (дуб) и немецкое *Buche* (бук) идентичны, хотя они в результате преобразования слов обозначают разные виды деревьев.

— Совершенно верно, — ответила женщина.

Мало-помалу внутреннее напряжение обоих растворилось в атмосфере духовного бдения. Они медленными шагами приблизились к княжескому замку.

Князь Гиорги все еще писал свой дневник. Он описывал последний визит: «Каждое существо в себе же содержит антипод, представляющий для него угрозу. Не составляет исключения и грузинская нация. Для грузин естественным условием жизни является общение со своими соплеменниками. Однако никто другой, как именно грузин, не склонен в такой степени к измене своему народу. Властелин может стать подхалимом, рыцарь — обманщиком. Щедрость грузина зачастую переходит в расточительность. Неистощимая жизнерадостность нередко приводит его к приключениям, и красивая любовная связь может стать для него мимолетным увлечением. Дегradировавший грузин в состоянии натворить немало бед. Интересно, ведают ли эти милые, чудесные люди о том, какая опасность подстерегает грузина? Во всяком случае, за Левана Орбели я не опасаюсь».

Он отложил ручку и посмотрел на часы: они показывали 25 минут одиннадцатого. Что-то они задерживаются, — прошептал он про себя, — виной тому молодая кровь, — с тоской подумал он.

Через несколько минут в комнату князя вошли Леван и Норина. Князь Гиорги почувствовал, что какая-то сила, еще неведомая им, сблизила молодых людей, но странно: теперь это уже не беспокоило его.

— Ну, как вы провели время у Басила? — спросил он.

Норина подробно рассказала ему о том, как прошли крестины.

— Все это очень приятно слышать, — сказал князь.

Леван разговорился о лесе и его колдовских чарах. Тем временем Норина принесла чай, коньяк, пирожные и фрукты.

— Нужно жить, как на празднике, — заметил князь, улыбаясь.

Леван и Норина были рады, что хозяин дома почувствовал себя лучше.

Разговор продолжался, живой, одухотворенный, как в доме пифагорейца.

— Вы не могли бы еще раз прочесть нам ваш хорал, посвященный святой Нино? — неожиданно обра-

тился князь к Левану. Но так как Леван ответил не сразу, он добавил: — Я совсем забыл, что вы неохотно читаете несколько раз одно и то же стихотворение.

— Это не совсем так, — возразил Леван. — Я могу, конечно, и несколько раз прочесть один и тот же стих, но каждый раз у меня должно быть чувство, будто я читаю его впервые. Иногда это удается, иногда же...

— На сей раз непременно удастся, — перебила его Норина.

— Раз Норина это утверждает, то наверняка пощастливится, — сказал князь Гиорги. — Ведь в прошлый раз ей не довелось услышать этот хорал. — Князь Гиорги улыбнулся своей невестке.

— Ну, хорошо, — согласился Леван.

Наступила прозрачная тишина. Он сосредоточился, как тогда, вслушиваясь в самого себя, идя навстречу священному потоку вдохновения. Все его существо напряглось, чтобы стать совершенным его выразителем. Голос его, хоть и сильный, вначале звучал приглушенно. В строках хорала кипела кровь солнца, каждый образ был, словно тавро, оставленное на рунах временем. Будто медленно опускающиеся сумерки, закончился хорал. Снова наступила тишина — вожденная пауза в биении сердца. Леван почувствовал такую усталость, как если бы через него пронесся ураган. Конвульсивным движением руки он схватил сигарету.

— Ну, что скажешь, Норина? — тихо спросил князь Гиорги.

— Достоинств языка я, конечно, не могу оценить, но образ Святой Девы, светлый и чистый, как живой, стоит перед моими глазами.

— Это ясновидящий взгляд вслепую, — ответил князь, — взгляд в сокровенное, обретшее видимый образ.

Леван сидел молча, с опущенной головой.

— Это видение посетило вас, очевидно, после какого-то большого потрясения, — заметил князь, обращаясь к Левану.

— Да, это случилось сразу же после 25 февраля 1921 года, — ответил Леван, — когда я переживал состояние душевного надлома.

— Итак, это произошло с вами после того дня, когда XI-я большевистская армия вторглась в Тбилиси?

— Да, именно после этого дня.

— И вы увидели этот образ в состоянии депрессии?

— Да, в этом состоянии.— Леван постепенно приходил в себя. — Вы ведь знаете, что над Тбилиси тяготееет злой рок. В ту ночь этот рок стал для меня мучительной реальностью. Прошлое Грузии вдруг обрушилось на меня и вместе с ним все рухнуло во мне.

— Нет, вы в полном расцвете сил, — сказала Норина с нетерпением любящей.

— Я думаю, что это скорее судорожный порыв последних, угасающих сил.

— Не верю! — воскликнула женщина.

— Нет, дорогой Леван, — возразил теперь князь, — вы скорее всего испытали шок, правда, сильный, но не опасный, иначе вы не смогли бы подарить нам этот превосходный хорал. Но оставим это. — Он умолк на несколько мгновений. — Я склонен, однако, предположить, что толчком для этого стихотворения послужило все же какое-то другое событие, пусть даже воображаемое.

— Да, так это и было, — ответил Леван, чемного удивившись.

— В самом деле? Что же это было?

— Я пережил что-то странное, — начал рассказывать Леван. — В Грузию вторглись монголы. Вся страна поработана ими, и лишь одно племя в Месхети, у которого хранится крест из лозы, не склоняется перед волей покорителей мира. Пусть хоть один останется непокоренным, чтобы сохранить волю народа несломленной, если даже он весь на коленях. Вождь этого племени князь Карду несокрушим. Он сражается не на жизнь, а на смерть, и силы его уже на исходе. И вот он со своими соратниками вынужден покинуть родную землю. Позади монголы, впереди пропасть. Вождь и его свита уже готовы броситься со скалы. Они в последний раз совершают молитву, преклонив колена перед крестом. И тут маленькая девочка, проходя мимо креста, касается его своей невинной ручкой. И происходит чудо: на кресте вырастают три золотые грозди. Сверхчеловеческий экстаз охватывает людей. Кто теперь одолеет героев? Вот какое видение посетило меня. В этом хорале я, собственно, хотел передать ту молитву перед крестом лозы.

Наступило молчание. Норина слушала рассказ Ле-

вана с затаенным дыханием. Князь Гиорги был глубоко тронут. В его глазах появились слезы. Он медленно встал, пошатываясь, направился в угол комнаты и зажег свечу.

— Так будет лучше, — сказал он тихо, чтобы скрыть смущение.

Норина в избытке чувств взяла руку Левана и сжала ее. В пламенном ответном рукопожатии она ощутила лишь невыразимое «ты». Свободно, открыто встретила она взгляд Левана. Ему казалось, что Норина осеняет его своим сиянием.

Князь Гиорги подошел к большому окну и открыл его. Повеяло ароматом сухих трав. Издалека доносился глубокий, приглушенный лай собаки, нарушавший тишину. Как часто, из века в век раздавался здесь этот глубокий лай, — подумал князь Гиорги. На одно мгновение он всей душой ощутил вечность. Затем он вернулся к дивану и тихо произнес:

— Это описание верно не только в художественном отношении.

— Как? — вскричал Леван, будто громом пораженный.

— Событие это действительно имело место, — сказал князь. — Возможно, вы что-то слышали об этом?

— Нет, ничего. — У Левана перехватило дыхание.

— Непостижимо! — вырвалось у изумленной женщины.

— Да, это действительно так, — продолжал князь Гиорги, — крест лозы в то время и в самом деле был спрятан в одном княжестве Месхети.

— А чудо с гроздьями? — спросила Норина.

— Чудо произошло не тогда, а несколькими столетиями раньше.

Леван силился сохранить спокойствие. Он не был в состоянии говорить.

— Это чудо произошло во время арабского нашествия, — сказал князь, глядя перед собой отсутствующими глазами. — Оно посетило правителей Аргвети.

— То есть ваших предков? — спросила Норина.

— Да, если верить преданию.

Леван сидел молча, неподвижно, ловя каждое слово хозяина дома. Князю, однако, хотелось хоть еще что-то услышать из этой истории, пережитой Леваном.

— А не могла ли эта тайна найти тогда другое воплощение? — спросил князь задумчиво и отчасти испытывая Левана.

— И мне так кажется, — ответил пришедший, на конец, в себя Леван.

— В каком образе? — робко спросила Норина.

— Иосиф из Аримафеи собрал в чашу кровь Спасителя. Вокруг этой чаши образовался Союз хранителей Грааля.

— А потом?..

— Можно предположить, что грузинские рыцари собрали в чашу сок гроздьев чудотворной лозы.

— И вокруг этого Грааля затем также был создан тайный орден?

— Так и случилось.

Леван с не свойственной ему горячностью говорил что-то Норине.

Князь Гиорги, не подавая виду, внимательно следил за разговором.

Своей безмолвной душевной участливостью он незаметно для Левана предоставил ему полную свободу. Теперь он и сам был как громом поражен.

— У вас какая-то непостижимая сила воображения, — сказала Норина Левану.

— Не знаю, можно ли это назвать воображением. Когда это видение посетило меня, у меня было такое чувство, будто оно посещало меня и до этого, причем я помнил все подробности. Когда я думаю об этом, мне кажется, что кто-то очень давно уже рассказывал мне это. Но я не знаю его. Возможно, что кто-то все нашептывал мне во сне? Но даже в этом я не уверен. Может быть, это было дано мне еще до рождения? Вы, конечно, можете упрекнуть меня в самонадеянности, но иногда мне действительно так кажется.

— Поразительная интуиция!

Леван снова погрузился в свои мысли. Князь Гиорги сидел неподвижно. Взволнованно, весь сияя, смотрел он то на Левана, то на невестку.

— Истинный образ всегда соответствует действительности, — сказал он таинственно, — и так должно быть и на сей раз.

Норина удивленно взглянула на мужчин. Леван вздрогнул, очнувшись от раздумий.

— Следовательно, это видение Грааля имеет реальный прообраз? — спросила Норина взволнованно.

— Раз уж воображение дошло до этого, то оно отражает ту реальность, из которой исходит, — заметил князь Гиорги.

Молчание.

— А вы? — спросила Норина, в трепете уставившись на Левана широко раскрытыми глазами, — вы сами верите в реальный прообраз этого видения?

— Абсолютно, — ответил Леван.

Норина вздрогнула — так твердо произнес Леван это слово.

— И вы ищете эту Чашу Грааля? — Норина уже не могла остановиться.

— И днем, и ночью.

— Вы уверены, что найдете ее? — продолжала она расспрашивать Левана.

На этот вопрос Леван не смог ответить.

— Тот, кто так самоотверженно что-то ищет, непременно найдет предмет своих поисков, — сказал князь Гиорги.

— И вы, значит, верите в то, что этот Грааль когда-то существовал? — спросила она теперь князя.

— Я не только верю в это, но и знаю, что он существует.

Норина вдруг словно окаменела. Леван прижал правую руку к виску. Князь Гиорги не смотрел ни на Левана, ни на невестку, взор его был устремлен в пустоту.

Наступило молчание.

Казалось, что в комнате что-то перемещалось, незримо, таинственно. Вечерние сумерки, небрежно вторгаясь своим волшебством, пытались вобрать в себя все то, о чем умалчивали трое. Вдалеке еще слышался лай собаки.

— Наконец-то! — воскликнул Леван.

— Вот теперь поэт готов для посвящения в тайну, — подумал князь.

И снова восторжествовало безмолвие.

— Не угодно ли еще одну чашку чая? — предложила Норина, чтобы облегчить бремя молчания. Мужчины не отказались. Разговор снова оживился.

— Само собой разумеется, что грузинский Грааль

не может сравниться с тем, другим, ибо в той Чаше хранилась кровь Спасителя. Зато наш Грааль представляется мне даже образнее, тем более, что он указывает на земной источник евхаристии: виноград испускает сок, как сакральную кровь.

Затем Норина спросила, что известно об ордене хранителей Грааля.

— Чаша всегда так или иначе оказывалась в руках избранных, переходя из века в век от одного рыцаря к другому. Она неизменно хранилась в строжайшей тайне.

— А по каким признакам можно узнать избранника? — снова спросила Норина.

— В жизни — по причастности к солнцу, как это Леван столь прекрасно изложил в своей глубокой застольной речи. Солнце изначально свойственно нам. Во Мцхета, нашей древней столице, жили маги-огнепоклонники, как культ оберегавшие пра-знание тайны солнца. Учение Христа не упразднило у нас древность, напротив, оно оказывало воздействие через солнце. Символически это подтверждается крестом лозы. Тот, кто призван хранить сок тех волшебных виноградных гроздьев, должен состоять в непорочном, священном браке с солнцем.

Леван с молчаливой взволнованностью внимал князю Гиорги.

— Вы сказали, что первыми хранителями Грааля были правители Аргвети? — смело спросила Норина.

— Да, — ответил князь.

— А Чаша всегда оставалась у них?

— Нет, они не всегда избирались для этой миссии.

Норине хотелось задать князю Гиорги еще несколько вопросов, но что-то удержало ее.

— В этой Чаше сохранилась благодать Грузии, — продолжал князь. — Она стала источником обновления ее духовных сил. Когда хранители Грааля были подлинными детьми солнца, источник этот не иссякал, когда же рвение их ослабевало, сила источника шла на убыль. Это весьма наглядно подтверждается на примере истории Грузии. В последние столетия источник наш почти иссох. Удары судьбы, обрушившиеся на нашу многострадальную страну, не объясняются одними лишь

внешними обстоятельствами, они тесно связаны с нашей изменой самим себе, с изменой Священному Граалю.

Князь Гиорги умолк. Глубокая печаль омрачила его лицо.

— По-видимому, мы утратили веру, — сказал Леван.

— Несомненно. Мы где-то растеряли ее, — вставил князь. — Но я имею в виду не религию как таковую, не вероучение.

— Разве вера и вероучение не одно и то же? — спросила Норина.

— Нет, вера — нечто большее, чем вероучение. Когда я познаю тот или иной предмет, то он для меня все еще остается вещью в себе, противо-стоящей мне. Если же я, напротив, верю во что-то, то предмет моей веры мне уже не противо-стоит. Для любящего любимая не есть субъект, который ему противостоит, а для него она тот неповторимый лик, в котором он вновь обретает себя. Никто, никакая сила не в состоянии придать вещественное значение той реальности, которая сама по себе возникает между любящими, сильно воздействуя на каждого из них. Для третьего лица она не существует, но увиденная изнутри своего «я», она самая что ни есть реальная действительность. Когда любовь проходит, между любящими возникает пустота: странным образом отчужденные друг от друга, они теперь лишь противо-стоят друг другу, как предметы. Точно так же создает для себя реальность и верующий.

— Силой воображения? — робко вставила Норина.

— Да, но в смысле божественного воображения. Когда Бог что-то представляет себе, то сразу что-то и возникает. Эта созидаящая сила воображения и есть сакральная основа веры. Одно лишь вероучение здесь бессильно. Я могу верить в Бога так же, как Святой Августин, но разве мне сравниться с этим Святым, хотя бы лишь в познании? Современное человечество утратило именно эту созидаящую силу веры. Оно уподобилось тому человеку из Евангелия, который крикнул Спасителю: «Я верую, Господи, помоги моему неверию!» Вот так.

Собеседники помолчали несколько секунд.

— А разве такой силы вера может утратиться?

— Мы утрачиваем веру уже лишь тем, что осквер-

ням землю, вечную мать, ибо создающую силу дарит нам лишь она. Представьте себе язычника, который, погружаясь в мечты, в состоянии увидеть темные недра просыпающейся земли. Он ощущает живые семена в прорастании и отмирании, он бесконечно рад дождю, проникающему в иссохшие пласты земли; он пьянеет, видя, как теплая влага пробуждает к жизни почти безжизненные, вялые всходы. Он образно воспринимает молотьбу пшеницы на току и помол зерна на мельнице. Представьте себе этого язычника, всем своим существом, всеми чувствами наслаждающегося солнцем, когда он глядит на зреющие гроздья винограда, представьте себе, что он уверовал во Христа и стоит теперь перед святым причастием.

— В нем непременно должно пробудиться священное животное, — прошептал вдруг Леван.

— Именно это я только что хотел сказать, — подтвердил князь.

— Священное животное? Я ничего не знаю о нем, — сказала Норина удивленно.

— Ты когда-нибудь узнаешь, что это такое, — ответил ей свекор. — И нет никакого сомнения в том, что для этого язычника хлеб воистину станет плотью, а вино кровью Христа. А как обстоит дело с нами? Из века в век мы или пренебрегали природой или даже боролись с ней, в лучшем же случае мы ее просто терпели. Мы оскверняли Magna Mater¹, бесцеремонно, преступно обращались с ней, и мы уже вкушаем горькие плоды нашего вероотступничества: мы стали равнодушными по отношению к Сыну Божьему. Для миллионов из нас просвира превратилась в пилюлю. «И Слово стало плотью...» Это откровение для нас лишь притча. Ведь именно здесь указывается на Землю, как на материнское лоно Логоса! Если рассматривать лоно Земли просто как материю, то сила Логоса, заложенная в человеке, тут же покинет его. Дух утрачивает животворящую плотность, он как бы делается полым и вырождается в рацию, которое неспособно произвести акт веры.

Старый князь умолк. Сейчас он напоминал полулежащего на диване ясновидца, пребывающего в экстазе. Он, казалось, был весь из света.

¹ Великая Матерь (лат.).

Наступила глубокая тишина, давшая всем другое — внутреннее-дыхание. Леван сидел неподвижно, погруженный в раздумье. Норине надо было непременно двигаться, чтобы вынести бремя тишины. Она бесшумно подошла к окну, навстречу пустоте ночи. Легкий ветерок скользил по листьям дремлющих деревьев.

— Да, так обстоит дело, — тихо произнес князь Гиорги.

— С Чашей Грааля, наверное, все произошло точно так же, — высказал Леван занимавшую его мысль.

— Да, — подтвердил князь, — так ушла от нас сила Грааля.

— А сама Чаша, она что, тоже исчезла? — спросила Норина.

— Нет, это, к счастью, не произошло, но что это нам дает? — ответил князь.

— Она хранится у нас как музейная редкость. Здесь нужна была мистическая искорка Карду, а ее-то как раз ни у кого и не оказалось.

— Музейная редкость! — вырвалось у Норины. Как прохладный бриз рябит спокойную, гладкую поверхность моря, так и эти слова омрачили торжество любви, которым она сегодня молча упивалась после лесной прогулки.

Разговор подходил к концу. Кажется, что все уже было сказано. Норина взглянула на свои ручные часы. Было четверть третьего.

— Уже поздно, — сказала она, посмотрев на Левана.

Леван встал.

— Оставайтесь, пожалуйста, еще немного, если вы не устали, — обратился хозяин дома к Левану.

— Охотно, — ответил гость.

Норина была заметно удивлена.

— Ты ревнуешь? — спросил ее князь.

— Разумеется, — ответила она, улыбаясь, и пожелала мужчинам спокойной ночи.

Оставшись наедине, они могли еще раз убедиться, что присутствие Норины облегчало им разговор. У каждого на сердце оставался вопрос, который он не осмеливался высказать.

— Вы обрадовались бы, если нашли бы когда-ни-

будь Чашу Грааля? — решился наконец князь Гиор-
ги.

— Безмерно, — ответил Леван.

— И без страха?

— Пожалуй, не без этого...

— Я уверен, что вы преодолели бы его.

— Во всяком случае я бы все сделал для этого.

Снова гнетущее молчание. Затем князь встал, тихо подошел к шкафу, открыл его и что-то достал оттуда. К своему изумлению Леван увидел в руке князя Гиорги маленький ключ. Затем князь подошел к другому, грубо сколоченному шкафу, перед которым теплилась свеча. Взволнованный, следил Леван за каждым движением князя. Он тихо, словно тень, открыл шкаф, после чего остановился, не осмеливаясь шелохнуться. В глубине шкафа, будто осиротев, стоял маленький ларец.

— Вот здесь хранится Святая Чаша, — прошептал князь глухим голосом, делая сильное ударение на каждом слове.

Словно после припадка, Леван резко стряхнул с себя оцепенение. С затаенным дыханием подошел он ближе к ларцу, из которого сверкнуло что-то черное, ослепляя его, лишая его чувств.

Он вдруг как подкошенный упал на колени. Этот сильный, суровый человек, обладавший жестким характером, почувствовал, как крупные слезы потекли по его щекам. Все его существо сейчас как бы сконцентрировалось в одном атомном ядре, погруженном в немую молитву. В то же мгновение он ощутил Чашу в себе как часть самого себя. Он вздрогнул, и видение, словно искорка, тут же погасло.

Князь Гиорги молча стоял рядом. Он знал, что любое слово могло повредить нежный росток зарождающегося чувства. Он медленно опустил правую руку на плечо Левана. Оно дрогнуло.

— Встаньте! — приказал князь Гиорги.

Леван встал. Оба хранили молчание. Но молчание их теперь уже не угнетало. Князь Гиорги осторожно закрыл шкаф и медленно вернулся к дивану. Леван сел на свое место. Он словно боялся своих собственных шагов. В наступившей тишине оба прислушались друг к другу. Скоро в каждом восторжествовал душевный покой. Будто во сне давно погибший возлюбленный, по-

сетив тебя, не говорит с тобой, а светит тебе так светил старый князь Левану.

— И вы тоже хранили Чашу как музейную редкость? — робко прервал Леван молчание.

— Да, и я, — ответил князь. — Я безумно растратил в себе силу священного животного.

— Можно объяснить это тем, что вы ограничились простым созерцанием вещей?

— Именно это произошло со мной. Я пребывал в созерцании, но это было бы еще не так худо, если бы я созерцал в бытии, как это делают индусы и китайцы. Однако мое созерцание постепенно формировалось по западному образцу: оно все больше превращалось в абстрактное знание.

Так беседовали мужчины, и беседа их длилась долго.

Наконец князь Гиорги встал, тихо подошел к окну и, сосредоточившись, несколько секунд смогнул на небо.

— Орион уже появился, — прошептал он. — Хотите взглянуть на него?

Леван подошел к князю.

— Пусть он будет нашим тайным свидетелем! — произнес старый князь. Он быстро оглянулся и с каким-то странным отчуждением посмотрел на Левана.

— Возьмите этот ключ, — сказал он, глубоко вздохнув. — С этой минуты вы — хранитель Священного Грааля.

Не говоря ни слова, Леван взял ключ дрожащей рукой.

— Я запишу это событие в мой дневник как завещание, — добавил князь. Леван долго смотрел на старого князя, боясь шелохнуться.

ПРОЩАНИЕ

На следующий день Леван получил из Тбилиси телеграмму следующего содержания: «Немедленно выезжай. Авала». Что там могло случиться? — с беспокойством подумал Леван и сразу стал собираться в дорогу. Князь Гиорги не особенно удивился этому решению. Он выглядел спокойным, как хозяин, только что отдавший последние, самые необходимые распоряжения.

Норина опечалилась и забеспокоилась. Она принесла альбом и показала его Левану. Он полистал его. Вдруг он увидел в нем записку, заинтересовавшую его, и стал читать ее: «Моя маленькая Норина! Ты так мила, светла и умна. Ты — дочь богов. В твоём возрасте Ута фон Наумбург, наверное, выглядела так же. Эта чудесная женщина — твоя северная родственница. Твоя звезда сияет в луче Благодати. Да пребудешь ты в вечном сиянии! Вспоминай хоть иногда в этом сиянии своего старого друга. Вчера я нашел на клеверном поле вот этот четырехлистник. Говорят, он приносит счастье, и я кладу его в книгу. Леван Орбели. Боржом, 12 июля 1914 г.».

Растроганный, читал Леван эти строки. Лист клевера, сухой и выцветший, лежал тут же. Норина стояла рядом, не говоря ни слова. Он почувствовал, что на глаза ему навернулись слезы. Он перевернул страницу альбома и твердой рукой быстро написал: «Мое сердце раскрывается Светлой Чашей, чтобы так же сохранить в себе Ваш светлый образ, как Чаша Грааля хранит священный сок на все времена».

Норина была счастлива, читая эти строки. Она молча пожала руку Левану. Он почувствовал в ее рукопожатии, как тихо, словно цветок, раскрывалась она навстречу солнцу. Затем он простился с князем Гиорги, благословившим его, потом с княгиней, с юной княжной, с Дата — и со всем замком. После этого он на глазах у всех простился и с Нориной. В сопровождении Басила и Хасана Леван отправился на вокзал.

Всю дорогу юноша играл с собакой, и солнце сияло мягким ликующим светом.

ВРАГ

Леван поднялся в купе второго класса и вздрогнул: там сидел огненно-рыжий, разговаривая с каким-то молодым человеком. Леван поставил чемодан на стол и непроизвольно обернулся лицом в сторону тамбура, где стоял проводник, с улыбкой наблюдавший за ним.

— Вы не могли бы предоставить мне другое место? — спросил его Леван.

— Понимаю, — ответил проводник, — все та же

история. Никто не хочет ехать вместе с тем, как бишь его зовут... И вы не хотите, не так ли?

— Не хочу.

— Но все купе заняты. Посидите пока здесь спокойно и... — он оглянулся, чтобы убедиться, что поблизости нет женщин, — выругайте его по-грузински, и вы будете неуязвимы. — Проводник был явно навеселе.

Леван, улыбаясь, вернулся в купе. Огненно-рыжий все еще разговаривал со своим спутником. Он удивленно взглянул на вошедшего Левана, не переставая говорить.

— Могу я уже теперь поднять верхнюю полку? — спросил Леван, хотя было еще довольно рано.

— Пожалуйста, — ответил огненно-рыжий с почти придворной галантностью.

Леван с удовольствием вытянулся на своей полке. Он вдруг почувствовал необычную для него усталость: как будто лишь теперь начинал ощущать все напряжение событий, происшедших в Саирме. Он скоро задремал, но до каких-то уголков его расширенного сознания как бы издалека продолжали доходить слова недруга:

— Да, мы хотим отвоевать для человечества всеобщую свободу.

— И для этой цели нам следует сначала изгнать Бога из человека? — спросил молодой человек.

— Непременно, ибо там, где еще царит его дух, свобода задыхается.

На Левана слова эти подействовали, словно яд, вызвав в нем тошноту. Однако он не был в состоянии стряхнуть с себя усталость. Не был ли взгляд этого огненно-рыжего чудовища причиной его скованности? Против своей воли он прислушивался к этим ядовитым словам, стараясь мысленно воспроизвести светлый дух, царивший в Саирме. Он думал о мудром князе Гиорги, о прелестной Норине, о Священной Чаше. Реальность и воображаемое слились в его душе воедино.

— Странно, — сказал огненно-рыжий после небольшой паузы, — в стране Прометея — богоборец ведь, согласно мифу, был прикован к скале на Кавказе — именно в этой стране труднее всего бороться с Богом.

— Вы полагаете, что мы, грузины, религиознее других советских народов? — спросил его собеседник.

— Нет, я имею в виду не это. Мне кажется, что здесь на всем лежит печать тайны.

— И какой же вывод следует из этого?

— Тайна — прибежище Бога. Нужно сначала сорвать покров с нее, оголить ее, так сказать, чтобы человек, наконец, мог увидеть своими глазами, что за кажущимся, собственно, ничего не скрывается. Тогда будет легче истребить Бога в человеке.

Леван спал, и ему приснился сон. Время от времени он произносил во сне какие-то слова. Это развеселило огненно-рыжего.

— Да, тайна делает человека слабым в борьбе за свободу, — уточнил богоборец свою мысль.

— Чаша, Священная Чаша! — бормотал Леван во сне.

Огненно-рыжий удивленно вздрогнул, но тут же пришел в себя.

— Послушайте, — сказал он молодому человеку, — что за чепуху несет этот человек во сне там наверху.

— Что? — вскричал Леван.

— Извините, пожалуйста, мне показалось, что вы уже заснули, — сказал огненно-рыжий, и тут же почти небрежно добавил:

— Ваш сон наяву вдохновил меня и дал моим мыслям неожиданное направление. Я очень благодарен вам.

— Не стоит благодарности, — сказал возмущенный и пристыженный Леван.

Огненно-рыжий торжествовал. Он снова обратился к своему спутнику:

— Теперь я хочу рассказать вам историю так называемой Священной Чаши Грааля.

Леван слушал с напряженным вниманием.

— Это произошло во время итальянской кампании Наполеона, — начал свой рассказ огненно-рыжий, — победоносные французские войска заняли собор Св. Лоренцо в Генуе. Они ворвались в часовню, в которой хранились реликвии. В первую очередь завоеватели взяли ничем не примечательный предмет в кожаном футляре. В золотой обертке там хранилась вырезанная из сапфира семиугольная чаша, которая, как было принято говорить, излучала голубой свет. По преданию, генуэзские крестоносцы когда-то привезли эту чашу из Антио-

хин. В течение нескольких столетий она хранилась в соборе Св. Лоренцо как Святой Грааль. Почетный караул — а таковой тоже был — состоял из представителей самых знатных родов Генуи. Эта Чаша — так продолжает повествовать предание — наполнена кровью Христа, которую под распятием собрал Иосиф из Аримафен. Один раз в году верующие со всей Италии и из соседних стран стекались сюда, чтобы увидеть Грааль. Архиепископ показывал его паломникам с главного алтаря.—Рассказчик помолчал немного и затем продолжал:

— Наполеон велел проверить, действительно ли эта Чаша вырезана из настоящего сапфира. Между прочим, это занимало его больше всего, ибо она, по-видимому, представляла собой огромную ценность, а ценности нужны были корсиканцу. Такова история Грааля. — Огненно-рыжий перевел дух и добавил к своему рассказу следующее: — В то время другая войска Наполеона вторглись в Испанию. Недалеко от Барселоны они заняли крутой скалистый обрыв, называвшийся Монсеррат. Там, по преданию, когда-то стоял священный замок того же названия, из которого Лоэнгрин и другие рыцари, если верить рассказам верующих, отправились в поход, чтобы сражаться за благородное и святое дело. И вот теперь солдаты Наполеона разрушили замок Св. Бенедикта, то есть тот самый священный замок, о котором мы уже говорили. Там хранилась и чудотворная икона Христа, собственноручно вырезанная из дерева апостолом Лукой, ибо в подобных реликвиях нет недостатка ни в одной святой обители.

В тот миг, когда монастырь был разрушен, отправленная Наполеоном в Париж Чаша дала трещину, возникшую, по-видимому, во время ее исследования. Но суеверный народ все видит в таинственном свете. Так было и на сей раз: здесь разрушение священного замка — там трещина в Священной Чаше. Этого вполне достаточно, чтобы народ связал эти два события. Такова эта история. — Огненно-рыжий сделал паузу и сказал: — Однако меня интересует в этой истории совсем другое: верил ли сам Наполеон в эту таинственную связь? Вот в чем вопрос вопросов. Я предполагаю, что верил. Возможно, что не так фанатично, как народ, но все же верил. Народ думал, что подлинный губитель Чаши —

Наполеон. Он же, веровавший в существование сверхъестественных сил, тоже, по-видимому, чувствовал себя разрушителем реликвии. В душе его возник разлад, с течением времени ослабивший его, некогда всемогущего властителя мира. Если бы он, овладев Чашей, окончательно развенчал бы саму идею Грааля, если бы он осквернил святыню, разрушил бы неприкосновенное, не сломавшись при этом сам, то сила его возросла бы неизмеримо. Я предполагаю, что у него в этом случае просто-напросто не достало мужества, риска, чтобы одним махом сорвать покров с тайны. Вернее: он сорвал покров с этой тайны, но нашел себе прибежище в новой. Так он превратился в обычного преступника. Но тот, кто в состоянии смотреть в лицо тайне, не теряя мужества, представляет собой нечто большее, чем обычный преступник. Помолчав, он добавил: — Вот что нам нужно в нашей борьбе против Бога.

Рассказчик умолк, уставившись косым взглядом в пустоту. Молодой человек, как видно, был под его влиянием.

Леван глубоко дышал. Он был в редком душевном состоянии. Тонкая грань, существующая между непосредственным погружением в сон и бодрствованием, была ему хорошо известна. Именно в этом состоянии к нему приходило вдохновение, исходившее из самой реальности. Когда он, засыпая, слышал, как огненно-рыжий повторял его собственные слова: «Чаша, Священная Чаша», он тут же проснулся и по-настоящему испугался. Как могло случиться, что эти слова, известные лишь узкому кругу посвященных, он выдал этому чудовищу, будь то даже во сне. Может, этот страшный человек околдовал его, чтобы выведать его сокровенные мысли?! Не исключено, что огненно-рыжий уже кое-что узнал и о том, что связывало его, Левана, с Граалем? Если да, то каким образом? Вся эта история ведь была рассказана огненно-рыжим так, словно была предназначена именно для Левана: полная едва уловимых намеков. Все это сейчас пронеслось в голове у Левана. Ему стало не по себе. Он вспомнил еще раз весь рассказ, внутренним слухом прислушиваясь к скрытой иронии, сквозившей в нем, и вдруг ужаснулся: ему на миг показалось, что в Священную Чашу Грузии вползает большой тарантул. Немедленно раздавить мерзкое пре-

смыкающееся! Он резко встал, как бы готовясь к прыжку, чтобы колким замечанием остановить рассказчика, как-то смутить его. Однако рассказчик — так по крайней мере казалось Левану — был невозмутим. К тому же он оказался на редкость умным и в какой-то степени даже степенным. Леван непроизвольно нащупал в кармане ключ, переданный ему князем Гиорги, после чего к нему сразу же вернулась спокойная твердость; и он уже без труда, ничем не смущаясь, дослушал рассказ до конца. Прошло несколько секунд. Огненно-рыжий косо и нагло смотрел перед собой.

— Извините, пожалуйста, если я осмелюсь поправить в вашем рассказе некоторые детали, — раздался вдруг сверху голос Левана. — Во-первых, Чашу привезли не из Антиохии, а из древнего храма Ирода в Цезарее. Во-вторых, что касается самой Чаши, то она, согласно преданию, вырезана не из сапфира, а из изумруда, и в ней не семь, а шесть граней. Кроме того, часовня в Генуе, в которой хранилась Чаша, была посвящена Иоанну Крестителю. Теперь о священном замке на горе Монсеррат: он носил не имя горы, а свое собственное — Мунсальвеш. И еще один интересный факт: в этом замке нес вахту сам Парцифаль, — Леван перевел дух и сказал:

— Но это, конечно, все второстепенные детали, а в принципе история Чаши передана вами верно.

Огненно-рыжий заметно смутился, его косые глаза стали косить еще больше. Он не ожидал, что здесь в Грузии кто-то мог знать эту историю. Даже в России ее знали немногие. Молодой человек — как видно, новообращенный огненно-рыжего — и поэтому не в меру усердствовавший, благоговел перед своим наставником. Однако как грузин он не мог не обрадоваться тому, что нашелся земляк, который хоть в чем-то поправил его учителя.

— Весьма рад, что вы знаете эту историю с такими подробностями, — отозвался наконец огненно-рыжий на замечания Левана.

— Меня во всем этом удивляет лишь то, что вы так решительно боретесь против этой тайны, — тонко заметил Леван.

— Я ведь уже сказал почему, — ответил огненно-рыжий, — вы, наверно, спали, когда я объяснил это. Я

сказал своему товарищу, что идею Бога невозможно уничтожить до тех пор, пока не будет снят покров с тайны вокруг него.

— Понимаю. Но разве это так просто: снять покров с тайны?..

— Без сомнения.

— Неужели под этим покровом так уж ничего не кроется?

— Ничего.

— Понаблюдайте за тем, как растет то или иное растение. Как уловить все постепенные переходы от зародыша к цветению? Я имею в виду не сами трудности, связанные с наблюдением, ибо все это можно в конце концов показать с помощью обычного кино. Тайна заключается не в этом, а в том, как мысленно повторить развитие растения с самого начала?

— Очень просто. Развитие самопроизвольно содержится уже в самом зародыше.

— Но это ничего не объясняет, ибо таким образом мы уже сформировавшееся просто втискиваем обратно в зачаток. Это означало бы мыслить по заранее заготовленному трафарету, а не развивать саму мысль.

— Я, конечно, понимаю, на что вы пытаетесь мне намекнуть. Но ведь можно рассматривать растение и как целое, то есть не в процессе роста, а как неповторимый образ.

— Превосходно! Его так и следует рассматривать. Но это означало бы представить себе образ как архетип по Платону или как перворастение по Гете. Но ни то, ни другое, насколько мне известно, не согласуется с вашим материалистическим воззрением. И вот что главное: растение как архетип оставалось бы вне реального растения, вернее, до него. Даже представление о перворастении, которое дает более наглядную картину, нам здесь не поможет, ибо, хотя это перворастение и дремлет, так сказать, в каждой фазе конкретного растения, оно все же как бы парит над ним, будучи образно отделено от него. Как видите, мы не в состоянии пробиться сквозь покров тайны.

Огненно-рыжий защищался упорно, цепко, спокойно.

— И все же можно исходить из такой точки зрения, которая позволила бы нам рассматривать любое явление безо всяких покровов — само по себе.

— Существуют такие точки зрения, исходя из которых мы вообще уже ничего не видим: я имею в виду внутренний образ того или иного существа. Разве мы могли бы осмыслить, скажем, явление нашей возлюбленной, исходя из какой-то точки зрения?

— О возлюбленной мне ничего не известно, -- вырвалось у огненно-рыжего.

— Я так и знал, — отпарировал Леван неудачный выпад противника.

Огненно-рыжий понял, что допустил оплошность. Леван с удовлетворением заметил, что его недруг тщетно пытался скрыть смущение.

— Посмотрим на проблему с другой стороны, — продолжал Леван. — Как вы объясните то обстоятельство, что цветок именно в полном расцвете склонен к увяданию?

— Все, что рождается, увядает.

— Это чисто вербальное решение вопроса.

— Не вербальнее, чем ваше.

Диалог, казалось, расстраивался. Оба помолчали.

— В одном вы правы, — сказал Леван через несколько секунд. — Тот, кто разрушит табу, не повредив при этом самому себе, обретет сверхъестественную силу.

— Вот видите! — воскликнул огненно-рыжий удивленно и почти с радостью.

— И ваш пример с Наполеоном мне кажется удачным, но...

— Какое еще может быть «но»?

— Сила, обретенная таким образом, никогда не будет творческой: она все уничтожит, и в конце концов и ее обладателя. Благодарение Богу, что Наполеон, если, конечно, ваше предположение соответствует истине, из-за трещины в Чаше хоть чуточку испугался. В противном случае он, подобно вулкану, все разрушил и сжег бы на своем пути.

— Вы, значит, считаете, что перед тайной следует благоговеть? — спросил он холодно.

— Непременно.

— Откуда же взять тогда могущество?

— Лишь тот, кто способен в благоговении блюсти святыню, обладает подлинным могуществом.

— Вы хотите сказать, что хранители Грааля могут
ещественнее, нежели его разрушители?

— Именно это я имел в виду. Парцифаль несрав-
ненно сильнее любого осквернителя святыни, будь он
даже сам Наполеон.

— Вы путаете вымышленный образ с реальным.

— Вымышленный нередко реальнее реального.

Огненно-рыжий снова задумался.

— Если бы это было так, как вы говорите, то мы
никогда не освободились бы от Бога, — заметил он спо-
койно, как бы между прочим...

— А разве это так уж необходимо?

— Несомненно. В противном случае мы проиграем
борьбу за свободу.

— Вы представляете себе Бога, как нечто, враж-
дебное человеку?

— Да, то есть я представляю себе его именно тем,
чем он является на самом деле.

— Как у Кириллова в «Бесах» Достоевского. Пом-
ните его слова?

— Вы, наверно, имеете в виду вот эти слова: «Если
Бог есть, то вся воля Его; и из его воли я не могу. Ес-
ли нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие...»²,
Ницше, как вы, наверно, знаете, заявляет то же самое.
В этом пункте я разделяю мнение обоих, хотя оба по-
вредились в уме.

— Вам это не грозит, вы слишком умны для этого.

Огненно-рыжий вздрогнул:

— Как это понять?

— Это так, к слову. Итак, для вас Бог — враж-
дебная сила. Но Бог не есть лицо в собственно челове-
ческом смысле, как, скажем, какой-нибудь Петр или
Алексей. Он никому не противо-стоит, следовательно, не
может быть и противником, врагом, ибо он — составная
часть, неотъемлемый элемент нашего бытия.

— Примерно так видит его Майстер Экхарт, не так
ли?

— Да, именно так.

— Но ведь Экхарт утверждает, что Бог есть нечто
совершенно отличное от человека.

² Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Бесы.
Издание А. Ф. Маркса, 1895, с. 595. (Прим. переводчика).

— Но он еще говорит: «Хотя и нечто совершенно иное, нежели я, он все же мне гораздо ближе меня самого.» Поразительно верно схвачено!

— Это, извините, не более, чем пустая фраза. Бог всегда остается несотворенным, а я — его творение. Где же моя свобода?

— Вы, по-видимому, как создание подсознательно чувствуете рабскую зависимость от создателя.

— Рабскую зависимость? — Огненно-рыжий, кажется, был раздосадован. — Опять шпилька?

— Да, — продолжал Леван, — вы представляете себе Бога так, будто испытываете по отношению к нему неполноценность. — Это даже для Левана было слишком смело. Огненно-рыжий промолчал, укрывшись за броней бездонной, но тем не менее сдержанной ненависти.

Разговор прервался. Незаметно подкралась ночь. Огненно-рыжий медленно поднялся и прошелся по коридору вагона. Пока он сидел, он казался высоким. Лишь теперь Леван заметил, что у него были короткие ноги. Леван улыбнулся почти презрительно и, к своему удивлению, даже почувствовал сострадание к нему. Каким одиноким должен быть этот человек, — подумал он. Через полчаса огненно-рыжий вернулся в купе. Его лицо, искаженное глубокими душевными волнениями, напоминало первобытного идола и стало непроницаемым. Он сел.

— Знаете, что я только что подумал о вас, — обратился он к Левану, — именно вы кажетесь мне способным превозмочь табу. Вы чувствуете, что оно представляет для вас опасность, но вы — так как это безмерно упоительно — влюблены в него. Разве я не прав?

— Вы, наверное, хороший знаток людей, — ответил Леван, пытаясь нейтрализовать свой страх перед лестью противника.

— Итак, я прав или нет? — настаивал идол, вызывая улыбаясь.

— Я преодолеваю себя.

— Вместо того, чтобы отдаться всепобеждающему пьянению жизнью?

— Мне ведомо и более высокое опьянение.

— Какое?

— При таком проникновении в тайну, когда покров ее остается невредимым.

— Объясните мне это, пожалуйста.

— Когда ты полностью растворяешься в тайне.

— Но тогда вы сгорите дотла.

— Нет, перегорю в более возвышенное «я».

— Какое ослепление!

Леван ничего не ответил. Он схватил ключ, лежавший у него в кармане.

— Какая сила здесь пропадает, — притворно вздохнул огненно-рыжий.

— Благодарю за признание! — ответил Леван.

Уже была поздняя ночь. Все спали. Лишь Леван не мог заснуть, его усталость вдруг прошла. Огненно-рыжий уже через четверть часа громко храпел. В полумраке Леван пристально вглядывался в лицо спящего. Воплощение спокойствия наяву, этот человек во сне не находил себе места. Его короткие ноги время от времени вздрагивали: то одна, то другая. Голова то и дело конвульсивно подергивалась в левую сторону, правая рука что-то постоянно хватала, в то время как левая как бы защищалась от удара. Тело его напоминало какую-то фантастическую гуттаперчевую куклу, механизм которой был кем-то расстроен. Левану иногда казалось, что косые глаза спящего вытекают из орбит, источая темный свет, который тут же гас. От всей его фигуры веяло чем-то зловещим. Леван почувствовал, как мороз пошел по его коже. В конце концов и ему сон смежил веки. Однако это не был настоящий сон: его душил кошмар, время от времени принимавший облик первобытного идола. Он снова проснулся, все еще душимый чудовищем, и снова заснул.

Ранним утром поезд прибыл в город. Леван и огненно-рыжий попрощались.

— Леван Орбели, — представился Леван.

— Вельский, — назвался и огненно-рыжий. По-видимому, это был его псевдоним.

РАЗГОВОР В КАФЕ

В кафе, расположенном недалеко от театра, за столиком в углу сидели режиссер Марджани, поэт Авала и актер Ушанг. Было половина второго. На сей раз Марджани не был расстроен.

— Я вижу, что невозможное уже достигнуто, — сказал Авала.

— До этого еще далеко, — ответил режиссер, задумавшись.

— А что, собственно, препятствует этому, позвольте спросить?

— Я пытаюсь поставить на сцене один эпизод из истории Грузии. Вы, вероятно, знаете его. Молодой воин, смертельно раненный на поле боя, просит своих товарищей разрезать ему грудь и взять его сердце... — чтобы отнести его потом в Священную Рощу. Да, я знаю эту историю.

— Ну и что скажете? Разве ее не трудно поставить на сцене?

— Невероятно трудно. Вы, видно, хотите, чтобы вся эта жуткая сцена развернулась у всех на глазах?

— Нет, конечно. Это было бы слишком «физиологично», по меньшей мере для наших сегодняшних чувств, — пояснил Марджани. — Все будет сделано условно. На сцене появится лишь процессия, несущая сердце.

— Кто идет во главе этой процессии?

— Ушанг несет сердце в чаше, а Васса и Хорав сопровождают его.

— Да ведь это, собственно, культовый ритуал.

— Да, ритуал. Если бы эта сцена была поставлена по всем законам театрального искусства, она бы вызвала отвращение у зрителя.

— Понимаю. Но Ушанг, Васса и Хорав в состоянии мастерски показать на сцене сакральное.

— Да, конечно. Но для этой маленькой сцены у меня пока нет текста. Здесь нужны целомудренные, первоначальные слова.

— А нельзя ли разыграть эту сцену без слов?

— Этот эпизод должен длиться не менее 10 минут, а сцена не терпит таких пространных пауз.

Наступило молчание.

— Недавно я видел в Москве спектакль японского театра «Кабуки», — продолжал Авала. — Ставилась героическая драма о самураях. Это была драма о 47 ронинах. Один из актеров — Санджиро Никамура, исполнявший роль Ойши Йораноске, который пошел на смерть, чтобы отомстить своему господину, прежде чем

сделать себе харакири в течение восьми минут играл пантомиму, размахивая мечом. Эта сцена потрясала.

— У японцев, я полагаю, речь идет о другом, — возразил Марджани, — я имею в виду ритуальные приемы с мечом, которые сами по себе увлекают зрителя. У нас же просто невозможно применить их. Конечно, эпизод этот произвел бы эффект без слов только в том случае, если бы был разыгран в течение очень короткого времени. Играть эту сцену молча в течение десяти минут было бы слишком рискованно.

Оба немного помолчали. Затем Авала спросил:

— А почему сам драматург не пишет текст для этой сцены?

— Это ему не по плечу, — ответил Марджани.

Теперь надолго воцарилось молчание.

— Может быть, слова эти напишет Леван Орбели? — тихо и нерешительно сказал Ушанг.

— Превосходная мысль! Почему мне самому она не пришла в голову? — воскликнул режиссер. — Леван — единственный поэт, который справится с этой задачей. Я слышал, что он все еще находится у князя Гчорги в Саирме? — спросил он.

— Да, — подтвердил Авала, — но я жду его прибытия с минуты на минуту.

— Очень хорошо, — обрадовался Марджани.

Разговор продолжался. Через полчаса появился Леван. Он приветствовал Марджани, Ушанга и Авала, после чего подсел к ним. Через некоторое время Марджани обратился к нему со своей просьбой. Леван задумался.

— Задача не из легких, — сказал он, — но я попытаюсь.

— Я был бы вам весьма признателен, — ответил режиссер.

— Но дело в том, что срочно сделать это я не смогу, ибо мне нужно для этого прежде всего найти соответствующий пейзаж, чтобы там в уединении и с чистой душой дожидаться вдохновения.

— А не подошел бы вам для этого Манглиси? — спросил Марджани. — Я намереваюсь там провести все лето с моими актерами.

— Чудесно! Манглиси — самое подходящее место для этого.

Через некоторое время Марджани и Ушанг попрощались.

Леван испытующе посмотрел на Авала.

— Ну, что ты хотел мне сообщить? — спросил он.

— Я хочу, чтобы ты на несколько месяцев уехал из Грузии, — начал Авала и осекся.

Леван оторопел.

— Однако я вижу, что это пока невозможно. Тебе ведь надо поехать в Манглиси и писать текст.

— А почему ты сначала предложил мне покинуть пределы Грузии? — спросил Леван.

Авала оглянулся. Убедившись в том, что поблизости никого нет, он шепотом произнес:

— Этим летом готовится восстание — так я слышал.

Левана, казалось, хватил удар.

— Я знаю тебя: ты всегда идешь навстречу опасности, — сказал Авала, — поэтому мне показалось целесообразным, чтобы ты провел это лето вне Грузии.

— Очень мило с твоей стороны, — ответил Леван. — Но я не покину свою землю, тем более в минуту, когда ей грозит такая опасность. Да и кроме того, — добавил он, — этим слухам я не верю. Предводители антибольшевистского восстания не так глупы, чтобы пойти на подобное безрассудство.

Разговор прервался. Авала с чувством посмотрел на друга.

— Куда ты собираешься этим летом? — спросил его Леван.

— Я хочу поехать в Геленджик. Ты ведь знаешь, что жене и ребенку нужен морской воздух.

— В Геленджик? Это просто замечательно! — воскликнул Леван. — Возможно, и Норина поедет туда. Надеюсь, ты покажешь себя ее преданным рыцарем? — сказал он, улыбаясь.

— Я попытаюсь, — с радостью ответил Авала.

Затем оба направились к Авала домой. Весь этот день они проговорили о чудесных днях, проведенных в замке князя Гиорги.

В МАНГЛИСИ

В Манглиси, одном из прекраснейших дачных мест Грузии, расположенном примерно в 85 км от Тбилиси, было многолюдно. На высоких холмах, в тенистых рощах отдыхающие наслаждались животворящими солнечными лучами и пряным ароматом хвои. Местом сбора служила огромная сосновая роща, протянувшаяся между ущельями и склонами холмов. На светлой поляне среди рощи проводились разные игры и совершались прогулки.

Леван не впервые отдыхал в Манглиси. Его влекла сюда не только красота природы. В каждом элементе этой местности он ощущал присутствие чего-то особенного, что было скорее нематериального, чем материального свойства. Здесь все было пропитано эфиром жизни, тем, что индусы называют Акаса. Зеленая листва и цветы, плющ и барвинок, камни и голая земля, — все теснило друг друга в жадной дремоте, стремясь вырваться к жизни из-под невидимого покрывала. Покров этот был тайна. На всем здесь лежит печать тайны Творения, оставшейся неразгаданной за пределами предметов. Это вызывало в душе священный трепет. Здесь воспринимается мгновение солнцестояния — какое биение космического пульса, потрясающее и упоительное одновременно! В каждом явлении здесь можно представить себе его другую, невидимую сторону. Леван весь погрузился в природу. В ущелье журчала маленькая речушка Алгети, которая вызывала ужас у погруженного в свои мысли Левана. Ему казалось, что в ней текли мутные и желтые элементы распада.

Он часто поднимался на высокие холмы. Кругом — ущелья и пещеры, напоминавшие высеченные в скалах гробы и саркофаги. Дух жизни притаился здесь из страха смерти. На обугленных крутых выступах скал там и сям Леван замечал знаки, похожие на руны. Они казались иератическими письменами самой природы. Но какое многообразие письма! Если с кола в ограде снять высохшую кору, то можно увидеть подчас самые причудливые линии и знаки, выточенные червями — клинопись, идущую из глубины начала всех начал. Эту клинопись напоминали знаки на скалах. Настоящая Акаса, — подумал изумленный Леван.

Он часами бродил по косогорам в ожидании вдохновения, которое не спешило осенить его. Перед его внутренним взором предстали священные места, в которых уплотненная божественная сила некогда распространилась по широкому простору. В этих местах в незапамятные времена подвешивали к деревьям ветки, цветы, банты и растения с целью освящения жизненных сил. Здесь совершался обряд жертвоприношения богам возжиганием свечей, здесь происходило заклятие освященных животных и распевались гимны, декламировались стихи и изречения. Леван вдыхал дух прошлого, задержавшийся здесь в каждой горной котловине, словно в морской раковине.

На закате Леван обычно возвращался домой. На несколько минут он задерживался на опушке соснового бора и поворачивался лицом к горам. На их вершинах вздрагивали нежные желтовато-красные лучи заходящего солнца. Они скрещивались, как копья, и тогда — о божественный миг! — тогда восторженному поэту казалось, что они несли Чашу Грааля. Видение мгновенно исчезало. Каждый раз, когда Леван видел эту картину, он чувствовал, как в его душу, словно яд, проникали слова Авала, произнесенные шепотом: «Готовится восстание». И каждый раз ему не давала покоя мысль о том, что Чаша Грааля в опасности. Тогда он в страхе бежал от самого себя, лишь в общении с актерами вновь обретая свое чуткое «я».

Вечера он обычно коротал с Марджани, спскойно беседуя за чашкой чая. Великий режиссер был не просто одарен, он был наделен благодатью. Словно луч солнца на безбрежной морской глади, постоянно светила в нем радость жизни. Лишь Одилиани мог с ним в этом сравниться. В присутствии Марджани не было места меланхолии. Леван воспринимал от Марджани какую-то необыкновенную силу вдохновения. Режиссер рассказывал ему об интересных случаях из своей жизни. Лишь иногда он как бы между прочим касался своей пьесы. Он обсуждал с Леваном разные ее детали, особенно же — сцену, в которой трагический актер Ушанг в сопровождении Хорава и Васса должен был, как жертвенную Чашу, понести в Священную Рощу еще теплое сердце павшего друга.

— Каждое слово в этой сцене должно звучать так,

как будто оно только что было впервые произнесено, каждый жест — изображать культовый ритуал, — говорил ему Марджани. Леван вдруг начал реально представлять себе тот или иной образ. Так, одухотворяя друг друга, они создали текст для той сцены. Леван никогда не уходил от Марджани раньше полуночи. Когда он шел домой, последние звуки беседы замирали вдали, как прощальный зов, преисполненный тоски по новой встрече.

Тихо шелестел бор — образ, всплывший из сновидения. Оттуда еще доносились крылатые песни: несколько актеров пели под руководством Васса, Хорава и Ушанга.

Каждый раз, когда Леван возвращался домой, он с душевным трепетом заходил в свою комнату. Он брал в руку опал, подаренный ему князем Гиорги, и с грустью долго, неподвижно смотрел на его внутренний луч. Ему казалось, что он держит в руке Священную Чашу. В сосновом бору отзвучала последняя песня.

Так в Манглиси проходили дни и недели. Леван жил, как отшельник, думая о другом существе, имя которого он беззвучно произносил в минуты духовной сосредоточенности. Он любил Норину, как мужчина женщину, но не признавался себе в этом. В своем чувстве к ней он подчеркивал «любовь, которая есть нечто большее, чем любовь брата к сестре», другое же чувство он оставлял для себя невыясненным. Она писала ему горячо и открыто, он отвечал ей сухо и сдержанно. И все же он воспринимал каждое слово любимой женщины так, как высохшее русло ручья принимает первую струю воды.

ПРИКОСНОВЕНИЕ ИЗДАЛЕКА

Геленджик, 25 мая.

Дорогой Леван! Мы уже целую неделю в Геленджике: моя мать и я с маленьким Гоги. Геленджик — великолепный курорт на Кавказском побережье. Он лежит наполовину в долине, наполовину у самой горы, протянувшейся вдоль моря. Черное море плещется спокойно и мощно, унося вдаль шорох и шепот волн. Залив, большой и равномерный, кажется отпечат-

ком, оставленным копытом коня Посейдона. Чистый мягкий воздух пропитан солнцем. Он особенно подошел моей матери — ведь у нее тяжкий сердечный недуг. Мы живем в деревенской избе и вдыхаем аромат земли.

Знаете, кого я здесь встретила? Авала. Чудесно, не правда ли? Он предан мне — не то, что Вы. Почему вы не приехали сюда? Авала объяснил мне, что Геленджик в буквальном переводе означает «белая невеста» и что он когда-то был черкесским поселением. После того, как великий вождь горских народов Имам Шамиль в 1859 году сложил оружие в героической, длившейся четверть века борьбе против русской агрессии, в Турцию переселилось свыше полумиллиона черкесов, ни дня не пожелавших жить под чужеземным господством. Какой величественный исход!

Мы видимся почти каждый день. Мы отправляемся на Узкий Мыс, знаменитый тем, что здесь какое-то необычное солнечное излучение. Он находится немного в стороне от собственно Геленджика и здесь не так многолюдно. Авала — замечательный, глубоко чувствующий человек. Мне очень нравятся его большие серо-голубые глаза и их строгий взгляд. Он сам, кажется, гордится своими руками, а они у него и в самом деле красивые, точеные. Такие руки я видела еще только у князя Георги. На его ладони мне бросилась в глаза линия сердца, на которой точно так же, как и на Вашей правой руке, есть редкий знак солнца. Почему же тогда его характер так кроток, а Ваш — столь «тверд»? То, что он чуть-чуть припадает на правую ногу, придает ему, кроткому мужчине, какую-то спокойную сдержанность. Он иногда читает мне отрывки из своего нового романа, который я с чисто эпической точки зрения нахожу не вполне законченным, насколько я, конечно, могу судить, исходя из моего знания грузинского. Однако Ваша способность ясновидения поразительна! Он глубоко чтит и любит Вас — может быть, чересчур сильно. Наверное, он пока не дал Вам этого почувствовать: для этого он слишком застенчив. Он много рассказывает мне о Вас, рассказывает спокойно, неторопливо, и я готова слушать его без конца и даже умоляю его рассказывать мне о Вас все больше и больше.

В эти дни мы были в горах и видели дольмены.

Неужели и в самом деле человеческие существа поставили эти колоссальные каменные блоки? Загадочное уходящее в бездну веков молчание первобытного человека чувствуется в этих камнях. Жутко и **все же** бесконечно привлекательно!

Позавчера я получила письмо от князя Гиорги. Несколько строк он посвящает в нем и Вам. Я не цитирую это место, чтобы возбудить Ваше любопытство. Вы обиделись на меня за это? Он с блаженством вспоминает о тех днях, когда мы все вместе были у него. Да, это было неповторимо! Я все еще вижу перед собой этих солнцеликих людей и среди них одного человека с мрачным лицом шейха, который вместо того, чтобы взяться за меч, концентрируется в молитве.

Во время купания я иногда чувствую, как под прохладной массой воды по моему телу пробегает теплый поток. Нет более блаженного ощущения солнца. Этот поток дает мне представление о том, что связано у меня с Вашим пребыванием в Саирме. Вы еще не забыли меня?

Мой брат предлагает мне на конец лета морское путешествие на север.

Норича.

Манглиси, 29 мая

Дорогая Норина!

Меня занимает сейчас одна старинная легенда. Я как будто уже все знаю о ней, но хочу проникнуть, погрузиться в нее всей душой, чтобы добыть ее из недр моего существа как мой личный опыт. Для этого мне нужен соответствующий пейзаж, а манглисский кажется мне для этой цели вполне подходящим. Вершины высоких холмов, леса, скалы и ущелья, расселины, пещеры, теснины — все здесь способствует созданию таинственной атмосферы для живого восприятия Мифического. Часть пра-знания этого Мифического уже вошла в мое «я». Такой вид созерцания чудотворен. Но так как в нем воображаемое и реальное слилось в нераздельное целое, то действительность я воспринимаю как нечто и далекое, и близкое. Вот почему я иногда впадаю в ностальгию, зовущую меня в даль.

Сегодня это странное чувство очень сильно заговорило во мне. И вдруг нежданно-негаданно пришло

Ваше письмо, и мне почудилось, что вокруг меня заорхали соколиные крылья. Я все время перечитываю Ваши строки и чувствую, как в отрезанных виноградных гроздьях продолжает зреть солнце.

Думаю ли я о Вас? Здесь неподалеку стоит маленькая, старая, заброшенная часовня. Когда я прохожу мимо нее, я на несколько секунд останавливаюсь для немой молитвы. Тогда я мечтаю лишь об одном: увидеть Вас здесь, чтобы беспомощным прислониться к Вам, молча, в душе. Но Вы так далеки от меня. Хорошо еще, что мой друг Авала может видеть Вас. Я здесь изучаю старинную легенду, он же переживает живую: женщина после купания освобождается от объятий волн и медленно приближается к берегу. Авала стоит рядом и вспоминает известные слова: «Афродита вышла из пены Средиземного моря, встав перед финикийской баркой».

Вы намереваетесь совершить путешествие на север? Я уже вижу Вас на борту корабля загорелой, немного огрубевшей, одетой в платье из белого прохладного полотна. Стройная, подтянутая, Вы устремили затуманенный взор в безбрежную морскую даль. Море представляется мне для подобного настроения спокойно-дремлющим. Солнце висит прямо над Вашей головой кроваво-красным диском — и это на севере! Чайка белой грудью скользит по сверкающей глади моря, беспрестанно взмывая ввысь. Голова у Вас непокрыта, и волосы Ваши пылают в лучах солнца: сравнение их с Золотым Руном было бы здесь, пожалуй, неуместно. Вы пока одиноки, но постепенно вокруг Вас появляются поклонники. «Любое окружение он превращает в свою свиту», — сказал Проспер Мериме о Талейране. Это изречение еще больше подходит к Вам. Вы не носите украшений, и лишь на Вашем левом безымянном пальце благородно сверкает большой смарагд с вырезанным в нем римским профилем незнакомой дамы. Вы украдкой глядитесь в карманное зеркальце, затем Ваш взгляд случайно падает на драгоценный камень. Вам немного досадно, что Ваши зеленовато-голубые глаза не сверкают так же ярко, как он. Но это происходит, конечно, оттого, что Вы плохо спали. Но поклонники Ваши убеждают Вас в обратном. И тут Ваш голос снова звучит в полную силу. Сияя улыбкой и радостью, Вы

небрежно, с присущей Вам грациозностью изредка роняете в общий разговор какое-нибудь слово... Здесь я должен остановиться: боюсь, что моя фантазия заведет меня слишком далеко. Еще немного, и я начну ревновать Вас.

Леван.

Геленджик, 7 июня

Дорогой Леван!

Ваша фантазия и в самом деле зашла слишком далеко, мой дорогой друг. Вам, поэтам, это свойственно. Ваше письмо сильно подействовало на меня: теперь и я вижу себя на корабле, проплывающем мимо ледников. Они сверкают неестественной белизной над отвесными скалами, исчезая, словно призраки, в голубом просторе. Цвета чисты и прохладны. И воздух, и даже солнце. На горизонте, как в сказке, причудливо гроздятся острова; крутые утесы, зубчатые пики которых теряются в мерцающем тумане — Нифлеим. Боги мрачно взирают на меня, на заблудшую дочь свою. Может быть, мы с Вами когда-нибудь вместе совершим это путешествие. Тогда Вы сможете поэтически осмыслить этот пейзаж, а я увижу его тогда Вашими глазами и уже не буду глядеть вдаль «затуманенным взором».

Причины для «ревности» у Вас нет: путешествие, намечавшееся на это лето, не состоится.

Я живу здесь в упоении счастьем. Не только сердце, глаза, ноги — каждая частица моего существа по своему охвачены упоением. Я глубоко чувствую блаженное сродство между моим телом и землей, ощущаю, как волны нежного созвучия со вселенной вздымаются во мне. Глаза мои видят, не благодаря оптическому их свойству. То тут, то там я вижу шафрановые борозды и глыбы, как бы напоенные солнечной кровью. Наверное, Бог слепил первого человека из такой глыбы — так гласит грузинское предание. Солнце горит отгоревшим, отстоявшимся пламенем, сохраняя всеобщий покой. Небесная лазурь глубока, как глаза Мадонны. Особенно в первые мгновения после захода солнца. Я пьяна счастьем. Мне недостает лишь князя Гиорги и одного «жестокого» человека, пишущего мне «сухие» письма. Я вижу, как Вы улыбаетесь.

Все эти дни я провела на Узком Мысу в обществе солнца и волн, шум которых долго отдается в ушах, словно провидческие строфы Гомера. Меня без конца влечет к себе темно-синее море. По-видимому, мои хтонические корни (я прибегаю к Вашему выражению) в его недрах. Когда оно кажется спокойным, я стою у самого края воды, где волна не толще листочка и наблюдаю за дрожью мелкими брызгами рассыпающейся ряби. Кто бы мог подумать, что это едва видимое волнение идет из больших глубин моря? Понимаете ли вы, мужчины, и вы, поэты, что малейшее движение, происходящее в душе женщины, напоминает это бесконечное скольжение волн? Иногда мне кажется, что море страдает от своей глубины. Это страдание позволяет мне лучше осмыслить и женскую тоску. Женщина желает быть захваченной потоком чувства, хочет быть ограниченной им, словно чашей, чтобы не пролилось ни капли ее волнующегося чувства. Что может осчастливить женщину больше, чем такое чувство?

Сегодня я долго купалась и лежала на небольшой скале, которую себе облюбовала. Я ничего не делаю, а лишь вслушиваюсь всем нутром в дыхание волн до тех пор, пока не наступит во мне ощущение слиянности с плазмой, этой вечной стихией. Все мое существо дышало блаженством бытия; оно было подобно ряби морской, которая, быть может, все еще в трепете бьется об стенку чаши своего сердца, счастливая уже лишь тем, что ее снова прибьет к себе самой.

После этого я еще долго лежала на пляже погруженная в самое себя, прислушиваясь к себе, словно к шуму моря в морской раковине. Кстати, я нашла для Вас великолепную раковину с черными полосками по краям.

Я читала «Сонеты к Орфею» Рильке. Один из них увлек меня в Бесконечное. Посылаю его Вам, чтобы доставить Вам двойное наслаждение:

Незримый стих, ты — вот, ты снова здесь!
Дышу и вдоволь наполняюсь
твоим пространством. Ты — противовес,
в котором я ритмически свершаюсь.

Единственной волны набег,
чье море — мое постоянство;
ты бережливей всех морей и рек, —
прибыль пространства.

Сколько многие из тех моих глубин
пространством стали здесь. Но ветры множатся
и мне они — как сын.

Ты, воздух, полный мной, не оттого ли ты притих,
что опознал меня? Ты, ставший гладкой кожицей,
округлостью и кроной слов моих³

Очень редко меня захватывало какое-нибудь стихотворение так, как это. Мое душевное состояние, казалось, наиболее верно отзывалось в нем, словно в формуле заклинания. Чем глубже я погружалась в это стихотворение, тем дальше уходила в себя. Блаженство коснулось меня. Я ощутила вместе с тем какое-то неизведанное мною доселе волнение в себе. Сердце так колотилось, будто готово было вот-вот вырваться из груди. Мне казалось, что я совершаю бегство от себя самой. И вот что странно: перед глазами на миг промелькнуло Ваше лицо.

Норина.

Манглиси, 17 июня

Дорогая Норина!

Тысячу раз спасибо за Ваше милое письмо! Как хорошо, что Вы переписали для меня это стихотворение Рильке. Переписанное Вашей твердой и все же воздушной рукой, оно дышит, как живое. Это чудесное видение, словно схваченное в фуге. Я могу себе представить, как оно потрясло Вас после того, как Вы очнулись от душевного забвения. По-видимому, Ваше «я» в парящем состоянии, без земной оболочки вобрало его в себя, и Вы снова пережили тот шелест скольжения волны за волной. Но это уже не бытие. Тут началось, я полагаю, погружение в опасную сферу. Как мне это объяснить Вам? Блаженно приобщение к Невыразимо-

³ Перевод сонета взят из книги: Свасьян К. А. Голоса безмолвия. Ереван, 1984.

му. Его приближение вызывает в каждом из нас душевный трепет, но наше «я» никогда не растворяется в нем без остатка — между нами и им всегда остается тончайшая цезура. Раствориться в Невыразимом, не теряя при этом своего «я» — вот исполнение Сокровенного! Исключительно трудно сохранить чистым этот отрезок пути. Малейшее сомнение или появление атома себялюбия — и «я», только что причастившееся к Божественному, соприкоснется с пустотой, с ничем. В те чудесные мгновения Вы сохранили себя. Я вижу, как кровь в Вашем теле кипела, бурлила, пульсируя в диком, порывистом ритме. В Ваших органах разверзлись тончайшие поры, и сладостные волны потекли в Вас навстречу разбуженной, благоухающей крови. Ваше тело напряглось, сжался каждый мускул. Вы были озарены неведомыми лучами, Вы сияли внутренним светом неземного блаженства. Вот свершение! Вот бытие! В стихотворении Вы заново обрели себя, и я догадываюсь, что Вы здесь растеряли равновесие тех чудесных мгновений. Весьма опасно рассуждать о переживании, тем более о таком возвышенном. В бытии всегда присутствует древо жизни, а в размышлении мы уже вкушаем плод с другого древа. Кажется, будто что-то вмешалось в то событие, и Вы уже почувствовали себя от всего отчужденной, отторгнутой.

Дорогая Норина, душа нуждается в земной плазме, ибо лишь она придает ей зрелость и твердость. Лишь зародившись в крови, она обретает внутреннюю опору. Проникновение солища в земное время от времени будто бы прерывается в Вашем женском существе, но это, конечно, не значит, что я теперь менее восхищаюсь Вами.

Вы очень обрадовали меня, сообщив мне, что в момент самоотречения перед Вашим мысленным взором промелькнуло мое лицо. Могу я предположить, что Вы, грезя, снова обрели свое «я» в «ты»?

Я мог бы еще многое написать об этом, но боюсь, что мои строки станут тогда еще «суше». Вам недостает меня, как и князя Гиорги? Как это мило! Как приятно узнать это от Вас!

Леван.

Геленджик, 22 июня.

Дорогой Леван! Вы очень робко попытались определить мою сущность. Князь Гиорги сделал это определеннее. Он составил мой гороскоп и сообщил мне: «Женщина по имени Норина, моя любимая невестка, обладает чудесным, всеобъемлющим Солнцем в Рыбах с треугольником Юпитера и Нептуна, но очень опасной Луной, в Овне с квадратом Нептуна, Урана и Марса. Создается впечатление, будто она возжигает свечу с обоих концов. Вегетативная сторона ее существа во власти темных сил. Она склонна к саморазрушению, благодаря решительным действиям и неожиданным решениям. Ей трудно решиться на самоотречение, ибо в этом случае она сама играет активную роль. К этому следует прибавить ярко выраженное честолюбие ее характера, спорадически проявляющую себя волю, с которой другая сторона ее натуры — собственно женственная — постоянно вступает в конфликт. Не исключено, что она когда-нибудь станет знаменитостью, но за это счастье ей придется дорого заплатить. По-видимому, она производит сильное впечатление на каждого, кто видит ее впервые. Ей следует, если она желает уберечь себя от угроз судьбы, полностью опереться на свою духовную, солнечную силу, ибо со стороны луны ей помощи ждать нельзя.» Чтобы утешить меня, он замечает в конце: «Это, конечно, все бредни старого мечтателя, а на самом деле моя Норина — самое необыкновенное создание на свете».

Я читаю Ваше письмо и этот астрологический анализ. Я поражена: он верен. Нужно обладать мужеством, чтобы честно, не обманывая себя, видеть, понимать свою натуру. Меня всегда бросает в дрожь, когда я познаю себя. Я перекопала себя всю и наносю себе всяческий вред. Как странно чувствовать, что ты сама, словно злой рок, угрожаешь себе.

Норича.

Манглиси, 27 июня

Дорогая Норина! Вы еще ребенок. И слава Богу! Будьте покойны и светлы душой. Каждый из нас представляет собой космическую частицу вселенной, и знание планет лишь подтверждает материальную сущность нашего бытия. Однако бытие не есть только дар, но

и задача. В качестве задачи бытие неизменно таит в себе большую опасность, ибо оно может сложиться как праведно, так и неправедно. Каждый миг мы пребываем в опасной зоне; и чем больше личность, тем серьезнее опасность. Человек солнца может полностью превратиться в прах, если он не в состоянии должным образом создать в себе солнечное вещество. В конце концов решающее слово за нашим «я», которое мы бросаем на чашу весов судьбы. Поэтому «я» — божественного происхождения. Допустим, что Ваша луна угрожает Вам. Однако это не значит, что Вы не в состоянии ее исцелить. Тому, кто так глубоко постигает стихию, как Вы постигли ее тогда, лежа на маленькой скале у моря, тому дано все снова привести в равновесие. То, что говорит Вам Ваш гороскоп, следует рассматривать как задачу, которую можно и нужно решать лишь творчески.

В редкие солнечные минуты, когда все сущее на земле прислушивается к своему дыханию, прочтите эту молитву из «Атхарваведы»:

Когда я возлежу на тебе, о Земля,
и переваливаюсь с правого бока на левый;
и, если вдруг наши ребра коснутся тебя,
а ты к нам повернешься спиной,
тогда, о любимая земля, не сделай нам больно,
ибо ты — наша надежда, опора наша.

Произносите это стихотворение постоянно, как молитву, и представьте себя крошечным семенем. Тогда Вы почувствуете себя левком, пропитанным солнцем от корней до семенной коробочки.

Леван.

Геленджик, 2 июля

Милый, дорогой Леван! Ваше письмо подействовало на меня, словно капля солнца. Вся залитая светом, пишу Вам эти строки. Слова из «Атхарваведы» стали моими маленькими детьми. Они такие нежные, такие святые. Когда произносишь эти слова, нельзя самому не быть ребенком. Я повторяю их ежедневно, как молитву, и чувствую их отзвук в моем сердце, в кото-

ром тогда каждая жилочка целомудренно чиста, как и каждая строчка этого необыкновенного гимна к Земле.

Норина.

Манглиси, 6 июля

Милая, милая Норина! Как чудесно, что Вы так глубоко восприняли те индийские слова! Скоро Вы ощутите на себе их целительную силу. Вместе с Вашим письмом я получил и пакетик. Я осторожно вскрыл его и был изумлен: в нем оказалась та красивая ракушка, которую Вы нашли для меня на Узком Мысу. Я с нежностью взял ее в руку и подумал о Вас, углубляясь в себя. Я приложил ракушку к правому уху и прислушался к далекому шуму в ней. Мне послышались отголоски шума Вашей крови. Разве может женщина преподнести мужчине более дорогой подарок?

Леван.

Геленджик, 10 июля

Дорогой Леван!

Вчера у моей матери повторился приступ. Я сидела у ее изголовья. Она лежала молча, почти отсутствуя, глядя в пустоту. Я с беспокойством и озабоченностью смотрела на нее. Меня терзало сознание моей беспомощности, несмотря на готовность помочь матери в любую секунду и любой ценой. И все же я чувствовала в глубине души, что ее исцеление освободило бы меня от тяжкого бремени. Наверное, мать чувствовала то же самое. Может быть поэтому она внутренне оставалась замкнутой. Прошли мучительные минуты. И вдруг меня осенило. Мне показалось, что я преодолеваю грань, за которой — самоотречение и озарение. В тот же миг и душа матери наполнилась светом. Ее глаза теперь глядели на меня доверчиво, хотя и серьезно и печально. К своей радости я увидела, как из глубины ее души просияло скрытое доселе лицо. Возможно, что я увидела это лицо впервые в жизни. Я была потрясена.

Когда ей немного полегчало, я пошла прогуляться и задумалась о том, как редко мы видим подлинное лицо человека. Мы встречаем на своем веку тысячи людей, и они для нас не более, чем безымянные предметы. Может быть, раз в жизни, будь то на улице, в кафе или в купе вагона или еще где-нибудь мы с прони-

цательностью ясновидца видим насквозь встретившегося нам человека, запоминая его образ или что-то от него на всю жизнь. Подобное может произойти и между человеком и животным. Каждому из нас, наверное, приходилось испытывать на себе в какое-нибудь редкое мгновение человеческий взгляд привязавшейся к нам собаки. Говорят даже, что собаки иногда улыбаются. Странно: очень трудно встретиться глазами с кошкой. Еще непостижимее, почему внутреннее лицо безумного скрыто от нас, словно оно чем-то засыпано.

Погруженная в эти мысли, я вдруг оказалась в тени «моего» дуба. Я наслаждаюсь покоем и солнцем. Вы, вероятно, замечали, что в тени лучи солнца не только мягче, но и светлее. Лучи проходили сквозь густую листву, сверкая между листьями-тенями, словно глаза. На один из лучей я обратила особое внимание. Я приблизилась к нему, потрогала его осторожно и погладила его. Я прониклась к нему безграничным доверием. И тут с дерева упал большой лист — я наблюдала за его падением. Он был уже красно-желтого цвета. Я положила его себе на ладонь, и на миг меня охватила дрожь, словно я обнимаю любимое дитя, только что умершее. Я встала и пошла на берег. Море лежало передо мной, застыв в своем могучем покое. Я смотрела на крошечные волны, скользившие по прибрежной гальке и возвращавшиеся в бесконечность. Одна волна вдруг поднялась так высоко и так резко упала, что это отдалось в моем сердце. Я вернулась и почувствовала себя пронизанной солнцем, блаженством и немного тревогой. И вдруг я вспомнила, что Вы мне когда-то сказали: «С солнцем надо установить личный контакт». Неужели это мне удалось? Я испугалась.

Норина.

Манглиси, 14 июля

Дорогая Норина!

Вы не представляете себе, какую радость доставило мне Ваше письмо. Да, каждое существо таит в себе другое, внутреннее лицо. Что мы, например, можем знать о постоянно бурлящей горной реке? Ничего. Через каждое мгновение она — другая. Говоря словами Гераклита: «Нельзя дважды ступить в одну и ту же реку». И все же, созерцая, мы запоминаем ее телоподобный

образ, а ее шум, особенно ночной, мы не спутаем с шумом любой другой реки. В каждой вещи таится внутренний образ в виде призрака; привидения являлись первобытному человеку в тиши ночи: ночь — осязаемый покров для них. Оборотень иногда представляется мне образом того существа, от которого он однажды отделился. Но ведь он никогда не сможет избавиться от него. Так и пейзажи. И они, как существа. Вы помните знаменитую Военно-Грузинскую дорогу? Здесь солнце и земля сочетаются причудливым браком: насыщенная солнцем земля парит во всем своем великолепии навстречу солнцу, не теряя своей цветущей массы. Ах, если бы Вы могли увидеть когда-нибудь голые скалы Иранского плоскогорья! Они действуют на человека, как дремлющие астральные существа, созерцающие и осязающие в нирване солнца дыхание вечности.

Нужно носить в себе тот ничем не определимый порыв, который есть нечто большее, чем простое мужество, нужно быть готовым отдаться постигаемому. Тогда Вы переступите ту тончайшую грань, которую Вы ощутили, тогда нам будут близки не только люди и звери, но и камни, и деревья, и растения. Племена, в крови которых еще живет культ дерева, еще способны чувствовать его так, как воспринимали его друиды.

Приведу небольшой эпизод из моего детства. В нашем дворе, занимавшем холм, стоял дуб, который мы называли «великаном». Он и в самом деле был великаном: лишь семь человек, взявшись за руки, могли его обнять. Его мощные ветви закрывали весь двор, выходя далеко за пределы холма. Он, словно страж, стоял, величественный, над всей деревней. Когда ветер шевелил его ветви, дуб казался еще больше и сильнее. Мы все смотрели на него с благоговением, ибо предание еще жило в памяти нашего рода, согласно которому кто-то из наших предков посадил его. Однажды у нас появился прорицатель из соседней деревни. Ему рассказали, что в последние годы нас стали постигать несчастья, одно за другим. Он молча выслушал нас. Затем он внезапно вскочил и стал пристально разглядывать окрестность. Увидев дуб, он быстро подошел к нему, прижался грудью к его мощному стволу и обнял его. Мы все—стар и млад стояли тут же, и изумленные взоры всех были устремлены на прорицателя. Нако-

нец этот странный человек отпрянул от дерева и, словно одержимый, закричал: «Злые духи живут в дубе». Это сообщение потрясло нас. Мы решили «убить» дуб. Нам было бесконечно трудно сделать это, но никто не видел иного выхода. В течение многих дней сельчане обкапывали великана. В конце недели он наконец рухнул. Я не могу забыть его падение, хотя с тех пор прошло много лет. Точно какой-то доисторический дракон, лежал поверженный дуб перед нами. Мрачные, со стесненными сердцами, уставились мы на него. В стороне от всех стоял, прислонившись к забору, Фридон, брат моего дедушки, старейший представитель рода. По его лицу текли слезы. Люди не могли прийти в себя от постигшего их удара, парализовавшего всех. С того дня каждый из нас постоянно озирался вокруг: нам чего-то недоставало. В нашей местности образовалась какая-то непривычная, тревожная пустота. Тоскливое чувство закралось каждому в душу. В тот день поверженный дуб-великан дал мне впервые в моей жизни почувствовать смерть.

Леван.

Геленджик, 15 июля

Дорогой Леван!

История с дубом потрясает. Как глубоко вы, грузины, чувствуете дерево! Теперь я думаю о другом дереве: о виноградной лозе, из которой Святая Нино вырезала крест и скрепила его своими волосами. Ни одному поэту мира не удалось создать более глубокий образ! Во мне все еще звучат слова из Вашего хора о Святой Нино. Кого мы на Западе можем поставить рядом с этой святой? Я полагаю: Жанну д'Арк. У этой удивительной девушки из Лотарингии, как мне кажется, был в душе живой грузинский крест лозы. То пламя, то цветок, сияет она необыкновенной чистотой. Божественный синтез, которому, пожалуй, нет аналога во всей европейской истории. Дитя, в священном безумии дерзнувшее прикоснуться к Неприкосновенному — легко и уверенно. Как она говорит и общается с голосами: будто они — ее односельчане! Полнокровный, солнечный плод, виноградная гроздь! Все в ней божественно-непосредственно и благодаря этому космически открыто для вдохновения. С Богом у нее личные

отношения — наивысшая благодать, какая только может снизойти на смертного. Для разума она совершенно не приспособлена. А нужен ли он ей вообще? Она посвящена во все, но не внешне. Бывают мгновения — и женщина лучше мужчины понимает это — когда человеку вдруг все становится ясным. Каждый мыслитель, каждый поэт должен пережить такое мгновение. Лишь после этого он — посвященный. Святая Жанна постоянно живет такими мгновениями: она всегда посвящена. Какое счастье бытия! Я хотела бы, чтобы люди все свои начинания посвятили этой святой де-
ве. Ее нужно постоянно ощущать в себе: как сестру, как дочь, как мать, как подругу. Для меня она олицетворяет одновременно все. Я всегда вижу перед собой ее образ; и она смотрит на меня глазами, излучающими мужество. Я готова разрыдаться от радости. С ее именем на устах я хочу прикоснуться губами к кресту Святой Нино, напоенная солнцем виноградная гроздь которой и есть Жанна.

Норина.

Р. С. Эти строки уже были написаны, когда меня посетил Авала. Я спросила его, как он объясняет тот факт, что Анатоля Франса постоянно занимал вопрос, осталась ли Жанна целомудренной. Авала ответил мне: «Это тема для психоаналитиков». Мы оба рассмеялись.

Манглиси, 20 июля

Норина, милая Норина!

Я полагаю, что морская раковина, которую Вы мне послали — наилучший подарок, какой женщина может преподнести мужчине. А то, что Вы написали мне о грузинском кресте лозы в связи со Святой Жанной навсегда останется в моей памяти как нечто непревзойденное. Вы ведь знаете, как безгранично люблю я этот крест: для меня он — наивысшая благодать, которая в самые тяжкие минуты всегда со мной. Но Вы, по-видимому, не знали, что я так же люблю Святую Жанну. Когда я думаю о ней, бытие представляется мне божественно-простым. Теперь же, к своему изумлению, я вижу, что она — «напоенная солнцем виноградная гроздь», украшающая нашу лозу. Более счастливый образ не мог осенить меня ни как человека, ни как поэ-

та! Как мне хочется прикоснуться к Вашему прекрасному, умному челу виноградным листом моей Родины!

Леван.

341135320
3082019033

Геленджик, 27 июля

Леван, милый Леван!

Истома — блаженство усталости. Пробуждение, в котором еще дремлет «я». Дремота тяжелой, желтой айвы, только что сорванной, которую солнце, как сон, все еще удерживает у себя. Как медленно и незаметно проходят дни и ночи. Я не вспоминаю их, ибо все еще пребываю в них, как новорожденный в первые дни — в лоне матери.

Не грежу ли я? Он вдруг явился, «он», которого мы, женщины, вечно ожидаем. Когда я впервые встретилась с ним, наши взгляды пронзили друг друга. Это длилось одно мгновение. Если бы мы в это время были вдвоем, взгляд этот мог бы иметь для нас последствия солнечного удара. На заспанных лугах, по которым мы шли одни, этот взгляд был и уколом, и лучом. Мы уже знали друг о друге все. О, это священное знание крови! Оно, конечно, происходит не от того древа познания. Он шел рядом со мной и молчал. Мы не говорили, мы не касались друг друга. Я лишь ощущала кипение своей крови, но и то, как и его кровь вскипела одновременно с моей. Через какое-то время он исчез, и я каждый миг ждала его возвращения. Незведанное волнение вселилось в мою кровь. По этому волнению, всегда тревожному — морская раковина постоянно в тревоге за шум, окружающий ее — я определяю силу чувства. Я была, как в тумане, и я ждала его. Не грежу ли я?

По вечерам я часами сижу у моря до тех пор, пока его волнение не уляжется настолько, что не начнет с тихим шелестом уходить в себя самое. А слова, произнесенные в том лесу, к которым я до сих пор прислушиваюсь сердцем, прорастают в моей душе. Подчас мне кажется, что я любима вещами, которые касаются меня, оставаясь неподвижными. Их покой входит в меня, как в сосуд, жаждущий полноты. Я уже больше не Норина, я просто женщина, которая что-то чувствует в своих дремлющих недрах, может быть, — возвращение к себе самой. Блаженное мгновение! И снова во

мне поднимается то волнение, но теперь оно уже не тревожит меня.

Норина

Манглиси, 1 августа

Норина, любимица вещей!

Несколько дней тому назад я получил от свсей подруги маленькую книжку «Легенды о Святом Франциске Ассизском», оформленную, как молитвенник. Хотя я и не любитель таких легенд, я все же машинально полистал книжку. Одно место в ней приковало мое внимание. Я прочел о том, как Святой король Людвиг, которого я люблю и почитаю, переодевшись, совершил паломничество к ученику Святого Франциска по имени Эгидий.

Никогда до этого монах Эгидий и король Людвиг не виделись, и все же они ни о чем не стали расспрашивать друг друга, а лишь в благоговении преклонили колена, обнялись, расцеловались, как будто давно уже были близкими друзьями. Никто не проронил ни слова. Оба долго не разжимали объятий. После этого они молча расстались. Святой король продолжил свое паломничество, а брат Эгидий вернулся в свою келью. Когда святой Людвиг удалился, один из монахов спросил человека, сопровождавшего короля, кто этот человек, которого брат Эгидий так долго молча обнимал. Монах узнал, что это был король Франции Людвиг, который прибыл сюда лишь для того, чтобы навестить брата Эгидия. Он сообщил эту новость другим монахам, которые все выразили сожаление, что Эгидий ничего не сказал, и они спросили его: «Брат Эгидий, почему ты был столь мало любезен? Сей Святой король ведь прибыл к нам из далекой Франции, чтобы повидать тебя и услышать от тебя назидательное слово, а ты ровно ничего не сказал ему!» На это монах Эгидий ответил: «Милейшие братья мои, не удивляйтесь этому! Никто из нас не был в состоянии вымолвить хоть слово, ибо свет божественной мудрости в первые же мгновения нашей встречи открыл мне его, а ему мое сердце. Итак, через Божий промысл мы заглянули в наши души, и мы понимали друг друга намного лучше, чем если бы обменялись любезными словами».

Не находите ли Вы трогательной эту простую ис-

торию? Святой король и монах Эгидий в общении об-
шлись без выражений, ибо они сами являли собой вы-
ражение. Я думаю, каждый человек переживает в жи-
зни нечто подобное. Хотя бы однажды.

Ах, если бы Вы были сейчас здесь! Вы увидели бы
во мне Слово без звука. Да, именно увидели бы, ибо
душа моя пылает.

Леван.

Геленджик, 6 августа

Милый, милый Леван!

Я с жадностью прочла Ваше письмо. Исполненная
радости и восторга, я пошла в поле, на котором там и
сям еще цвел поздний мак. Солнце спокойно догора-
ло, и его ласковый жар пробудил мою кровь. Навер-
ное, где-то поблизости грелась на солнце ящерица. Я
тоже легла на траву. Не знаю, как Вы, но в цветке
мака я воспринимаю рождение солнца. Черный крест
внутри пылающей чашечки представляется мне испол-
нением страстного желания солнечного семени. Тот
факт, что он черного цвета, еще больше утончает чув-
ственно-целомудренное цветение этого цветка. Мало-
помалу я отделилась от себя самой. Мне казалось, что
я вся исхожу ласковой полнотой, окружившей меня.
Вдруг глубоко под сердцем я ощутила какое-то незнако-
мое мне движение. Оно было таким сильным, что созна-
ние мое на миг отключилось. Я почувствовала вдруг,
что во мне шевелится частица солнца. Это было чувст-
во, блаженное до содрогания. Словно волна, в божест-
венном ритме колыхалось мое существо. Не была ли я
в этот миг цветком мака? От неопишуемой радости мне
хотелось раздарить себя всем вещам. Истомленная и
все же окрыленная, я вернулась домой. Моя мать, уви-
дев меня, испугалась. Я, наверное, выглядела дико и не-
обычно. Она несколько секунд испытующе и с чувством
озабоченности смотрела на меня, не говоря ни слова...
Я тоже молчала, потупив голову. Я чувствовал себя
совершенно прозрачной. Может быть, ее взгляд так же,
как и взгляд Святого Людвига или монаха Эгидия за-
метил то движение в моем сердце? (Почему мы стыди-
мся больше всего именно тех, кто нам ближе всего?)
«Ты ужасно бледна», сказала она и тихо ушла.

Норина.

Р. С. 20 августа мы покидаем Геленджик.

Манглиси, 11 августа

Моя дорогая Норина!

Ваше письмо доставило мне невыразимую радость. В моей памяти всплыла одна из чудесных северных легенд:

Знаю, что есть Ясень по имени Иггдрасиль;
Окропляется белою влагою он.
От той влаги роса по долинам земли;
Зеленеет он вечно, ключ Урдр осеняя⁴.

Хотя я родом и не из той страны, в которой возникла эта легенда, но я могу представить себе это вечно зеленеющее древо: источники вокруг него не иссякают. Две птицы живут у ключа Урдр. Это лебеди. Я вижу, как они плывут, меланхолично-величественно. Олени щиплют листья ясеня. Я слышу одуряющий шорох листьев: «От той влаги роса по долинам земли». Пусть эта роса, милая Норина, освежит Вас.

Леван.

ДЫХАНИЕ ОПАСНОСТИ

Проходили дни и недели. Леван окреп душой для выполнения взятой на себя миссии хранителя Грааля. Это возвышало, озаряло, но было и невыразимо трудно, ибо налагало огромную ответственность. Слова Авала о готовящемся восстании не давали ему покоя. Он уже чуял дыхание опасности. В общении с Марджани ему было легче, а благодаря духовной близости с Нориной, у него появилась уверенность, что он справится с любой задачей. Когда Марджани не было дома или очередное письмо Норины запаздывало, он впадал в тревожную меланхолию.

Время от времени он встречал Закара, совершавшего полеты между Тбилиси и Манглиси. Они мало говорили друг с другом: Леван был погружен в свои мысли, а Закара был замкнутым и застенчивым от природы. Но оба с удовольствием бродили вдвоем по сосновому бору. Сегодня, только что отправив последнее

⁴ Эдда. Перевод С. Свириденко. М., 1917, с. 97.

письмо Норине, Леван встретил его в конце бора. Был поздний вечер. Летчик казался необычайно взволнованным, хотя и на сей раз был крайне молчалив. Леван догадался, что его молодой друг собирался ему что-то сообщить, но, по-видимому, как всегда, не находил слов. Он решил помочь ему, тем более что любопытство его было возбуждено.

— Вы ведь тоже принадлежите к рыцарскому кругу, — обратился к нему Леван, улыбаясь.

Закара удивленно посмотрел на своего старшего друга.

— Надеюсь, вы не забыли о том дне в замке, когда мы тянули жребий?

— Разумеется, нет. — Теперь и его неразговорчивый друг улыбнулся.

— Как рыцари, мы — братья.

— Да, конечно.

— Вы чувствуете во мне старшего брата?

— Да.

— Тогда вы ничего не должны от меня скрывать.

— Я ничего и не буду скрывать от вас.

— Я это вижу. Но мне показалось, что вам хочется сообщить мне какую-то новость, однако что-то препятствует вам. Я не ошибаюсь?

— Нет, вы правы, конечно.

— Тогда что же вам мешает открыться мне?

— Мне трудно это объяснить. Среди всех моих друзей и знакомых я чту вас больше всех. Когда я думаю о вас, вы близки мне. Стоит же мне оказаться рядом с вами, как вы удаляетесь от меня.

Молодой человек умолк. Леван почувствовал себя задетым.

— И теперь тоже? — спросил он.

— Теперь нет, — ответил летчик с облегчением.

— Ну, тогда говорите, — ободрил его Леван.

Они пошли дальше. Закара оглянулся. Убедившись, что поблизости никого не было, он сказал с тревогой в голосе:

— В ближайшие дни начнется восстание.

Леван побледнел.

— Откуда это вам известно?

— Я — сам участник заговора.

— Это безумие.

— Почему вы так думаете?

— Восстание заведомо обречено на поражение.

Закара сказал, что в течение суток в Грузии, мол, справятся с большевиками. Затем восстанет Армения, за ней Азербайджан и Северный Кавказ. Уже через неделю господству России на Кавказе будет положен конец. В случае надобности на помощь восставшим придет Европа. На этот счет все участники восстания поставлены в известность.

— Расчет в корне неверен, — возразил Леван. — Я могу, конечно, допустить, что мы за несколько дней справимся с Советской властью в Грузии. Но нельзя забывать самого главного: большевики сделают все для того, чтобы локализовать восстание, и ни Армения, ни Азербайджан, ни Северный Кавказ ничего о нем не узнают. Уже через несколько дней — пусть даже после победы восстания в Грузии — красные колонны из России ворвутся в страну. Грузия одна не в состоянии противостоят большевистской империи. Если бы мы подготовили восстание совместно с Арменией, Азербайджаном и Северным Кавказом, то, возможно, кое-какая надежда на успех могла бы быть. Однако намерение осуществить восстание сначала в Грузии, уповая на то, что оно само по себе распространится на соседей, представляется мне совершенным безумием. Теперь относительно Европы. Я хорошо знаю ее: она и пальцем не пошевелит для нас.

Леван разговорился. Закара пытался защитить восстание. Однако каждый его довод разбивался о железную логику Левана, тем более что он и сам не был вполне уверен в успехе восстания. Его аргументы становились все слабее и слабее.

— Знаете, — сказал Закара после небольшой паузы, — предводители восстания в течение нескольких месяцев пытались убедить меня в том, что победа непременно будет за нами. Но я колебался до тех пор, пока не испытал сильное потрясение.

— И что же это было?

— Ваша застольная речь в замке князя Гиорги. Но особенно меня потрясли слова, сказанные вами как бы между прочим, о том, что надо жить, как солнце и с солнцем внутри. Солнце никогда не рассчитывает, оно, не задумываясь, раздаривает себя. То мгновение, ко-

торое вы создали тогда во мне вашим пламенным словом, оказалось для меня решающим.

Леван был ошеломлен.

— Я очень сожалею, — сказал он после небольшой паузы, — что мои слова ввели вас в заблуждение. Конечно, надо, как солнце, нерасчетливо раздаривать себя, но сначала надо обрести в себе это солнце. Жаль, что эта оговорка не пришла мне тогда в голову. Солнце, не раздумывая, отдает себя. Однако оно себя не уничтожает, а, напротив, формирует себя только и только в самоотдаче. В данном же случае — Леван снова коснулся плана восстания — речь идет о самоуничтожении.

Он пытался объяснить своему молодому другу, что для настоящего дела требуется внутренняя зрелость, то есть такая зрелость, при которой расчет слеп, а слепота расчетлива. Он привел множество примеров из истории Грузии, каждый из которых подтверждал, что лишь основанное на зрелом рассудке применение сил в стране увенчивалось победой и что каждое поспешное, необдуманное начинание неизменно приводило к катастрофе. С увлечением слушал Закара Левана. Рассказ о битве при Дидгори, который Леван не преминул привести, совершенно захватил Закара. На примере этой великой битвы он понял, как из единства интуиции и расчета рождается воля к победе. Он проанализировал в мыслях план восстания и сделал, к своему прискорбию, вывод, что все здесь от начала до конца шатко и необоснованно.

— А кто руководит восстанием? — осторожно спросил Леван.

— Паритетный комитет.

— Паритетный комитет? — вырвалось у Левана.

— Да, в этом комитете представлены различные партии, — пояснил летчик.

Леван уже не был в состоянии сдерживать себя. Его гнев перешел вдруг в смех.

Смущенный, Закара с недоумением взглянул на Левана.

— Паритетный комитет? — несколько раз повторил Леван. — Вы когда-нибудь слышали, чтобы в мировой истории какое-либо восстание осуществил комитет? Да это же чистейший абсурд! У восставших должен быть

один руководитель, невидимо, но вполне осязаемо консолидирующий все их силы. Более того: в качестве волевого узла руководитель этот концентрирует и направляет волю каждого отдельного человека. Как вы думаете, на что была бы способна армия, если бы ею вместо скажем, Ганнибалы, Александра Великого или Наполеона командовал комитет? Это было бы обычное сборище безвольных людей, а не сконцентрированная сила. Комитет в качестве предводителя? Это анонимная импотенция. Паритетный комитет? Смешно! Кого может зажечь или увлечь этот недоносок?

Леван снова впал в гнев. Закара стоял перед ним молча, не осмеливаясь возражать. Каждое слово Левана клеймом жгло его душу.

— Скажите, как восставшие относятся к Какуце Чолокашвили? — спросил Леван.

Чолокашвили — потомок знаменитого старинного рода Ирубакидзе — вместе со своими единомышленниками с первых же дней советизации Грузии вел непримиримую борьбу с большевиками. Власти называли его отряд бандой. Однако их могущественные колонны безуспешно пытались окружить и уничтожить его. Отряд со своим предводителем держался в горах, совершая оттуда набеги.

— Поддерживают ли предводители восстания связь с ним? — несколько иначе задал Леван свой вопрос.

— Я не думаю.

— Ничего не понимаю.

— Его предоставили самому себе, насколько мне известно. Его боеспособность — так считают — и без связи с ним способствует успеху восстания.

— Непостижимо.

— Кое-кто утверждает, что Чолокашвили просто стремится к возрождению почти уже выродившейся аристократии. Кроме того, он, дескать, намеревается восстановить в Грузии феодальные порядки.

— Понимаю, — сказал Леван с горькой усмешкой. — Они не знают, что в Грузии аристократия всегда защищала страну, и не чувствуют, что в крови Чолокашвили еще жива старинная рыцарская традиция.

— Люди думают, что эта традиция отжила свой век.

— Тем хуже для них.

Оба помолчали.

— Эти господа заняты лишь своими внутрипартийными распрями, а не борьбой на поле брани, продолжал Леван. — Если бы они были умны, то привлекли бы таких людей, как Мушни, Хыдыр и сван Кансав. Подобные молодцы, хвала Создателю, еще не перевелись в нашей стране.

— Я тоже так думаю.

На лбу у Левана появились морщины. Его возмущению не было предела. Закара стоял перед ним опущенный и беспомощный, прижимая руки к вискам.

— Что же мне теперь делать? — в отчаянии бормотал он.

— Предоставьте события их собственному течению, — сказал Леван.

— Тогда меня объявят трусом и предателем.

— Будьте покойны! Никто не сочтет вас за труса, кто вас хоть раз видел, а предатель лишь тот, кто безответственно относится к делу народа.

Закара находился под влиянием Левана. Казалось, он был готов во всем следовать его воле.

— Я верю в вас, — прошептал он.

— И я верю в вас, — ответил Леван.

Несколько секунд прошло в полном молчании.

— На какое число намечено начало восстания? — спросил вдруг Леван.

— Первое выступление назначено на 14 августа.

— На 14 августа? — удивился Леван. — То есть на день битвы при Дидгори? Это просто немыслимая параллель! Известно ли руководителям восстания, как проходила великая Дидгорская битва?

Так закончился этот знаменательный разговор. Закара стал прощаться. Леван взял из портфеля лист бумаги и передал его летчику.

— На память обо мне, — сказал он. — Здесь несколько строк из моего стихотворения.

— Благодарю вас, — сказал, просяив, Закара.

Окончание следует

Перевод с немецкого Сергея ОКРОПИРИДЗЕ

Тень прошлого шагает по Москве

Вновь наступает царство тишины.
Под фонарем снежинки — словно искры...
И спит Москва. И ночь рождает сны.
Но чья-то тень крадется вдоль стены —
До ужаса знакомый, серый призрак.

По кирпичам, по мрамору скользя,
Вначале ковыляя еле-еле,
Идет все тверже... не узнать — нельзя,
Хотя бы по усам и по шинели.

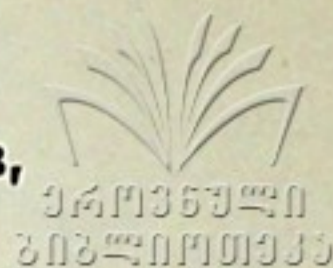
Неслышным шагом площадь обойдя,
У мавзолея усмехнувшись грозно,
Шагает тень Великого Вождя.
Горят Генералиссимуса звезды.

— Вам кажется, что стали жить свободней,
Что навсегда прошла моя пора?
Кем был вчера я? Лениным сегодня.
Кем был сегодня? — Лениным вчера.

Пока он там лежит, смерть не возьмет меня.
Глупцы, ведь я оставил вам в наследье
Тяжелый груз (его вам не поднять):
Великий миф двадцатого столетья.
Понадобится много, много лет
И даже, может быть, тысячелетий,
Чтобы стереть с лица земли мой след.

Не верьте никогда моим врагам.
Да, я не раз и лгал, и лицемерил,
Но жизнь свою сложил к твоим ногам,
Народ России! Ты ведь в это верил.

Воистину загадочный народ!
Ты у других рождаешь тьму вопросов,
Но я увидел, что в тебе живет
Мечта о справедливости, — так вот,
Вот почему смогу я взять без спроса
Власть над любимым, кто вслед за мной пойдет,
А остальным заткнуть навеки рот:
Для этого расстрел — прекрасный способ.

Я лишь одно любил на свете — власть,
И всех убрал, кто к власти был причастен.
Ну что ж, я властью наслаждался всласть:
Нет в мире ничего дороже власти!

Мне нужно было силу обрести,
Чтоб повести народ к Великой Нови,
Но у меня стояли на пути
Бухарин, Троцкий, Каменев, Зиновьев...
Я их убрал. Лишь трус боится крови.

Сначала я сумел их разделить,
Сумел стравить друг с другом их искусно.
Непримиримости учил меня Ильич,
А благодарность — лишь собачье чувство.

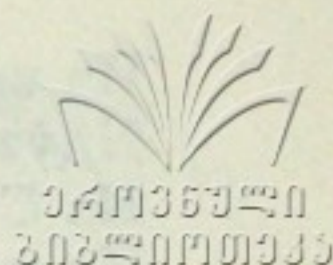
Да и без них я знал, что пресловутый нэп
Нас поведет назад, к капитализму,
А между тем стране был нужен хлеб,
Станки и трактора для новой жизни.

И «госкапитализм» — одна сплошная чушь!
Что мог бы дать он пролетарским массам?
Нет, я построю все, как я хочу —
Без всяких буржуазных выкрутасов.

Я твердо шел вперед, я был в своем уме.
Мной создан механизм, которым править можно.
В нем каждый винтик знал: в любой момент
Он может быть изъят — и уничтожен.

Работай — не за совесть, а за страх!
А кто не хочет — всем готова плаха.
Ведь мудрость высшая заключена в словах:
«Нет ничего сильнее любви, рожденной страхом».

Моей системе нужно лишь одно, —
Чтоб все передо мною трепетали.
А что у вас в душе — мне все равно:
За всех решает все товарищ Сталин.

Когда пришла Великая Война
И громыхали грозные раскаты,
Вокруг меня сплотилась вся страна
И с именем моим шли в бой солдаты.

Теперь вам не порвать, не обронить
Истории связующую нить.
Поймите же, пока еще не поздно:
Мне удалось в себе объединить
Великого Петра с Иваном Грозным.

Не только вы, но даже ваши дети
Сойти не смогут с моего пути.
За то, что делал я, — вы все в ответе,
И никуда вам — знайте — не уйти!

Я крепко власть держал в своих руках,
Я истину одну навек усвоил:
Пока на свете жив один мой враг,
Потенциальный враг — мне нет покоя!
Я должен был их всех перестрелять,
Но прежде всех — вот этого болвана,
Сумевшего так здорово сыграть
Придурка, балагура-микитана,
В своих квадратно-гнездовых мозгах
Взрастившего горох и кукурузу...
Вы с ним забыли, что такое страх.
Позор, позор Советскому Союзу!..

.

Во всех его словах живет былой обман...
Как сброшенные с мертвых тел одежды,
Клубится бело-голубой туман,
В котором — все страданья, все надежды.

Отравлен воздух горечью души, —
Мильонов душ, так не хотевших смерти,
Но гибнувших, ни в чем не согрешив,
В его машине власти изуверской.

Из всех углов страны, — одной большой тюрьмы, —
Идут слепые тени, шаг за шагом, —
Из Соловков, с далекой Колымы,
Из всех несчетных лагерей Гулага,

Волнами вытекают из дворов
Всех тысяч малых и больших Лубянок,
Из городов и сел, и с хуторов
Текут к Москве сплошной рекой тумана.

По улицам струясь, на площадях
Он растекается и заново клубится,
И словно в хороводе вокруг вождя,
В нем проплывают неживые лица:

Ученые, писатели, врачи,
И все, кто был когда-то раскулачен,
И те, кто просто так, — о ком поныне плачут
Их дети — старики... Как горячи
Сухие слезы! Долг пред ними неоплачен.

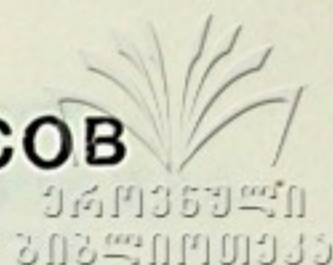
Прикрыв рукой незрячие глаза,
С трудом влача ослабнувшие ноги,
Он ежится и пятится назад,
На площадь старую, откуда ждет подмоги.

Там — тени политических мерзавцев,
С «Вождем народов» шедших до конца,
Так дружно, верноподданно лизавших
«Святое место» мудрого отца.

Из подворотен клочья черной мглы
Крадутся, словно верные собаки,
И вот туман закован в кандалы
И снова загнан в тупики-бараки...

Еще не скоро заблестит рассвет,
Еще дома на тюрьмы так похожи...
Тень Сталина шагает по Москве.
Не попадайся ей, ночной прохожий!

Из мифологии древних персов

Два юных бога играли весело
на берегу океана Вечности,
два юных бога — добрый и злой...
Их имена — Ариман и Агни
(злой Ариман и добрый Агни).
К ним приплывали из бесконечности
драконы веселые шумной толпой,
их обдавали звонкими всплесками
рыбы с розовой чешуей.
Когда ж наигрались — оба устали,
а делать нечего было им.
Легли на омытые Вечностью скалы...
— Давай, — сказал Ариман, — мой Агни,
сегодня с тобою мир сотворим!
— Поспим сначала, — ответил старший, —
а так как старших слушаться надо,
то Ариман не заспорил с ним.
Но он проснулся все-таки первым,
а брата будить не стал, — и начал:
девять раз он ударил ладонью
и высек из пустоты Пространство,
потом положил его на скалы
и зачерпнул из Вечности Время, —
всего лишь одну пригоршню Времени, —
и выплеснул его на Пространство,
и стало Пространство вдруг искривляться,
возникла ведущая вглубь воронка,
и в эту воронку вдохнул он Зло...
Пузырем огромным, готовым лопнуть,
повисла в воронке капля Вселенной,
но в это мгновенье проснулся старший
и с криком: — Что ты наделал, несчастный? —
успел в воронку вдохнуть Добро.
И Взрыв Великий в Пространстве грянул, —
и рассмеялись, обнявшись, братья,
но услышали голос матери:
— Дети, домой! Обед готов...
И братья помчались к своей богине,
матери двух великих богов.
Сказала: — Знаю, что вы натворили,

только дело это — плохое.
И вообще — сколько вам говорили:
оставьте лучше Вечность в покое!

Мир, сотворенный Злом, изначален,
Мир, сотворенный Добром, вторичен.
Не оттого ли в такой печали
все мы живем — и чего-то ищем
в нашем ужасном срединном мире,
где Зло и Добро — навеки вместе,
но нет конца их вражде стародавней!
Они никогда не смогут жить в мире,
но и расстаться не могут по чести.
Нам же Добру не помочь — нет силы...
О, сделайте так, Ариман и Агни,
злой Ариман и добрый Агни,
чтоб все на свои места возвратилось!

ДИДЭБА¹

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Человек, что шел по дороге в город, босой, расхристаный, — к тому же с изможденным лицом, погасшим взором, сгорбленный, — походил, можно сказать, на воскресшего мертвеца. Он брел, прихрамывая, по обочине пыльной дороги, в руке держал посох, на который изредка опирался, и хранил молчание. Дорога же была запружена. По большаку, обсаженному с обеих сторон облетелыми тополями, лился шумный людской поток: кто гнал скотину, кто сидел на арбе, осле или муле. Смешались в кучу женщины, дети, праздный люд. Дети проказничали, женщины судачили без передышки, мужчины коротали время в степенных разговорах, покуда шли дорогой, тянувшейся через всю долину с подступающими нагими излуками верблюжьего цвета, на которую со сверкающего синего неба торовато светило пылающее золотом осеннее солнце. Мулы и клячи были увешаны выюками и хурджинами, на арбах, крытых коврами, у кого была поклажа, вероятно, прихваченная в город для продажи, у кого — еще что, только этот человек шел один, словно чужак какой — ни близких, ни вещей. Раз ему протянули хлеб, он взял, съел, но в разговоры вступать не стал. В этой толпе его не знал никто, и он, похоже, не знал никого.

Потом показался и город.

Высокие стены крепости сверкали на солнце, вокруг простирались, желтея, разоренные осенью огороды. Толпа оживилась, еще больше расшумелась. Дойдя до ворот, люди останавливались, отряхивали пыль, ко-

¹ Дидэба — (букв.) слава, величие.

торой набрались в дороге, заново переключивали скарб, приводили себя в порядок. Стражники на крепостной стене не обращали на пришлых никакого внимания, хотя обычно проверяли их и мучили на тысячу ладов в надежде урвать кусок, поживиться. ;

Одинокий путник вошел в город и спустился по тесной улочке. Дорогу ему преградил караван верблюдов. Погонщики свистели, кричали, бранились по-татарски, сновали взад-вперед, направляя уходящий из города караван. Путник с ненавистью обернулся им вслед. Караван прошел, воцарилась тишина. Путник, прихрамывая, продолжил путь, удивляясь непривычной пустоте города. Только калека тащился посреди улицы, под стать ему обнищавший и обносившийся. Поровнявшись с путником, калека обратился к нему по-татарски.

«Я впервые в этом городе. Ни языка не знаю, ни местности, куда мне идти?»

Странник горько усмехнулся, подумав про себя, навязался мертвец мертвецу.

«Куда хочешь, туда и иди!»

«Куда лучше?»

«Все равно».

«Говорят, жить тут можно», — заметил татарин².

Человек с посохом бросил искоса взгляд на нищего и промолчал, хотя до площади они и шли вместе.

На площади собралась бурливая толпа. На зубце стены лежала насаженная на острие копья окровавленная голова. Толпа гудела, обсуждала событие. Странник смешался с людьми, прислушиваясь к их разговорам, но смысла не уловил;

«Что тут происходит?» — спросил он наконец у тщедушного человечка.

«Ты что, с луны свалился? — удивился тщедушный. — Разве не слыхал, нам нового пашу назначили?»

«Куда старый подевался?»

«Провинился, вот и отослали его в город к падишаху, а вместо него посадили Наскида-эфенди»³.

² Татарами в Грузии издревле называют мусульман, отсюда «по-татарски» может быть и по-персидски, и по-турецки, и по-арабски.

³ Наскиди — букв. купленный (груз.).

«Подумаешь, посадили! Что он нас, в парчу оденет? Войска у нас нет, казна пустая, во всем подчиняемся татарам. Ставленник падишаха, при всем желании, не сможет ничего сделать для своей страны!» — вмешался в разговор неверный.

«По-твоему, старый беглар-бек был лучше? Двадцать лет обирал нас! Теперь, когда его, наконец, скинули, что-нибудь да изменится».

«Ничего не изменится!» — не сдавался неверный.

«Сумел же он расправиться с первым назир-везирем старого паши!»

Большинство не разделяло сомнений неверного, видно, считали возможным желаемое.

Странник почувствовал, что великая жажда пробудила в людях надежду, им уже не хотелось видеть действительность, задумываться и размышлять над ней. Оттого и шли кругом у них головы, оттого и стояли они на площади в ожидании появления нового паши.

Человек с посохом тоже ненавидел старого правителя и радовался вести о его свержении. Но будет ли лучше Наскида-эфенди-паша для этого бедного и темного края? Бог весть! Говорили, что он смел и коварен, но ведь только эти свойства не заменят глубин человеческого разума?

Стране нужен был справедливый и мудрый правитель, страдающий ей...

В бытность свою санджак-беком Наскида-эфенди изобличил во мздоимстве и посадил на кол двух преданных везирей старого паши. Не каждый осмелился бы пойти против паши, занять его место, потому как было известно, что старый паша состоял в свойстве с падишахом, будучи женатым на его родственнице, в походах не раз сопровождал султана и храбро бился. Кто знал об этом, не мог понять, за что понес кару достойный беглар-бек. Кто поверил бы в то, что его несправедливость и безрассудство возмутили султана, куда более несправедливого и беспощадного, когда того требовали нужды государства. Конечно, и падишахи подчиняются каким-то определенным законам, которые сами же и создают. Так что же случилось, почему падишах возвысил Наскида-эфенди?

Странник с посохом выбрался из гудящей толпы, стал на краю площади и задумался. Будет польза

стране или нет от замены паши, когда своих забот хватало: не было ни средств к существованию, ни крова. Он и сейчас был голоден, а татарин калека, навязавшийся ему в попутчики на входе в город, рыскал в толпе с протянутой рукой и просил милостыню. Кое-кто подавал ему мелочь, и странник с посохом пожалел, что не родился нищим. Он не умел кланяться подаяние, оттого и жилось ему трудно, хотя в стране, где все были попрошайками и пробавлялись милостыней, начиная с Великого падишаха и кончая последним христардником, совсем не обязательно было сохранять простое человеческое достоинство.

По тесным извилистым улочкам странник спустился вниз. Он давно не был здесь, тем не менее не испытывал ни радости, ни даже ничтожного удовольствия. Странник медленно шел. Шум толпы оставался за спиной, и все более отчетливо слышались удары топора. Эти звуки заинтересовали его, он прислушался и направился туда, откуда доносился мирный стук, по которому он стосковался.

На обочине дороги сидели у стен своих домов старики и, перебирая зерна четок, беседовали, странник же пошел туда, откуда доносились удары топора и стук молотка, и вышел-таки к постройке, одетой в леса, на которой работали трое мужчин. Один из них, самый молодой, стоя на выведенной доверху стене, крепил рейку. Он-то и держал в руке молоток. Второй, сухощавый седоусый мужчина, таскал камни. Третий, все еще моложавый крепыш, укладывал их. Он, как видно, и был каменщиком. Ловко орудуя мастерком, он скоро возводил стену.

Странник остановился неподалеку, наблюдая за рабочими. Он смотрел так, будто перед ним было уже готовое здание. Мужчины работали молча, разве что изредка перебрасывались словами. Только каменщик, напевая и время от времени поглядывая на щурившегося незнакомца, пытаясь понять, зачем так долго стоит здесь, без слов и без дела, этот человек в отрепьях, кто он, кто подослал его, как ему нравится их работа?

Тем временем молодой укрепил рейку и спустился вниз. Теперь и он помогал седоусому таскать камни, стена поднималась все выше. Был самый разгар рабо-

ты, когда незнакомец, шагнув вперед, обратился к каменщику:

«Братец, окошко лучше сделать чуть правее!»

Все трое обратили недовольный взор на непрошеного советчика. Окно уже было сделано, каменщикам, естественно, не улыбалось разбирать стену и возводить ее заново.

«Хочешь, погляди отсюда!»

Каменщик в раздражении спустился с лесов и стал на то место, откуда незнакомец наблюдал за работой. Прищурившись, он уставился на стену.

«Твоя правда!» — сказал он наконец, смерив незнакомца недоверчивым взглядом, и снова поднялся на леса.

«И арку побольше скругли, так, пожалуй, будет ладнее, к тому же пару камней выгадаешь».

На сей раз каменщик не вымолвил ни слова, но, когда разобрал возведенную стену и снова сложил ее, он и окошко слегка сдвинул вбок, и арку скруглил так, как советовал ему незнакомец, а довольный советчик медленно побрел по узкому проулку. Тут его настиг окрик каменщика:

«Постой, брат, ты, случаем, не Дидэба?»

«Откуда ты знаешь мое имя?» — удивился Дидэба.

«Как не знать, ведь это ты строил Синий монастырь?»

«Да».

Каменщик, спустившись вниз, приблизился к Дидэба.

«Второго такого здания нет в нашем городе. Мне давно хотелось познакомиться с тобой, но не смог отыскать, прошел слух, что ты уехал из города. Кто любит и помнит истинное зодчество, тот знает цену твоему мастерству и уважает тебя. Я многому научился у тебя, Мастер!»

Лицо Дидэба было таким растерянным, что, казалось, он и не слышит, о чем ему говорят. Помявшись, он с трудом выдавил из себя:

«Может, сможешь, дружище, и дашь мне какую-нибудь работу, лишь бы прокормиться?!»

Улыбка застыла на лице каменщика.

«Ты так нуждаешься?»

«Не нуждался бы, не просил!»

«Откуда взяться работе! Нашел работодателя, сам едва свожу концы с концами».

«Ладно, Бог в помощь, это я так, к слову, будь здоров!» — торопливо проговорил Дидэба и пошел своей дорогой.

Чем зря хвалить, дали бы краюху хлеба. Внезапно — он сам же удивился — ему захотелось увидеть некогда построенный им монастырь.

Он пошел по отлогой улице.

Шел долго, даже устал. Откуда-то со двора выскочила плюгавая собачонка и, прежде чем Дидэба успел замахнуться на нее посохом, цапнула его за голень. Он ощутил острое жжение, и слабая, неосознанная радость, порожденная проявленным к нему уважением и пробудившая желание увидеть забытое творение, снова погасла. И тут он увидел крытый эмалью синий купол монастыря, откуда он раз, оступившись, упал, но чудом спасся, только руку ушиб. Он шел и вспоминал, сколько сил отдал постройке этого монастыря, сколько пота пролил, сколько ночей не спал, сколько боли перенес, сколько раз впадал в отчаяние от того, что не смог воплотить свой замысел, осуществить мечту. Остановившись возле монастыря, он смотрел на его стены, на высеченный орнамент, цветные фризы и даже не верил, что это его рукотворение, зародившееся и вызревшее в нем. Но все же это было не то, что рисовалось ему в воображении и что он хотел создать. Он не смог осуществить свою мечту! Вот этот резной крест над окном был лишним — теперь он видел это. Орнаменту из виноградной кисти возле верхней арки недоставало второго такого же рисунка. Конечно, эта постройка не была совершенной, как мечталось, но все же она была его творением, и Дидэба приятно было смотреть на нее. Он направился ко входу в монастырь, где на мощенной булыжником паперти сидели, вымаливая милостыню, нищие, но Дидэба нечего было им дать. Он вошел в церковь. Тут было тихо, прохладно, пусто. К тому же довольно темно, лишь одна свеча теплилась в лампаде перед иконой Всевышнего. Дидэба сел в угол и устремил свой взор на голые стены. Одетый в черное послушник прошаркал мимо него в молельню. Дидэба снова поднял глаза на стену. В одном месте он различил начатый, но неоконченный рисунок. Со стен смо-

трели на него мрачные и злобные лица. Дидэба ус-
мехнулся. Хотел изобразить ангелов, а вышла нечисть,
поскольку нечисть он знал хорошо, она встречалась на
каждом шагу. Что знал, то и вышло лучше, разве не-
чисть недостойна была внимания? Хотя на церковных
стенах ей не место, хорошо еще, что не успел закон-
чить рисунка, не дали возможности, не позволили. Те-
перь это его не огорчало.

Постепенно по телу разлилось спокойствие, и он
припомнил ту пору, когда стал думать о постройке цер-
кви. Сколько времени ему пришлось искать подходящее
место под нее. Он знал, что церковь должна стоять
так, чтобы дух святой мог бы изгонять своей властью
злые силы, что докучают людям, раздражают их, му-
чают и озлобляют. Место для церкви должно быть спо-
койным, чтобы искренняя молитва беспрепятственно воз-
носилась к небесам. Долго искал он и, наконец, нашел
эту тихую уединенную рощицу, где стояли лишь веко-
вые дубы, у подножья которых струился живительный
ручей, очищая своей незримой аурой землю и воздух
окрест. Дидэба не тронул деревьев, ничего не изме-
нил, только добавил церковь к этому уголку, созданно-
му природой. Ведь и церковь была творением приро-
ды, ее частью, ее выражением, только проведенным че-
рез горнило души человеческой и созданным его волей.
И это творение было по-своему единственным и непо-
вторимым и будет таковым во веки веков, как все су-
щее.

Снаружи доносился говор нищих. Дидэба бро-
сил взгляд на открытую дверь, откуда лился поток све-
та, и подумал, поскольку все неповторимо и единст-
венно, может, это и не такое уж достоинство. Ну каким
достоинством обладали ползающие у входа в церковь
нищие, что досаждали всем своими приставаниями? И
они ведь были по-своему единственными и неповтори-
мыми, как и каждый из собравшейся на площади тол-
пы, который хотел увидеть нового правителя, хотя пока
не знал, заслуживал ли этот правитель уважения своих
подданных? Или какое достоинство отличало тех вои-
нов, которые по чьему-то приказу безжалостно унич-
тожали друг друга на поле брани, сами не зная за что?
Что такое человеческое достоинство, в чем оно выра-

жается, если человек лишь исполняет то, что уготовано ему судьбой?!

Ранка от собачьего укуса заныла, и Дидэба потерял голень рукой. Ведь могло стать, что эта простая царапина будет стоить ему жизни? Сколько испытаний он вынес: плен, преследования, голод, и все же вернулся в свой город, но если та собака была бешеной, укушенный ею может завтра же испустить дух. Тогда напрасными окажутся страдания, которые представлялись ему значительными и ниспосланными провидением для осуществления желанной цели. Разве только раз или два случалось подобное? Теперь он должен молиться о том, чтобы та собака не оказалась бешеной, а если она-таки была ею, молитва ему не поможет, и свершится то, что должно свершиться, ничто не предотвратит неотвратимого, и все его усилия окажутся бессмысленными.

Где-то скрипнула дверь, раздался и звук шагов, но Дидэба никого не увидел. Он еще больше съежился. Какой смысл в его страданиях? Он построил церковь, а управляют ею другие, ходят сюда другие, сам же он, как нищий, сидит в темном углу, измученный, усталый, безучастный ко всему. Никто не помнит о его существовании. А сам он много ли знал радостей? Ни одной его мечте не дано было сбыться. Родина отатаривалась, народ развращался, зло побеждало добро. Но на свою участь Дидэба все же не сетовал. Хотя судьба никогда не баловала его, но и напрочь никогда не отворачивалась. Он не был ни изменником, предающим интересы своего народа, ни убийцей, ни доносчиком. Немало и других зол избежал он. Разве это не было милостью судьбы? Он был счастливее Наскида-эфенди хотя бы потому, что никто не называл его «эфенди» и никогда не станет называть. И власть никакое не преимущество, что с того, что ты можешь безнаказанно убить человека, причинить ему горе или даже осыпать милостями, когда заблагорассудится? Любой повелитель—раб своей власти, он больше раб, чем пленник, закованный в кандалы, которому никто не может запретить мечтать о свободе.

Дидэба в изнеможении свесил голову на грудь и задремал. Вдруг кто-то встряхнул его. Дидэба в стра-

хе вскинулся и увидел перед собой послушника в черной рясе.

«Отец Никифор приглашает тебя в свою келью!»

«Кто?» — встревожился Дидэба.

«Ты не знаком с отцом Никифором?» — посуровел голос.

Дидэба поднялся и последовал за тщедушным послушником, при шаркивающим по каменному полу.

Этот монастырь Дидэба знал как свои пять пальцев. И как, собственно, он мог забыть расположение келий, в какой из них отдыхает архиерей. Миновали темный коридор. Послушник приотворил тяжелую дубовую дверь и пропустил Дидэба в тускло освещенную келью со сводчатым потолком и одним-единственным оконцем, свет из которого, видно, был недостаточным, и поэтому в подсвечнике, прибитом к стене, горела толстая восковая свеча. Отец Никифор сидел на тахте. Он осенил Дидэба крестом и протянул ему руку. Дидэба приложился к руке архиерея.

«Я шел из алтаря, когда увидел тебя сидящим в углу. Тотчас узнал. Поговаривали, что ты погиб, как тебе удалось спастись?» — спросил отец Никифор.

«Сам не знаю. Видно, не суждена была пока смерть».

«Как ты до нас добрался, чем пробавлялся, ты не умеешь ни красть, ни просить».

«То к караванам прибывался, то у пастухов ютился. Да и фрукты дикие попадались по пути, так и выжил...»

Отец Никифор недовольно покачал головой.

«Ты за себя постоять не можешь, руки ни на кого не поднимешь, какой из тебя воин? Отчего Глахуну⁴ не взяли в солдаты, чем он лучше тебя или в зодчестве тебя превосходит?»

«Кто сказал «превосходит?»»

«Все так думают».

«Оттого, что он глуп и спесив, а черни кажется мудрым и сильным. Что с нее, черни, спрашивать? К тому же власти предержащие покровительствуют ему».

⁴ От груз. слова «глаха» — плохой, скверный, а также нищий.

«Это понятно. Он делает все, что велят, умеет угождать сильным мира сего».

«Вот я и говорю, мир в руках подобных глахун». Воцарилась тишина. Было слышно, как, шипя, оплывает в подсвечнике свеча.

«Что собираешься делать?»

«Право, не знаю. Я был тяжело ранен, потерял много крови. Но поскольку и жив остался, и плена избежал, жаловаться не приходится. Возьмусь за какое-нибудь дело...» — ответил Дидэба.

«Церкви строить и стены в них расписывать уже давно запретили».

«Знаю».

«Что будешь делать, чем помочь тебе, что я могу?» Дидэба побледнел, сердце заколотилось, ноги подкосились.

«Отец, взял бы ты меня к себе садовником или сторожем».

Архиерей взглянул на него так, словно удивился, что Дидэба и в самом деле о чем-то просит его.

«Сторож у меня есть, а в садовники ты не годишься...»

Дидэба понурился. Он и сам понимал, что ему недостает настойчивости, потому и люди, ногтя его не стоившие, ни во что его не ставили. Дидэба уже свыкся с этим, поскольку в его стране даже у лиц с блестящими возможностями были слоновьи запросы и непомерное представление о себе. Естественно, что на людей по-настоящему достойных вообще не обращали внимания. Судьба человека выражается в его внешности и характере. Дидэба был человеком простым, невзрачным и молчаливым. Кто бы дал ему работу! Его никто не помнил, и никому он не был нужен. И разве что-нибудь строилось или делалось, равное тому, что разрушалось и уничтожалось!

«У меня к тебе просьба, отец! Дозволь хоть изредка ночевать под лестницей на звонницу...»

Отец Никифор погладил бороду.

«Это можно. Я велю натаскать туда сено!»

Дидэба поблагодарил архиерея и, обрадованный, пошел к двери.

Отец Никифор изумился, чему, дескать, радуется, но потом припомнил, что этот человек всегда доволь-

ствовався малым, ничего не требуя для себя. О постройке этой церкви отец Никифор и сам немало хлопотал, зато обеспечил себе архиерейство. Иначе зачем было затевать это дело, если и во главе монастыря не станешь? Дидэба сам не ценил свой труд, что было спрашивать с других! Таким он был человеком, но отец Никифор все же был доволен, что оказал строителю этой церкви, которой он ныне правил, небольшое уважение, протянул руку помощи, дал пристанище. Многие и на это бы не отважились.

Выйдя из церкви, Дидэба снова спустился в город. Повсюду только и было разговоров, что о Наскида-эфенди. Голова его соперника, насаженная на острие копья, все еще оставалась на крепостной стене. Зачем было спешить с казнью этого человека, подумал Дидэба, проходя по площади. Он считался первым везирем старого пашы, его правой рукой, но все же был рабом и, как всякий раб, тоже без колебаний подчинился бы новому государю и осудил бы старого, которому когда-то верой служил. Откуда у раба достоинство, чтобы быть преданным кому-нибудь до конца, он может только служить. Как раба ни возноси, он все равно остается рабом. Поэтому тот, кто рабски служил старому хозяину, так же стал бы служить и новому. Так зачем было его убивать? Вероятно, он знал нечто такое, чего не хотел разглашать Наскида-эфенди, или затаил обиду, нанесенную пашой в годы правления, и теперь мстил ему? Бог ведает, что было причиной, где простому человеку понять то, что происходит в диване султана?

Одно очевидно, новый паша должен был окружить себя новыми назир-везирями. Может, от службы не отказались бы и старые, но таков был порядок. Так поступал Великий падишах, так, естественно, поступил бы и маленький паша.

Хотя какое дело было Дидэба до событий в стране, когда он помирал с голоду. Кого бы ни посадили правителем, порабощенному народу этим все равно не поможешь. Ставленник падишаха не сослужит службу родине...

Дидэба опустился на землю, прислонившись головой к стене. Мимо шли люди, а он сидел в пыли, собираясь с силами. Еще немного, и он протянул бы ру-

ку за подаянием. Дидэба встал и поплелся к каменному берегу реки. На городе лежала печать нищеты и запустения. Разваливались убогие дома, покрывались колдобинами тесные смрадные улицы. Люди побогаче ездили верхом на ослах, лошади и верблюды встречались редко, да и кому по средствам было содержать их.

Вдруг улицы наполнились людьми. Толпа, двинувшаяся с площади, направлялась ко дворцу, поток бездомных увлек за собой и Дидэба. Дорогой он узнал, что тут ждали приезда нового пашы и хотели видеть его.

Не попав за ограду, Дидэба остался на улице. Площадь заполнилась моллами, архиереями, беками, высокогородной знатью. Пронесся слух, что владыка будет возносить благодарственную молитву. Наскида-эфенди прибыл на колеснице, запряженной породистыми лошадьми, толпа, собравшаяся возле дворца, грянула «ура». Дидэба успел заметить выражение самодовольства на сияющем лице нового властелина, он махал рукой восторженным подданным. Из грязи да в князи, мелькнуло в голове у Дидэба.

Ребенком Наскида-эфенди был козопасом. Об этом знали все. Потом родители отдали его татарам, и те воспитали его на свой лад. Поговаривали, что отатарившийся Наскида-эфенди не забывает и своего родного края, искренне хочет продвинуть свой народ на службе у татар, чтобы заслужить их расположение. Говорил он об этом и в тот день после окончания молитвы. Он призывал архиереев и сановную знать перенимать татарские обычаи, тщательно изучать татарский язык. Нам-де не жить без татар, если татары от нас отвернутся, нас уничтожат другие.

«Что он еще сказал? Что еще?» — переспрашивали друг друга люди, оставшиеся за оградой.

«А еще он сказал, что уничтожит воровство и разбой!»

«Пусть сначала уничтожит причины воровства и разбоя!» — воскликнул Дидэба, и на него устремились со всех сторон удивленные и испуганные взгляды.

«И в чем же причины?» — грубо бросил верзила с мрачным лицом и продавленным носом.

«В татарах причины, в бедности и рабстве причины!» — в тон ему отрезал Дидэба.

Люди стали с подозрением поглядывать на него, опасливо сторонясь, и толпа вокруг Дидэба поредела. Наконец и он поплелся бесцельно, куда глаза глядят, подалее от дворца.

Он шел по подъему. Сердце едва билось от голода. Странно, но татар Дидэба не боялся, хотя хорошо знал их повадки и много раз сталкивался с их жестокостью, тупостью и коварством. Но он так ненавидел их порочность, что не пугался татарской несправедливости и наглости, а при надобности вышел бы один на десятых. В глубине души он и не считал татар людьми, это была для него всепоглощающая, злая безрассудная сила. Но все равно глупо было во всеуслышание высказывать свои мысли в разношерстной толпе, когда не знаешь, сочувствует ли кто тебе, понимает ли тебя. Помимо множества других, Дидэба страдал и этим недостатком, в разговоре, не умея сдерживаться, он часто бездумно высказывался даже при незнакомых. Вред наносил себе этим немалый.

Безлюдный переулок вывел Дидэба к разрушенному дому. Перед домом на разбросанных камнях сидели нищие и, разложив прямо на земле раздобытые где-то объедки, с жадностью поглощали их. При этом они громко поносили друг друга и, похоже, были все хмелю. Говорили по-татарски. Должно быть, были не из местных. Одного Дидэба узнал. Это был татарин калека, навязавшийся ему в попутчики на входе в город. Другой был чрезвычайно тучным слепцом с омерзительно выкаченными белками. А третий — одноногим калекой. Он сидел, всклокоченный, между двумя грязными бабами с оплывшими лицами и, положив возле себя длинную толстую палку, гнусно хихикал.

Внезапное появление Дидэба было встречено враждебно.

«Что надо?» — спросил калека.

«Ничего!»

Дидэба в страхе повернул обратно.

«Иди к нам!»

Дидэба испугался, не сделали бы с ним чего эти придурки, и кинулся бежать. Нищие поначалу кричали ему вслед, потом стали гоготать, но Дидэба все бежал без оглядки, пока не стихло за спиной оскорбительное улюлюканье.

Наконец он почувствовал себя в безопасности и медленно побрел по улице. Тут уже встречались прохожие. Из низкой двери одного из домов без окон вышел долговязый мужчина и преградил Дидэба путь.

«Вы Дидэба?»

«Да».

«Сегодня приехали в наш город?»

«Да».

«Вас не затруднит пройти со мной? Всего на минуту!»

Вежливый тон долговязого не вязался с его отталкивающей наружностью. Дидэба так растерялся, что даже не спросил, какое у долговязого дело к нему. Пригнувшись, он шагнул через порог. Едва он ступил в дом, как дверь за ним захлопнулась, и Дидэба поглотила кромешная тьма. На него напали, связали по рукам и ногам, поволокли, грубо пиная, и куда-то втокнули. Ударившись головой о склизкую стену, он едва не лишился сознания от боли. Затем услышал лязг массивного засова, должно быть, заперли дверь темницы. Знать бы, зачем, подумал он, но не удивился.

Тут, в темнице, он долго не понимал, день на дворе или ночь, хотя ощущал, как мучительно тянется время. Он лежал на земле и дрожал, то ли от страха, то ли от холода. Неопределенность была хуже холода и голода.

Наконец дверь отворилась, и в темницу вошли стражники с факелами. Они подняли Дидэба с пола, развязали его и вывели во двор, где было темно, хотя светила луна и местами проглядывали звезды.

Свежий воздух немного оживил Дидэба. Вырвавшись из ядовитого смрада темницы, он почувствовал нечто сродни удовольствию.

По улице, освещенной лунным светом, стражники привели его ко дворцу. В голове охраны шел долговязый, заманивший Дидэба в дом. Возле дворца он остановился и, положив руку на плечо узника, подвел его к воротам, где стояли вооруженные секирами балтаджии.

«Входи!»

«Что мне там делать?» — испугался Дидэба.

«Ступай к государю и проси у него прощения!» — процедил сквозь зубы долговязый.

«Кто меня пустит к государю?» — окончательно
сник Дидэба.

«Пустят, дурачина!»

Долговязый с силой пнул его, втолкнув во дворец. Дидэба растерянно огляделся по сторонам. Один из стражников знаком велел ему следовать за собой, и Дидэба покорился. Долго ль, коротко ль шли они, но наконец вышли к большому залу, где Дидэба представили новому паше. Паша сидел на тахте, беседуя со своими назир-везирями. На Дидэба он не обратил внимания. Видно, был поглощен разговором. Лицо его покраснелось, глаза холодно сверкали. Он совсем не походил на того улыбчивого благодетеля, что нынешним утром махал людям рукой. Стоя в углу, Дидэба впервые видел так близко Наскида-эфенди и находил, что, в сравнении со своим предшественником, он выглядел намного лучше, а с первого взгляда даже имел приятную наружность. Старый правитель больше смахивал на барышника, чем на сераскера падишаха.

Зал был убран богато, и Дидэба остро почувствовал пропасть между собой и находящимися здесь людьми. Точно они были и не люди, а какие-то удивительные существа, многим превосходящие обычных людей. Дидэба, притулившемуся к стенке, казалось, что его никто не замечает, и правда, таких, как он, в этом зале в упор не замечали. Но если кого-либо из чиновных вышвыривали со дворца на улицу, он тотчас прозревал и уже всех узнавал при встрече. Во дворце же все соблюдали неписанный закон: не замечать простого смертного.

Дидэба стоял и ждал. Ему казалось, что дух благотворный покинул его, превратив в бесполезный предмет и лишив какой-либо значимости. Кто он, что собой представляет, кому и для чего нужен? Презренное насекомое, уничтожить его — раз дунуть. Дидэба охватило отчаяние, сердце заныло. Тут как раз государь, отпустив назир-везирей, подозвал его к себе. С трудом передвигая ноги, Дидэба подошел к тахте, на которой восседал владыка, назир-везири же прошли мимо Дидэба, не удостоив его взглядом.

Паша впери́л в лоб Дидэба сверлящий взгляд и натянуто улыбнулся. Эта улыбка пуще угрозы испугала Дидэба.

«В чем дело, что ты от меня хочешь, что бранишь на людях? Не успел приехать, а уже воюешь со мной!»

«Я?» — с трудом выдавил из себя Дидэба.

«Конечно, ты! Не я же?!» — прикрикнул на него паша.

«Нет, государь!»

«Как же нет, сегодня ты кричал возле дворца, он, мол, не сможет уничтожить ни воровства, ни разбоя!»

Дидэба догадался, что на него донесли, и тотчас благодотворный дух, покинувший перед этим его, возвернулся вспять, превратив его в самое себя. Так с ним случалось всякий раз: едва сходил первый ужас, он снова чувствовал себя человеком.

Дидэба напрягся, не проронив ни звука. Видно, и государь заметил это неожиданное превращение в существе, еще совсем недавно тряпичном, которое, освоившись, обретало самое себя, свою опору, на мгновение утраченную. Должно быть, перемена отразилась и во взгляде Дидэба, который, забыв страх, смотрел не менее холодно и твердо, чем сам государь.

Государь встал.

«Думаешь, я меньше тебя люблю свою страну?»

Он прошелся по залу.

«Нет, уважаемый Дидэба, ошибаешься!»

Он снова сел.

«Ты не знаешь, что творится на свете. Да это и не твоя вина. Откуда тебе знать, как управлять страной, вот ты и бросаешь слова на ветер. Если мы отвернемся от татар, они тут же уничтожат нас. Что лучше, существовать или погибнуть?»

«Существовать», — ответил Дидэба.

«Вот я и говорю, если мы хотим существовать, мы должны заслужить расположение татар. Помни, мы и глазом моргнуть не успеем, как они сотрут нас в порошок. Теперь ступай и подумай об этом».

Дидэба смешался, он не ждал такого разговора. Даже усомнился в искренности государевой. По-своему, новый паша был прав. Окажи ты татарам мало-мальское сопротивление, они беспощадно уничтожат тебя. Примеров тому было множество, но они же и без того уничтожали, без того рыли мопилу, день ото дня развращая. Может, нужно было хоть как-то воспротивиться?

Но кто должен был противиться, когда люди отатаривались и предпочитали этот путь, чтобы как-то жить.

Государь снова вскочил, должно быть, ему не сиделось.

«Я знаю, что это ты построил Синий монастырь... Ступай, работай, занимайся своим делом».

Он хлопнул в ладоши и кликнул управляющего.

«Этот человек издалека. Наверное, голоден. Дайте ему помыться, накормите, оденьте и отпустите!»

Так вернулся в город мастер Дидэба, некогда изгнанный и познавший неволю. С тех пор много раз появлялись на ограде окровавленные головы верных везирей старого паши, надетые на острие копья. Кого обвиняли в хищении казны, кого в других злодействах. Шло время. Наскида-эфенди-паша безжалостно уничтожал неугодных чиновников, летели с плеч головы тефедаров, девтердаров, кадиев, каймакамов, мутеселимов. Казнили даже субашу и чехайя-пашу, кого-то опорочили и, отобрав имущество, отправили в столицу к падишаху.

Наскида-эфенди-паша собирал вокруг себя новых везирей, но Дидэба отлично знал, что и новые так же подчинились бы несправедливым порядкам, как подчинялись им старые, новые повторили бы то же, что делали старые. Это был лишь вопрос времени.

На свете ничего не менялось, так же продолжались бесконечные войны, набеги, грабежи, рост поборов, порабощение и утеснение народов. Дидэба не мог постичь, какие запросы определяли судьбу мира, что представляла собой та непреложность, которая возвышала одну страну и низвергала другую. Он чувствовал, то, что свершалось, имело определенную направленность, было неотвратимым и закономерным, но куда это вело его страну и его народ?

Все имеет свой конец или переходит в другое качество. Как имеет свой конец человеческая жизнь, так, должно быть, имеет свой конец и жизнь народа. Хотя существуют долгожители люди и долгожители народы, но каким бы долгожителем ни был человек или народ, смерть его неминуемо близится. Дидэба смирился с человеческой смертью, но со смертью народа смириться не мог и страдал за свою страну. Он не мог обмань-

вать себя, как кое-кто из процветающих, тех, что намеренно не замечали зла, выдавая его за добро. Сам Дидэба прозябал в страшной нужде, не имел никаких средств и добывал краюху хлеба случайной работой, то на базарах, то на подворьях, слонялся возле городских ворот, чтобы кому-то оказать помощь и раздобыть себе на пропитание. Поскольку Дидэба знал несколько языков, он служил время от времени переводчиком у разноплеменных купцов, стекавшихся в этот город, и они подбрасывали ему грош-другой. Но работа случалась не часто, и тогда Дидэба голодал. Естественно, ничто не пробуждало в нем веры в будущее.

Он с трудом пережил ту зиму. Бродил один-одинешенек по улицам города, ставшего для него чужим.

По весне прошел слух, что будут вырубать священный лес. Этот великолепный лес рос на берегу реки и очень украшал город. Сюда с незапамятных времен приходили к могучему дубу люди, чтобы помолиться, поскольку от века верили, что дух-хранитель города гнездится в этом дереве. Грех было губить молельный дуб, но Дидэба и этому не удивился бы. Кто пощадит дерево в стране, где уничтожается все без разбору. Одни говорили, что тут, якобы, прокладывают железную дорогу, другие, что Наскида-эфенди-паша приказал строить мечеть. Слухи ходили разные, Дидэба не знал, чему и верить. Тем временем началась вырубка леса. Согнали рабов, приставили к ним надсмотрщиков, и тысячетлетние деревья грузно валялись наземь.

Священный лес, истари украшавший город, жестоко уничтожался, но гибель его не у всех вызывала сожаление. Многие радовались затее Наскида-эфенди-паши, в надежде на то, что дрова подешевеют. Люди в городе жили разные, и рассуждали, естественно, по-разному.

Как-то Дидэба, остановившись неподалеку, наблюдал за работой дровосеков, которые срубали с поваленных деревьев ветви, крепили толстыми веревками тяжелые бревна, привязывали их к мулам, тащили по земле и так, волоком, уносили куда-то. Работой управлял дородный мужчина, в котором Дидэба узнал зодчего Глахуну, во все времена добросовестно выполнявшего поручения любого паши. Мимо Дидэба он про-

шел так, будто и не заметил его. В это время Дидэба кто-то окликнул.

Он удивленно обернулся на надсмотрщика в татарском платье и чалме, с улыбкой взиравшего на него. Именно эта улыбка и воскресила в памяти Дидэба бывшего друга, с которым он не раз прежде хаживал на врага.

«Ты принял татарскую веру?» — удивился Дидэба.

«А что было делать, я жить хочу!» — с лица надсмотрщика не сходила улыбка.

«Ты же воевал с татарами!»

«Прошло то время».

«Не ждал от тебя!» — с сожалением вздохнул Дидэба.

«Поумнел я, братец, остепенился», — возразил не без самодовольства бывший друг и хлестнул бичом нетвердо ступавшего старика раба, с трудом тащившего на плечах бревно.

Дидэба отошел от него. Нащупав случившуюся в кармане мелочь, он вошел в погребок. Погребок стоял на обочине дороги. Тут собирались караванщики и пастухи, всегда было тепло, и витал терпкий дух просыхающей кожи и овец. Бородатые мужчины, сидя за длинными столами, кутались в тулупы. На Дидэба тоже был прохудившийся тулуп из овчины и пожалованная Наскида-эфенди одежда: рабочие чувяки, поношенные обмотки, потертые штаны и короткая вязанка. На дворе все еще держались холода, и здесь приятно было посидеть. Прислонившись к стене, Дидэба расслабился, разомлел, от шума и винных паров кружилась голова. Мужчины, разгоряченные вином, возбужденно переговаривались. Большинство из них были пастухи, хотя встречались и мастеровые, мелкие торговцы, перекупщики и крестьяне из деревень.

Внезапно нависла тишина. Все разом притихли, пронесся шепот: «Сиквдила⁵ идет! Глава палачей!» Дидэба поднял голову и увидел в дверном проеме долговязого знакомого, который, озираясь, медленно входил в погребок. Это был палач. Никто не поднимал на него глаз. А если случалось встретиться с ним взглядом, эти бывалые мужчины виновато съеживались, пряча

⁵ От грузинского слова «сиквдили» — смерть.

глаза. Палач тяжело ступал, оставляя за собой поверженные головы. Заметив Дидэба, сидящего в одиночестве у стены, он направился к нему. Поздоровавшись так, будто эта встреча невесть как обрадовала его, палач сел рядом, спросил вина у хозяина погребка и, разлив его по стаканам, стал расспрашивать Дидэба о том, о сем, а тем временем мужчины, совсем недавно оживленно беседовавшие друг с другом, потихоньку выскальзывали из погребка. Дидэба догадывался, что внимание палача к нему не случайно, но виду не подавал и вел себя так, будто и вправду верил в искренность палача.

«Порадел тебе государь, а ты не хотел идти во дворец», — заметил Сиквдила с вежливой улыбкой, не лишённой злорадства, дескать, зря ты мне не доверял, я желал тебе только добра.

«Храни его Бог, уважил он меня, накормил, одел, иначе мне не пережить этой зимы», — вслух сказал Дидэба, а про себя подумал, в чем же крылась истинная причина милосердия Наскида-эфенди-паши.

Может, Наскида-эфенди надеялся на то, что Дидэба станет рассказывать на людях об этом случае, упомянет, как простили его, как радушно приняли и отпустили на волю. Тогда в народе пошла бы молва о милосердном и справедливом правителе, и на ту пору это, вероятно, нужно было паше, иначе плевать ему было на Дидэба и всяких там каменщиков! Если и вправду так обстояло дело, значит, повелитель считал его не таким уж ничтожеством, и при мысли об этом Дидэба невольно улыбнулся.

«Я дам тебе дельный совет», — сказал Сиквдила, положив свою ладонь на плечо Дидэба. От прикосновения этой мерзкой багровой руки Дидэба содрогнулся, живо представив себе, как кладет палач окровавленную лапу на свою жертву, ведя ее на казнь, к лобному месту.

«Тут, на берегу реки, строится мечеть. Если хочешь, я устрою так, что тебе дадут работу».

«Не хочу», — отказался Дидэба.

«Подумай хорошенько. Разбогатеешь, поправишь свои дела, на всю жизнь хватит. Зодчий Глахуна должен составить план. Помоги ему, будешь в золоте купаться».

«Глахуне что ни поручат, он все выполнит, куда мне до него?»

«Меджлис очень заинтересован в том, чтобы мечеть была построена».

«Не могу. Я не умею строить мечети, никогда не приходилось этим заниматься».

«Кому приходилось строить церкви, тот без труда мечеть построит. Такому мастеру, как ты, все по плечу. Поверь, для тебя же будет лучше».

«Не могу поверить. Не мое это дело».

«Не ленись, решайся. Я пойду к Наскида-эфенди и попрошу его о содействии. Может, и перепадет тебе работа. Желающих хоть отбавляй, не всех же берут».

«Не стоит утруждать ни себя, ни его. Не хочу».

Палач посмотрел на Дидэба с холодной злобой и криво усмехнулся.

«Ну что ж! Ничего не поделаешь. Подумай еще. Свидимся попозже!»

Встал и вышел.

Он пришел во дворец и, едва представилась возможность, коротко доложил паше:

«Не хочет».

«Не хочет, не надо», — с сарказмом заметил повелитель.

«Убрать?» — палач коротко взмахнул рукой, дескать, не отрубить ли ему голову.

«Не тронь, пусть подыхает с голоду!»

Наскида-эфенди был человеком смелым. Он с детства пастушил и потому был приучен к различного рода опасностям. Он пас козье стадо, и ему случалось взбираться вслед за козами на вершину отвесной скалы, спуск с которой требовал недюжинной смелости и самообладания. Угодив в яр, поросший колючим кустарником, Наскида, бывало, неторопливо и хладнокровно пытался выбраться из него и всегда благополучно возвращался домой. Он и за стадом своим ходил ревностно. Не боялся ничего: волков, мрака, непогоды, и за это старшие хвалили его, одобряя его поступки, характер, и сердце Наскиды наполнилось радостью и гордостью, поскольку ничто не доставляло ему такого удовольствия, как похвала старших, и он всегда старался заслужить эту похвалу. Именно поэтому он был послушным и ста-

рательным исполнителем любых поручений, в отличие от своих проказливых сверстников пастушков. Это качество осталось в нем до конца, уважение и почтительность к старшим вошли в плоть и кровь его. Подзадориваемый старшими, он всегда противостоял своим товарищам, и сверстники недолюбливали его за это, старшие же ценили его рвение. Наскида только это и надо было, до сверстников он не снисходил, он жаждал места среди возвысившихся. В детстве его всегда выделяли среди ровесников. С малолетства полюбилось ему быть впереди, это стало чертой характера.

Когда пришли татары, отец Наскида с родичами сам пошел к ним на службу и сына им отдал. Какое-то время мальчик жил при дворе санджак-бека и не воспринимал татар врагами, как другие. Тогда он и не знал, что среди его соотечественников многие считали татар завоевателями и боролись с ними. Сколько он помнил себя, он видел вокруг татар и думал, что так было и будет всегда. А было-то, оказывается, не совсем так.

Как-то раз привели на сельскую площадь юношу со связанными руками. Сквозь лохмотья проглядывали кровавые следы побоев. У него были светлые кудри до плеч, в голубых глазах, затененных длинными ресницами, застыла тоска. Стиснув губы, он прерывисто дышал, острый кадык судорожно двигался, он то и дело сглатывал слюну. Юноша был нежным и хрупким, как девушка, и людям, которых в назидание согнали на площадь, трудно было поверить, что этот слабый юноша убил трех янычар. Юношу поставили на колени, так и не развязав ему рук, и пригнули к земле златокудрую голову, потом подошел палач, черный, как буйвол, занес обеими руками над головой длинный блестящий меч и с размаху резко опустил его на шею жертвы. Отрубленная голова покатила в пыль, и Наскида видел, как сжимала губы эта уже отторженная от тела красивая голова, вымазанная кровью, брызнувшей из перерезанных жил.

С того дня он почувствовал интерес к таинству смерти, экстаз последней минуты жизни заставил его глубоко задуматься. Смерть он часто видел и прежде, когда в деревне забивали скотину. Это зрелище вызывало в нем упоительную дрожь и доставляло наслажде-

ние, но скотина была бессловесной, как тут было по-
нять, о чем она думает и что испытывает перед смертью
и чувствует ли вообще ее приближение. Что-то она, ко-
нечно, чувствовала, это было очевидно, а может, даже
переживала горечь последней минуты — молча, прс
себя. Наскида завладела навязчивая мысль: узнать,
что происходит в душе живого существа на пороге
смерти, и поэтому, если нужно было забить скотину,
козу или бычка, он брал на себя это поручение и с удо-
вольствием выполнял его, поскольку получал возмож-
ность понаблюдать за смертью.

Но все же это было не то, что невысказанным же-
ланием хоронилось в самой глубине его существа.

Он жаждал убить человека!

Это было его самым заветным, жгучим и дерзким
желанием....

Как-то раз, когда Наскида возвращался с пастби-
ща со стадом коз, он набрел на выжженное татарами
село. Еще дымились пепелища. Жителей села согнали в
церковь и сожгли, скот угнали, остались одни собаки,
чей вой наводил ужас. Наскида с посохом на плече
шел по опустелому проулку, как вдруг на плоской кро-
вле одного из уцелевших от пожара домов заметил дво-
их детей, мальчика лет семи и девочку лет трех. Молча,
оцепенело смотрели они на Наскида, и когда он поднял-
ся к ним на кровлю, даже не шевельнулись.

«Что вы тут делаете?»

Дети молчали.

«Где ваши родители?»

Снова молчание.

«Отвечайте, негодники, не то уши пообрезаю!»

Чтобы припугнуть детей, Наскида вытащил напо-
ловину кинжал из ножен, подвешенных к поясу.

И вдруг маленький мальчик быстро, захлеб за-
говорил.

«Все в церкви, вон там!» — он протянул руку в
сторону площади.

«А вы что здесь делаете?»

«Нас спрятал отец».

«Где?»

Дети снова умолкли. Дьявол в душе Наскида опять
зашевелился, заставив вытащить из ножен длинный
кинжал.

«Сейчас я отрежу вам головы!» — угрожающе произнес он, приперев к столбу помертвевших от ужаса детей.

Девочка, насупившись, смотрела исподлобья на Наскида и походила на готового к закланию агнца, которого много раз доводилось видеть ему, но чувствовала ли она смерть, боялась ли смерти? Конечно, она была напугана до немоты, насильник внушал ей ужас, но до конца ли представляла она себе во всей полноте суть угрозы? Наскида всматривался в потемневшее личико девочки и силился понять, какие чувства бушевали в ее маленьком сердце. Он видел страх и хотел разгадать, чем был вызван этот страх. Когда он приложил к горлу девочки тупое лезвие кинжала, она поежилась от прикосновения холодного металла, подняла голову и, поджав губы, с искаженным личиком, готовая заплакать, посмотрела сузившимися глазами на своего мучителя. Тогда Наскида, оставив девочку в покое, обернулся к мальчику:

«Дай-ка сначала отрежем голову тебе!»

У побледневшего малыша трепетали ноздри, он смачивал языком пересохшие губы и то и дело глатывал слюну, точно так, как это делал казненный на сельской площади юноша. Наскида провел тупым лезвием по горлу мальчика, и мальчик вдруг осел, колени его подкосились, Наскида даже испугался, не причинил ли ненароком какого вреда, но никаких царапин на малыше не было. С распахнутыми глазами, сразу весь посиневший, ребенок больше не глотал слюну и языком не шевелил, он только раз захрипел и застыл.

Девочка пустилась в слезы, у Наскида от страха волосы встали дыбом. Он схватил девочку за руку и бегом кинулся в проулок, но девочка упиралась, тянулась к брату, не шла с ним, на крик ребенка сбежались из села собаки и, злобно рыча, кинулись на Наскида, который принужден был оставить девочку, посохом пробивая себе дорогу. Так, окруженный сворой лающих собак, он покинул окрестности горемычного села.

По возвращении домой он рассказал близким о том, что видел, опустив историю несчастных детей. Даже те, кто пошел на службу к татарам, ненавидели их дикую жестокость. Гнев обуял людей, плач пошел по

селу, женщины били себя по головам, а мужчины, собравшись, двинулись к разоренной деревне.

Наскида не любил вспоминать ту историю и не вспоминал ее, хотя явно помнил, разве такое забудешь. Это была первая смерть, в которой он был повинен, но потом, на службе у татар, он столкнулся с такими зверствами, что подобное и в грош не ставил, и казнь невинного человека, если она нужна была для дела, совершенно не смущала его, не казалась чем-то особенным.

Он вырос среди татар, но в совершенстве овладеть татарским языком так и не смог.

Все-таки он был человеком невежественным, хотя и по-своему талантливый, ловкий, честолюбивый и коварный. Грамотой он овладел очень поздно, может, казалось и это. К слову сказать, в окружении Наскида тоже мало кто умел читать и писать. Наскида даже кичился своими знаниями, поскольку с церковниками и книжниками он в ту пору не знался и в их учености мало что понимал. Пробелов в образовании Наскида-эфенди было, конечно, сколько угодно. Позднее он старательно скрывал этот недостаток, а когда возвысился, то возомнил себя умнее всех, что не так редко случается с людьми возвысившимися, но определенная ограниченность, а в делах государственных и полное невежество, ему, не получившему должного воспитания и образования, были свойственны до конца. Поскольку для управления татарскими странами особой просвещенности не требовалось, никто и не считал его невежество недостатком.

Наскида-эфенди все нравилось у татар, поскольку сила была в их руках. Ему хотелось вращаться среди сильных мира сего. Он ни перед чем бы не остановился, продал бы собственных родителей, лишь бы достичь этого. Без татар он ровно ничего не добился бы, потому и заискивал все время перед ними. Но, несмотря на то, что он варился с ними в одном котле, представление о татарах у него было самое поверхностное, поскольку у них он не жил, в походы с ними не ходил. Татар он видел только в караван-сараях да в присутствиях, где сидели спесивые купцы и угрюмые чиновники, которые могли стереть с лица земли первоселов любой из поработанных стран. Наскида-эфенди очень ско-

ро понял, что сумеет завоевать расположение татар и сильно продвинется по службе, если станет выдавать татарам их же неверных чиновников. Так он и сделал. Татары ценили его службу, и Наскида-эфенди продвигался. По-другому продвигнуться и нельзя было, поскольку другого пути не существовало.

Вскоре паша пожаловал ему чин сокольничего при своем дворе и назвал на татарский манер самсонджи-башем. И тут Наскида-эфенди проявил себя. Отобрал собак лучших пород и натаскал их. Он снискал себе имя еще и тем, что со своими собаками и секбанами не только сопровождал государя на охоту, но иногда ловил разбойников и бандитов на большой дороге. Многие считали это начинание добрым для страцы, хотя разбой и бандитизм не прекратились. Но когда Наскида-эфенди по фирману падишаха назначили пашой, одни, правда, удивились, как ему удалось завоевать сердце падишаха, другие же обрадовались: стране, дескать, полегчает, этот человек сердцем болеет за нас.

Но это были лишь догадки, толки досужих людей. Поговаривали, что верность Наскида-эфенди татарам показная, всего лишь маска, но когда он пообещал дать татарскому войску вдвое больше людей, чем давал старый паша, даже его доброжелатели усомнились и растерялись. Это начинание явно не пошло бы на пользу стране, а тут еще стали взимать подати со вдов и сирот. Конечно, Наскида-эфенди выполнял свой долг, подчиняясь требованиям везирей падишаха, но почему же не проявлял подобной жестокости старый паша, тупой, бесхарактерный человек, ставший игрушкой в руках собственного гарема?

Может, Наскида-эфенди хотел показать себя, продвигнуться при дворе Великого падишаха, потому и проявлял подобное усердие?

Когда падишах по пути на Тавриз свернул в Ахалцихе, Наскида-эфенди согнал на улицы все население — от мала до велика, дабы цветами приветствовать великого султана, владыку и хозяина бескрайней державы. На площади выстроились чауши, кафуджии, кадияскеры и мутеферики. Окруженный своими везирями, сераскерами и капуданами, султан в золотой чалме сошел с паланкина, убранного цветными бунчуками. Люди, расположившиеся на крышах домов и высоких деревь-

ях, следили за сановниками, суесящимися перед дворцом. Местные беки преподнесли дорогому гостю дорогие подарки. Взволнованный Наскида-эфенди-паша, счастливый приездом гостей, обратился к султану с громозвучным словом. Согласно восточному обычаю, и назвал его светилом, восходящим на востоке и дарующим миру тепло и свет.

«...поэтому для меня и моего народа нет на свете существа дороже вас, повелитель! Долгие вам лета! Аминь!»

Так закончил свое знаменитое приветствие Наскида-эфенди-паша.

Затем состоялись игра в мяч на лошадях и скачки, пляски и песни, представления с акробатами и канатоходцами. Наскида-паша любил устраивать подобные зрелища, он полагал шумные праздники делом, чрезвычайно необходимым для государства.

Говорили, что Великий падишах был тронут приветствием и встречей Наскида-эфенди. В ту ночь, когда он по обычаю своего народа объелся до отвала пловом, он похвалил Наскида-эфенди за хорошую службу и попросил для своего войска обоз в сто ароб сверх договоренного.

Просьба была не из легких. Народ и так обнищал. Наскида-эфенди-паша вызвал своего девтердара и поручил ему выполнение приказа Великого султана.

«Это невозможно, благодетель!» — в отчаянии простонал девтердар.

«Должны смочь! — твердым неумолимым голосом приказал Наскида-эфенди-паша. — Народ у нас послушный и разумный. Мы должны любыми способами убедить его, что так нужно, что так будет лучше для него же. В будущем эта дань воздастся сторицей. Победа падишаха — наша победа!»

Приказ был выполнен. У крестьян отобрали последние крохи. Султану послали сто ароб.

После этого Наскида-эфенди-паша еще больше осмелел, уверился в себе. В надежде на поддержку Великого падишаха он порой не считался с другими беглар-беками, пашами, везирями.

У себя в стране он вел себя совершенно иначе. Старался поставить на службу падишаху людей выдающихся и знаменитых. Он приближал их к себе, не

жалел для них ни подарков, ни торжественных восхвалений, до которых охочи были эти люди. Наскида-эфенди-паша постепенно достигал своей цели. Лжепатриоты, лжевоеначальники, лжестроители, лжепоэты и лжеученые сил не жалели, чтобы завоевать расположение Наскида-эфенди и выдвинуться, урвать свой кус. Любое его слово и приказ без колебаний поддерживались. Наскида-эфенди только это и нужно было, с помощью этих людей он старался утвердить себе в народе славу честного и справедливого правителя. Спрос с простолоудинов невелик, но так уж хотелось новому паше. Старые назир-везири, которых он прогнал, окружив себя новыми, не думали о мести, а лишь старались снова найти пути, чтобы снова приблизиться к правителю.

Наскида-эфенди хотел превратить страну в самый верный и передовой вилайет татар и требовал в этом деле поддержки людей именитых во зло своей же стране, павшей духом, сломленной и обнищавшей. Именитые помогали, чем могли, кто словом, а кто и делом.

Смолкли колокола в церквах, страна отатаривалась.

Дидэба рос в монастыре. Его родня не только не боролась с татарами, но даже служила им, из-за чего Дидэба во время пребывания в монастыре постоянно мучил стыд. Монахи относились к нему с большой любовью, впрочем, как и к другим отрокам, отданным к ним на воспитание. Они обучали родной словесности и прошлому страны, прививали любовь к родине. Монахи никого не осуждали, терпеливо и доброжелательно разбирались во всем, никогда не сорвалось у них с языка дурного слова о ком-либо. Они ни разу не дали почувствовать отроку, что им претит его родня, находящаяся в услужении у татар. Ни разу их уста не разомкнулись для хулы, поскольку они вовсе не ставили Дидэба в вину ошибки и прегрешения его родственников. Они любили его и сердечно обходились с ним, но чем больше времени проходило, тем острее переживал Дидэба пропасть между земными мелочными желаниями его сродников и возвышенными деяниями монахов. Это отличие он переживал как предательство, как нож, вероломно вонзенный в спину. И чем больше свыкалась его родня с татарами, тем яростнее ненавидел Дидэба

врагов своей родины. Раз ненавидел — не боялся, раз не боялся — готов был к борьбе.

Бесспорно, эти мысли заронили в него воспитатели. Огромный дар подражания и восприятия был присущ ему с детства. И вот этот человек, пока совершенно не сформировавшийся, отрок, такой переменчивый: нерешительный и стеснительный, непримиримый и смелый, осторожный и замкнутый, упрямый и вспыльчивый, уступчивый и послушный, капризный и злоречивый, — последним выпустил саблю из рук, когда татары, напав на монастырь, разорили его.

Правильнее будет сказать, что он не сам выпустил саблю из рук, а его принудили выпустить. Его схватили, привязали к столбу, и некоторое время, пока стлался дым во дворе сожженного монастыря, а спешившиеся с испуганно ржущих коней сипахи растаскивали добро, он не знал, что собирались с ним делать, посадить на кол или повесить. Но страх ни на мгновение не закрался в его сердце, он чувствовал только неописуемую ненависть и отвращение к завоевателям, которые представлялись ему неусыпными врагами не только его страны, но и всего рода человеческого. Эта неиссякаемая ненависть к насильникам настолько умаляла их в глазах Дидэба, что он, привязанный к столбу, побежденный, опозоренный, даже трепета не испытывал.

Несмотря на это, он ждал смерти и так был напряжен, что едва сам не превратился в столб. Татары уничтожили всех, пока в живых оставался только он. К Дидэба неторопливо приблизился ага капу-кулунов с крошечным носиком и уставился на него покрасневшими, точно опившимися крови глазами. Чалма его сбилась, одну руку он упер в бок, другой держал окровавленную саблю. Внезапно ага взмахнул саблей и вместо того, чтобы отсечь голову своему пленнику, освободил его, перерезав веревки, которыми тот был привязан к столбу.

«Иди!»

Дидэба стоял как громом пораженный. Он уже привык к мысли о предстоящей смерти и, казалось, не хотел верить происходящему, чтобы во второй раз не испытать почти уже преодоленный страх перед тем, что должно было свершиться. Он не ждал от татар ничего, кроме подвоха.

«Ты свободен!» — насмешливо повторил ага и обернулся к своим воинам: «Пусть гяур идет своей дорогой и рассказывает заблудшим неверным, что ждет их, если они не образумятся!»

Дидэба по-прежнему не двигался. Татары, вскочив на коней, умчались, пронзительно гикая. Дидэба, наконец, поверил, что жив, свободен. Судьба и на сей раз помиловала его. Опустившись на колени, он заплакал. Поднял невзначай взгляд на церковный купол со сбитым крестом. И хотя вокруг все было залито кровью и усеяно трупами, он вознес Богу благодарственную молитву за свое спасение.

Конечно, смерть ближнего всегда причиняет горе и страдание, но покуда человек жив, он подспудно испытывает чувство благодарности к провидению.

Спасшись от смерти, Дидэба не стал возвращаться домой из разрушенного монастыря. Ему не хотелось видеть своих родственников, ужившихся с тагарами, просить у них помощи. Он мучительно размышлял, куда бы ему податься, как вдруг из развалин колокольни показался укрывавшийся там старый монах Антимоз. Он слыл в миру искусным каменщиком и зодчим и исходил всю страну. Старец привел Дидэба в заброшенную глухую долину. Тут они поселились, кормясь каждодневным трудом. Отец Антимоз обучил Дидэба ремеслу каменщика, и тот, под началом старца и подбадриваемый его советами, выстроил в этой безлюдной долине небольшую церквушку на берегу реки. Когда отец Антимоз преставился, Дидэба, покинув сделанные своими руками хижину, церковь, небольшую пашню, пчельник, отправился в город.

Страна была истерзана. Там, где прошли татары, уже не цвели деревья. С трудом добрался Дидэба до разрушенного врагами города. Татары камня на камне не оставили, и все же бесчисленное множество народу стекалось сюда: голодные, бездомные люди из разоренных деревень, искатели удачи и наживы, беженцы из других стран. Пришел сюда и Дидэба, хотя путь его был нелегким. Оголодавшая разноязыкая толпа рыскала по улицам заброшенного города и грабила, убивала, никого не щадила. Если местным жителям хотелось восстановить город, то людьми пришлыми

руководило желание урвать и раздобыть, и потомки Адама, ютившиеся в почернелых развалинах, все вокруг уничтожали, боролись за свое существование, голодали, развращались. Так и жили.

В ту пору татары назначили одного из местных жителей, служившего у них в войсках, правителем и нарекли его пашой. Все знали, какие полномочия могут быть у подобного правителя и что он может сделать для своей страны. Но люди больше доверяли своему человеку, чем чужому, пусть даже он во всем послушен завоевателям и действует по их указке. Поэтому, когда новый государь начал по распоряжению татар восстанавливать крепость, народ валом повалил на строительство, поскольку многие думали, что будут работать на процветание своей страны, а не для пришлого войска, которое должно было занять подновленную крепость, чтобы держать в рабстве покоренный народ.

Прибыв в город, Дидэба тоже пошел наниматься на стройку. Поначалу ему тоже хотелось сделать для своей страны доброе дело, но разруха и запустение были такими, что людей заботило лишь одно: как-нибудь прокормиться. Это было нелегко, поэтому воровство и разбой уже не считались зазорными. Слово «вор» стало понятием, заменяющим «рыцаря». Воровством даже кичились. Крали и хватали все. Достойные люди были так напуганы разгулом татар, что не осмеливались и звука издать. Кто осмеливался, тот погибал.

Заботы о делах или бедах общественных утратили всякий смысл, и Дидэба стал думать о куске хлеба. Его наняли на строительство крепости, и вскоре он проявил себя прилежным мастером. В работе он был смекалистым и не знал усталости, в отличие от многих своих соплеменников. Согнувшись в три погибели, он до изнеможения таскал в гору здоровенные глыбы, стены же выкладывал так быстро и точно, что прослыл отменным каменщиком. Тогда же впервые появились у него завистники, но некоторые уважали его и даже спрашивали совета. Дидэба никогда не пытался обставить кого-нибудь. Он любил свою работу и ненавидел хвастовство и чванство. Так он и жил, увлеченно занимаясь своим делом.

Первое столкновение Дидэба с Наскида-эфенди тоже произошло на этой стройке. В ту пору Наскида-

эфенди, кутаясь в козыи шкуры, дневал и ночевал на заново построенных стенах крепости. Он настолько отличался своим рвением от остальных надсмотрщиков, что люди сразу же отметили и выделили его. Бывший козопас Наскида, без году неделя покинувший свою глухомань, не знающий толка в строительном деле,ставлял каменщиков и даже зодчих, указывал им, учил работать. Должность надсмотрщика давала ему на это право, да и он жаждал отличиться, чтобы оправдать доверие санджак-бека, определившего его на это место. Он с ревнивой завистью смотрел на окончивших медресе мулазимов, хотя сам занимал должность более высокую и пользовался большим уважением. Но на первых порах они раздражали его, поскольку знали много таких законов шариата, о которых Наскида-эфенди не имел понятия. Когда его положение упрочилось, зависть исчезла, зато теперь он презрительно и насмешливо относился к образованным людям, поскольку они властью не обладали. В его глазах достойны были внимания только власть имущие, и он стремился к власти, себя не щадил и другим не давал пощады, рабочих подстегивал, силой заставлял точно выполнять работу, чтобы начальство заметило его рвение. В бытность свою надсмотрщиком он проявил свойства неутомимого, старательного, преданного делу и беспощадного исполнителя. Подметив в ком-нибудь нерасторопность, он жестоко расправлялся с ленивцем. Иногда собственноручно сек провинившегося раба или рабочего. Может, истязание человека будило в нем сокрытый интерес, как в детстве забивание коз. Иногда он предавал виновника татарскому суду, а что такое татарская расправа, всем было известно: татары живьем сдирали с человека шкуру. Его боялись. Уже тогда видно было, что этот человек далеко пойдет на службе у татар. Он и пошел. Но до этого много выдержал борьбы, явной и тайной. В окружении паши тоже были люди, которых раздражали ревность и усердие Наскида, его жестокость, проявляемая по отношению к бедным и оправдываемая любовью к порядку. Недруги Наскида утверждали, что он стремится возвыситься, и не верили в его искренность и справедливость. Они не учитывали того обстоятельства, что для Наскида правым был сильный, и ему хотелось обрести власть для того, чтобы под-

няться над другими. Потому сек и терзал измученных рабочих, едва волочивших ноги под тяжестью непомерно нагруженных носилок. Люди дрожали от страха, когда он проходил надменным шагом мимо лепившихся к городской стене бараков, рабы и наемные рабочие отводили глаза. Где появлялся Наскида, там работа не стояла. Кроме рабов и пленных, все получали небольшое вознаграждение и кое-как существовали. Динары, дирхеймы, драхканы — все обесценивалось, деньги утратили силу. Если не подворовывать и не ловчить — не выживешь. Не сидеть же сложа руки! Не работай городское население на восстановлении крепости, оно бы вымерло от голода. Пусть даже не это. Город не смог бы существовать без крепостной стены.

Стало быть, какая-то польза для страны в работе Наскида-эфенди и ему подобных все же была, хотя они были ставленниками татар.

Дидэба видел Наскида, но сторонился его.

Среди рабов был старик — кожа да кости. Много лет назад его полонили татары, потом судьба занесла его в этот город, и ныне он работал на строительстве крепостной стены. Поговаривали, что он из страны мадьяр. От худобы жилы на его руках проступали, как натянутые струны. Вежливая улыбка почти не сходила с его лица, должно быть, он привык терпеливо сносить трудности. Работал он не меньше других. Знал толк в строительном деле: то раствор замешивал, то кирпичи клал, то леса возводил. Дидэба любил старца. И тот хорошо относился к юноше, обучал его.

Как-то раз, когда стояла нестерпимая жара, у старика закружилась голова, он упал с лесов и потерял сознание. Рабочие, тотчас побросав работу, окружили его, поскольку старика все любили. Кто принес воду, кто — уксус. Пока старик не пришел в себя, товарищи не оставляли его, стараясь ободрить, развеселить. Тут, на беду, появился Наскида-эфенди. Яростно бранясь, он стал разгонять толпу. Рабочие, ворча, нехотя расходились, только сидящий на камне старик не двигался с места. Наскида, увидев его, зашелся от злости и с силой хлестнул старика плетью. Кровь брызнула из тела, исполосованного ударами батога. Старик упал, прикрыв руками лицо. Стоявший неподалеку Дидэба сор-

вался с места и, заслонив старика, успел подставить себя под свистящую плеть.

Что было потом, Дидэба не помнил...

Когда он пришел в себя, он лежал в побеленной комнате. На стене висело небольшое деревянное распятие.

Дидэба приподнялся, силясь понять, где находится, но острая боль пронзила израненное тело, и он рухнул на постель. Он только теперь почувствовал, что тело его обернуто пропитанными мазью полотняными повязками. Дверь отворилась, в комнату вошел бритый монах:

«Не беспокойся, ты находишься в миссии католических монахов, тебе ничего не угрожает».

Дидэба узнал его. Это был римский миссионер, которого звали отцом Иоанном. Он знал множество языков, и с каждым жителем города говорил на его родном языке. В городе о нем шла слава как об отличном врачевателе, книгочее, заступнике и наставнике страждущих.

«Как я попал сюда, отец Иоанн?»

«Волею судьбы», — улыбнулся монах.

Успокоившись, Дидэба снова погрузился в сон.

Так он остался в миссии католических монахов. Отец Иоанн лечил его и вскоре поднял на ноги. Выздоровев, Дидэба не пожелал возвращаться на прежнюю работу — он смотреть не мог в сторону крепости — и попросил отца Иоанна оставить его при миссии. Монах согласился, и Дидэба остался тут жить. Он преданно служил отцу Иоанну, а тот на досуге старался просветить талантливого и трудолюбивого юношу. Читал ему Евангелие, учил языкам, рассказывал о странах, в которых ему удалось побывать. Отец Иоанн повидал множество стран. Где он только ни был: молился в Иерусалиме у гроба Господня, в Египте стоял в тени пирамиды Хеопса, в Афинах ступал по мраморным плитам Парфенона, в Константинополе тайком осенял себя крестом у величественного храма со сбитым крестом...

Отец Иоанн рисовал на доске те удивительные здания, подобных которым, как ему казалось, не было на свете. Дидэба мало-помалу усвоил азы зодчества, а отец Иоанн, заметив в юноше необычайные способно-

сти, неутомимо обучал его всему, что знал сам и на что хватало времени. В его руках Дидэба не замедлил стать хорошим скульптором и рисовальщиком, но в этой отсталой стране у подлинного искусства не было будущего, и отец Иоанн, сделавшийся наставником юноши, охваченного неутолимой жаждой познаний, понял, что этим ремеслом его ученику не прокормиться, и поэтому посоветовал ему заняться зодчеством, тем более, что каменщиком тот был отменным. Это было нелегким делом. Все строилось для татар. Дидэба же не хотел служить им.

Тем не менее, он тщательно изучил ремесло зодчего. Тут как раз татары запретили строить церкви. Мало кто располагал средствами на покупку или постройку жилого дома. Бедное население города ютилось в землянках и убогих хижинах. С виду город как будто строился, вырастали новые здания, на деле же погибал, разрушался, поскольку не было конца людскому развращению и вырождению. Кому нужен дом, мертвое творение из камня и извести, когда никчемны живые люди, его населяющие?

Дидэба не знал, что делать. Ему было чем похвалиться, но времена настали такие, что способностям и знаниям не давали ходу. По счастью, католическая миссия получила от городского вали разрешение на постройку лазарета, и, при посредничестве патера Иоанна, это дело поручили Дидэба.

Дидэба с величайшим рвением приступил к работе. Правда, у него маловато было опыта в зодчестве, но он оказался таким удачливым, что смог углубить талантом, дарованным ему свыше, те несовершенные знания, которые он приобрел с помощью патера Иоанна, и вскоре прослыл отличным мастером. Он построил прекрасный лазарет, просторный, светлый и удобный. Больные и лекари благословляли его, зодчие же со сдержанным молчанием рассматривали работу доселе не известного им мастера. Совершенно очевидно, этому человеку многое было дано, и вправду, спустя небольшое время, Дидэба прибавил к лазарету серную баню с округлым сводом и красивый караван-сарай в два этажа. Постепенно он познакомился и со знатными людьми, точнее, знатные прослышали о его существовании, и в один прекрасный день городской кадий попросил

его распланировать и построить здание суда, но Дидэба отказался. Он с самого же начала решил не принимать участия в строительстве каких бы то ни было затворов и темниц. Этот отказ крепко испортил ему дело. Знать стала косо поглядывать на него. Вдобавок Дидэба начал к этому времени искать пути, которые бы избавили его народ от постылого рабства, хотя люди свыклись с рабством и уже не могли представить себе жизни без татар, настолько срослись с татарским бытом. Много было и таких, что на словах клялись в любви к родине, а на деле верой и правдой служили татарам, будто можно служить двум господам одновременно. Или одного нужно ненавидеть, а другого любить, или с этим одним нужно мириться, а другого попирать.

«Нельзя служить Богу и мамоне!» — предостерегал их Дидэба словами Всевышнего, но сребролюбцы фарисеи лишь потешались над ним.

Дидэба видел: были люди, которых искренне беспокоила горькая участь родины, но они не находили выхода из беды. Конечно, в открытой борьбе татар не победить и ярма рабства не скинуть, но ведь можно же как-то досаждать врагу? Не следовало давать ему возможности крепнуть и успокаиваться, нужно было непрерывно теревить его, затрудняя обживание на этой земле, опутывать страхом, сеять недоверие, чтобы татары, измученные постоянным напряжением, хотя бы духовно не смогли покорить эту страну, которая должна была для этого объединиться, возгоревшись одним стремлением, и объявить тайную борьбу татарам на каждом шагу, на каждой пяди земли, каждую минуту и каждое мгновение. В противном случае страна бы, отатарившись, погибла. Но темный народ не только не пришел к столь высокому пониманию и решению, но был далек от него, многие продавали собственных детей на невольничьем рынке, откуда те потом шли в войско янычар, уничтожавшее их родную страну. Ветание времени, как мощная лавина, увлекало народ в пропасть вырождения. Кто мог остановить эту лавину? Все то же провидение! Но как, каким образом? Дидэба не видел силы, способной направить страну по новому пути, повернуть колесо судьбы вспять. Отчаянно и упорно он тщился найти единомышленников в этой хо-

лодной, недвижной пустыне. Именно в это время он и познакомился с монахом Никифором.

Это произошло перед кончиной отца Иоанна.

Миссию уже давно упразднили, монахи вернулись на родину, только старый и бездомный отец Иоанн остался в небольшой хижине, сердцем прикипевший к несчастным людям этого края. Их горе было его горем, их радости — его радостью.

«Бессмыслицы творятся у вас оттого, что сама жизнь ваша лишена смысла и цели. Помните о Боге. Не отступайте от него, Бог наказывает отступников! Поднимите головы, не пекитесь о чреве своем, аки звери. Опомнитесь!» — призывал отец Иоанн свою малочисленную паству. Да разве кто внимал его проповедям?!

Когда он свалился в горячке, никто и не справился о его здоровье. Только Дидэба смотрел за больным, каждый вечер навещал его, и вот как-то раз, придя к патеру, он застал у него смуглого мужчину с лицом, сплошь поросшим смоляной бородой, что придавало ему устрашающий вид. Он был одет в черную, подпоясанную веревкой рясу, из-под которой выглядывали израненные ступни. За прикованным к постели отцом Иоанном ходила бедная женщина, получавшая за это небольшое вознаграждение от Дидэба. Застав в тот вечер в хижине незнакомого человека, Дидэба очень удивился.

«Это мой бывший ученик, он тоже хочет помочь своей стране», — представил его отец Иоанн. Монах Никифор прибыл в город откуда-то издалека.

«Вам понадобилось оружие?» — спросил Дидэба незнакомца.

«Сейчас вооруженная борьба не имеет никакого смысла, — возразил тот густым басом. — Мне достался клад одного из разоренных монастырей. Я хочу построить на окраине города новый монастырь».

«Кто даст на это разрешение?» — усмехнулся Дидэба.

«Во дворце падишаха сейчас все заняты переворотом. Пока татарам не до нас, нужно воспользоваться удобным случаем».

«А что дальше?»

«Пока нам нужен монастырь. Мы должны вдох-

нуть жизнь в народ, должны вернуть веру в Бога, просветить людей».

«По-твоему, они будут ходить в церковь?»

«Как это не будут?! Ты думаешь, люди не хотят правды? Некому сказать ее, а если найдется такой человек, они прислушаются и пойдут за ним...»

«Не думаю!»

«Поверь, они почувствуют уважение, поверят...»

Дидэба слушал монаха Никифора, глядя в дверной проем на солнце, низившееся за пурпурные облака. Внизу, меж оврагами с размытыми отлогими склонами, ютился город. В овчарнях лежали вповалку овцы. Хрипло надсаживались косматые псы. В ложбине, откуда поднимался пар от бьющих из-под земли горячих источников, женщины, полураздевшись, стирали белье. На пригорке шелестели тополя. Шла жизнь. Люди работали, ели, пили, спали. Что еще нужно? Может, для толпы неприемлемо то, к чему стремятся одиночки?

«Ты должен построить этот монастырь. Другой этого не сможет. Только ты можешь без корысти взяться за это дело. Отец Иоанн не знает никого, кроме тебя, кто мог бы мне помочь», — настойчиво повторял монах одно и то же, и Дидэба, наконец, согласился, поверил, что можно построить монастырь. Это и без того было его мечтой, осуществить которую он уже не надеялся. Он прибавил к кладу отца Никифора деньги, припрятанные на черный день, и за три года построил монастырь.

Но сколько горечи выпало на его долю! Сколько раз честили-бранили его! Кто только ни мешал ему, кто только ни ввязывался в его работу. Высказывались и те, кто в церкви отродясь не бывали. Кому-то казалось, что нет нужды строить еще одну церковь, когда нет ухода за теми, что уже есть, кто-то боялся раздражить татар, кто-то развлекался беспредметной болтовней, поскольку в этой одичалой стране других развлечений не было. Люди, поднаторевшие в умении поносить других, искренне считали себя агнцами божьими, изощрялись в придирках, лишь бы помешать; хотя были и такие, что сочувствовали делу, но в этой стране обстоятельства почему-то складывались всегда так, что поборники добра всегда терпели поражение, а сторонники невежества всегда торжествовали.

И все же Дидэба работал, не покладая рук, дни и ночи проводил на лесах, все время крутился среди нанятых на стройку рабочих и мастеров, тут жил, проводил бессонные ночи, засыпал под утро на сене, разложенном под лестницей на недостроенную колокольню, ни разу не спустился в город развлечься, занять себя. В однообразном труде проходили дни, месяцы, годы, но разве кто оценил это? Когда строительство закончилось и люди собрались посмотреть на церковь, Дидэба стоял среди них с непокрытой головой, в обносках, такой же бедный и бездомный, как в далекой юности, когда он, бежав из сожженного монастыря, впервые попал в этот город. Теперь у него не было никого из близких, патер Иоанн давно преставился, и его бедняцкую хижину занял отец Никифор. У Дидэба, строителя Синего монастыря, не было ни дома, ни имени, ни средств, но все же он был самым счастливым человеком из всей собравшейся возле церкви толпы. Стоя один-одинешенек, он улыбался, умиротворенный и беззаботный.

В ту ночь, когда он возвращался домой, на него напали, избили, вымазали дегтем и бросили в смрадный пруд, пригрозив убить, если он немедленно не уберется из этих краев. С трудом выбравшись из зловонной жижи, Дидэба пошел прочь из города.

А ныне строили мечеть, и все молчали.

К тыльной стороне церкви лепился фруктовый сад. Этот сад монахи разбили по плану, составленному Дидэба. Деревья разрослись, похорошели, но из-за отсутствия ухода сад со временем одичал и постепенно слился с лесом. Ютясь в монастыре, Дидэба обратил внимание на то, что в лесу часто собирались какие-то юноши и, расположившись под одним из деревьев, долго спорили. Иногда с ними приходили и женщины.

Дидэба не знал, кто они такие. Одно было ясно: они не искали развлечений. По большей части они вполголоса беседовали.

Дидэба тянуло к ним, но как заговорить с незнакомыми людьми, как вмешаться в их разговор?

В последнее время дела его шли плохо. В погребке все сторонились его после той встречи с палачом. Работу ему не давали, даже в переводчики не брали. Пользовались услугами людей, не владевших языком, и

платили им вознаграждение, а от Дидэба отворачивались. Он совсем опустился и поник. Целыми днями слонялся без дела по улицам города и клял татар. Раз ночью, когда он, голодный и изверившийся, вернулся в монастырь, его не пустили ночевать под лестницу. Дидэба пришел в ярость, поднял крик, но ничего не помогло, таков приказ, раскричался в ответ сторож.

«Какой приказ, что за приказ, постройке этой церкви я отдал все, теперь мне и переночевать здесь нельзя?!»

«Почем я знаю, кому что ты отдал, пришел приказ запретить ночевать в монастыре!»

«Когда пришел этот приказ?»

«Сегодня!»

«А что сказал отец Никифор?»

«Что он мог сказать? Приказ есть приказ!»

После долгих препирательств Дидэба, бранясь, покинул монастырь. Кипя гневом, он вошел в лес. Душила обида, перехватывало дыхание. Внезапно он понял: его раздражало и возмущало не только то, что произошло сейчас, но и все то, что предшествовало этому моменту. Тысяча унижений, тысяча неудач. Его била дрожь, но покой леса поневоле успокаивал, Дидэба как бы мало-помалу отстранялся от мелочей повседневности. Чем больше он углублялся в лес, тем отчетливее чувствовал, что не должен отдаваться страстям, властвующим в земном приходе. Настало время позаботиться о душе и обратить свой взор ко Всевышнему, но из-за своего ремесла Дидэба не смог бы отойти от людей, искать истину в другом лоне. Снова волнение охватило его, и вдруг за спиной послышался шорох. Будто кто-то крался на цыпочках и под ногой случайно подломилась ветка. Он резко повернул голову и успел заметить привидение, бледным светом мерцавшее между деревьями. Призрак, промелькнувший перед глазами, походил на силуэт прекрасной женщины, и Дидэба, объятый жгучим любопытством, двинулся за безмолвной тенью. Удивительное тепло дрожью разлилось по телу. Он никогда не касался желанной женщины, не заговаривал с ней, никогда не испытывал блаженства близости с прекрасной женщиной. Он знал лишь дешевых шлюх. Жизнь прошла так, что он ничего, кроме камней и глины, не видел, и теперь, гонимый

жаждой наверстать упущенное, он не задавался вопросом, кто она, эта лесная обитательница: русалка или плотское существо. Он бездумно шел по ее следу в таинственно притихшем лесу, пока тень не вывела его к костру, разложенному под старым дубом, вокруг которого сидели, закутавшись в шкуры, молодые люди. Один из них встал, подбросил хворост в огонь, и золотистые искры взметнулись в небо бесчисленными светлячками.

Укрывшись за деревом, Дидэба остановился. Что это за люди? Он и раньше замечал их, но не подозревал, что они собираются тут и по ночам. Почему они выбрали именно это место?

Юноши говорили вполголоса. Потрескивание огня заглушало слова, но было ясно: они к чему-то готовились, что-то затевали. Дидэба догадался, что молодые люди готовили покушение на Великого везира падишаха со свитой, когда он по пути в Багдад посетит их город.

«Мы боремся не с кровью и плотью, а с правлением, с властью, с властителями тьмы в этом бренном мире, со злыми духами поднебесной!»

«Пусть лучше кто-либо один погибнет за народ, чем обрекать на гибель всю нацию!»

Парни говорили словами священного писания, и Дидэба окончательно уверился, что они затевали бунт. Представив себе мощь и жестокость татар, Дидэба поразился безрассудной самоотверженности парней, но, спохватившись, вспомнил то время, когда он сам считал возможной борьбу с татарами. Вынужденный покинуть город после постройки Синего монастыря, Дидэба отправился в родные горы, где тепло приняли пропавшее дитя грешное, блудного сына. Накормили, напоили, дали пасты отару овец.

Он исходил горы-долы, приглядываясь к людям. Всюду царили нищета и невежество. Татары опустошили и разорили страну, и Дидэба, перегоняя отару с пастбища на пастбище (словно кудрявая волна с белыми гребешками катилась перед ним), видел быт и обычай глухих деревень и крупных селений, поражался неприхотливости этих людей, скудости их представлений. Люди, притесняемые татарами, понимали, что дела их из рук вон плохи, но никто не старался найти выход, поскольку надежда уже иссякла и руки опустились. Тогда Дидэба начал проповедовать. Взрослых и малых,

женщин и мужчин, старых и молодых — всех он призывал оказывать сопротивление врагу, не переходить в татарскую веру, срывать любое начинание татар, всячески тревожить и притеснять их, чтобы не дать обосноваться на этой земле и свободно дышать. Но кто-то донес на него, и в один прекрасный день, когда он перегонял отару в долину, люди Наскида схватили его и бросили в темницу.

Наскида тогда уже сильно продвинулся на службе у татар. Назначенный секбаном, он таким людям, как Дидэба, житья не давал. Но тому все равно удалось бежать из темницы, и он снова укрылся в горах.

Он ходил от деревни к деревне и наконец нанялся плугарем к состоятельному дворянину. Дидэба пахал и сеял, а «Аробную» заводил так залиvisto, что работать с ним всем было в радость. На досуге, если таковой случался, он лепил из глины фигурки и дарил их людям. Но вот дворянин прослышал, что люди Наскида разыскивают Дидэба и в страхе рассчитал его. Лишившись куска хлеба, Дидэба не мог здесь дольше оставаться и покинул этот край. Странствуя, набрел он на глухую деревушку. На краю деревни зеленую сверкал пригорок. На этом пригорке Дидэба взялся строить церковь. Тогда еще закон не запрещал строительство церквей, и жители села в охотку помогали строителю. Даже пропитание на день определили, но когда до окончания работ оставалось всего ничего, опять последовал донос, из долины пришли люди Наскида, облыжно обвинили Дидэба в конокрадстве и увели.

Снова Дидэба бросили в темницу. Наскида приказал разрушить ту церковь и заслужил благодарность от татар. А Дидэба сидел в глубокой яме вместе с двумя татарами-людоедами.

Как оказалось, эти татары, бежав из осажденной крепости, пробирались через пустыню. Когда у них вышли съестные припасы и вода, они съели своего спутника и так добрались до своих. Те бросили их в темницу, обвинив в том, что они оставили без приказа крепость.

«Как вам пришло в голову съесть человеческое мясо?» — поражался Дидэба.

«Иначе мы бы не выжили!» — был ответ.

Дидэба трудно было представить себе ту недоли-

мую жажду жить, которая заставляет человека съесть себе подобного и сохранить такой ценой свою жизнь. Тем более, что те же татары, что съели своего товарища, теперь готовы были пожертвовать собой в бою во искупление вины.

Какая же тайна здесь крылась, какая непознанная истина?

Дидэба никак не мог это понять и все расспрашивал людоедов, хотел сполна постичь сокровыи опыт, осевший, как отражение преисподней, на дне их души, но никакой тайны не видел и ничего примечательного не находил в этих неотесанных мужланах, словно сатанинское начало воплощалось в обычном человеческом облике и совсем не казалось чем-то отличным, особенным. Эти татары были похожи на обычных людей, которым хотелось жить, и если б не людоедство, ничем не привлекали к себе внимания.

В один прекрасный день их вывели из темницы, осудили и обезглавили, как изменников падишаха.

Какое-то время Дидэба оставался в темнице один. Потом к нему в яму подбросили избитого мужчину. Дидэба с трудом привел его в чувство. Очнувшись, арестант завязал с ним разговор и, когда узнал, что Дидэба некогда был зодчим, как бы между прочим сообщил, что паша строит себе дворец, и если бы Дидэба смог определиться на эту стройку, его, быть может, выпустили бы на волю. Дидэба догадался, кто был этот человек, и выразил желание работать на стройке, но тут же с сомнением добавил, кто, мол, меня выпустит. На другой день стражник, вытащив его из ямы, повторил то же предложение. Дидэба без колебаний согласился, но, едва ему открыли дверь темницы, снова сбежал и укрылся в лесу.

На сей раз он пристал к разбойникам, совершавшим по ночам набеги на врага, да так и остался с ними. Его уже не привлекали прежние занятия: лепка, рисование, зодчество. Он на все махнул рукой. Боролся, росло число ран на теле, копилась усталость. Он старился. Раз Дидэба тяжело ранило, и он несколько месяцев пролежал в постели. За ним смотрела вдовья женщина, уродливая, гнилозубая, которая, по выздоровлении Дидэба, была ему и полюбовницей, но едва он окреп, как бросил и эту женщину, и ее заботливо свитое

гнездо. Он затосковал по делу, у него руки зудели, так не терпелось ему заняться лепкой, рисованием — словом, работой. Он бродил от села к селу, с кем только ни разговаривал, где только ни побывал. Знать и простолюдины — все были недовольны жизнью, но все как-то свыклись с ней, притерпелись. Беспрестанные неудачи отвратили людей от борьбы. Множилось число мулл, лжепророков, разрушались храмы, о строительстве новых церквей и говорить не приходилось, и тогда Дидэба, поселившись в одной из крупных деревень, стал делать могильные плиты. Работа доставляла ему радость, он мог выполнять надписи на родном языке и украшать орнаментом по своему вкусу. Но люди Наскида нашли его и тут, схватили, приговорили к казни, но потом положили отправить его с войском на Хамадан, справедливо полагая, что он там погибнет.

В первом же сражении Дидэба пронзили копьем плечо, и он, едва живой, упал на поле брани. Когда стихли звон сабель, громыханье цепей и ржание коней и ночь спустила на поле, усеянное трупами, темный полог, умирающий открыл глаза. Боль и слабость не давали ему возможности шевельнуться, но вой шакала понуждал его быть настороже, не смыкать глаз, чтобы не стать добычей зверей и воронья. Поэтому он бодрствовал до рассвета, силился не уснуть, поскольку, злой на судьбу и измученный жизнью, он все же боялся смерти.

На рассвете проехал по бранному полю возок победителей. Мародеры подбирали оружие, панцири, латы, с погибших снимали шлемы с забралом, а умирающих приканчивали. Мимо Дидэба они прошли, не заметив его, и он во второй раз спасся от смерти. Целый день он пролежал на поле под палящим солнцем в смраде разлагающихся трупов. Временами он терял сознание, потом приходил в себя, а ему все казалось, что он просто засыпает и просыпается. Вечерней порой на него набрел случившийся здесь пастух и влил ему в рот немного молока. И поскольку ему не суждено было пока умереть, он выжил, хоть и долго болел.

Именно тогда он и почувствовал впервые настоящую усталость. Впервые понял, что его мечтам и целям не дано сбыться. Никогда не достичь ему того, к чему он стремился, не создать совершенного творения,

а если даже удастся создать, туман на пути в ничто поглотит след того, что здесь остается. Смирившись, он вернулся в город, где никто его не помнил и никому он не был нужен, поскольку тут привольно жились лишь временщикам. По неписанным законам жизни, колесо судьбы вертелось во благо приспособчивых.

Ночная тишина расползалась на клочья. Шуршали насекомые, в небе трепыхались летучие мыши, где-то выл зверь, а молодые люди у костра по-прежнему говорили.

Дидэба стало совестно, что он укрывается во тьме, точно соглядатай какой. Ему нечего было скрывать, почему же издали наблюдать за этими людьми, разве они не были своими?

Покинув укрытие, он направился к костру. Девушка, единственная здесь, встала:

«Вооружимся образом божьим, дабы лучше противостоять козням дьявола», — она раздала юношам по небольшому образку.

Дидэба приблизился к костру, и все вдруг повернулись к нему. Юноши, схватившись за оружие, в изумлении воззрились на незнакомца, даже нежная девушка смотрела недоверчиво и зло.

«Не пугайтесь, юноши, я Дидэба!»

«Кто?»

«Создатель Синего монастыря!»

«А говорили, что его убили!» — недоверчиво заметил один из юношей.

«Никто меня не убивал! — воскликнул Дидэба. — Я слышал краем уха, о чем вы говорили, потому подошел. Позвольте остаться с вами!»

«Что именно ты слышал?»

«Слышал, что вы готовите покушение на Великого везиря...»

«Тебе показалось, с чего ты взял...»

«Кто подослал тебя?»

«А мне его лицо кажется знакомым. Он раз выпивал в погребке с палачом Сиквдила».

«Говори, кто ты, зачем пришел?»

«Я зодчий, Дидэба, я желаю вам победы...»

Его схватили, поволокли в глубь леса и привязали к дереву. Погасив костер, раскидали головни, затопта-

ли, засыпали землей и поспешно разошлись, рассеялись во мраке ночи.

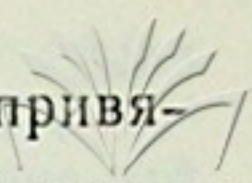
Дидэба так и остался привязанным к дереву.

Всю ночь он грыз веревку. На рассвете, когда силы иссякли и от напряжения сильно разболелась шея, он понял, что зря старался. Руки ему все равно не высвободить. Спасения не было. Безысходность сжала сердце, мрак объял душу, кровь стыла в жилах. Как долго он здесь пробудет? Что ему уготовано? Он отчаянно закричал. Может, окажется кто поблизости, добрый или злой? Может, в монастыре услышат его голос? Далекое эхо злорадно пророкотало в лесу, и Дидэба сам же испугался своего крика. Он сдался, покорившись неволе, охваченный отчаянными и злыми мыслями. Он не знал, сколько прошло времени. Холод буравил тело и пробирался вовнутрь, тонкий, как игла, и жгуче болезненный.

Едва забрезжил рассвет, Дидэба поднял голову и далеко, меж плывущими в тумане деревьями, заметил направляющиеся к нему призраки. Черные тени зловеще обшаривали каждое деревце и куст, сродни злым духам, прилетевшим неведь откуда, а один, всех выше и страшнее, волоком тащил за собой девушку. Руки ее были связаны, одежда висела клочьями. Она то бежала, послушная рывку веревки, то, теряя равновесие, падала, и тогда долговязый, пригнувшись, изо всех сил тянул обеими руками веревку, поднимал на ноги свою жертву и снова тащил. Остальные следовали на некотором расстоянии за ними. Когда они приблизились, Дидэба узнал их. Долговязый был палачом Сиквдила, а жертва со связанными руками — девушкой, чья прелесть, пробудив накануне в его душе неосознанную радость, привела его сюда. Какая участь постигла тех юношей? Охваченный тревогой, Дидэба заерзал. Тем временем все собрались у погашенного костра. Мужчины обыскали все вокруг, но Дидэба пока не замечали. Молчал и он. Девушка снова упала, и на сей раз палач не поднял ее.

«Вы здесь собирались?» — заорал он. Обессиленная девушка молчала.

Вдруг один из стражников наткнулся на Дидэба и

საქართველოს
ლიტერატურის
აქადემიის
გამომცემლობა

поднял крик. Сбежавшись, все уставились на привязанного к дереву человека.

«Кто ты?» — возопил стражник.

Приблизился и Сиквдила, волоча за собой по земле свою жертву. Он узнал Дидэба. Почему-то совершенно не удивился при виде его. Только поднял брови, окинув насмешливым взглядом.

«Мое почтение, уважаемый Дидэба, кто привязал вас к дереву?»

«Никто!»

«Может, вы сами себя привязали?»

«Сам».

Сиквдила скорчил гримасу и подмигнул своим людям, как бы призывая их подивиться невиданной ловкости Дидэба. Те стали безудержно хохотать. Они держались за животы, раскачивались, не в силах подавить рвущееся изнутри ржание. Сиквдила подал какой-то знак одному из стражников, тот освободил пленника от пут, но Дидэба по-прежнему стоял на коленях, опустив плечи и свесив голову на грудь.

«Значит, ты сам себя привязал?»

Дидэба молчал.

«Молодец, уважаемый Дидэба, честь и хвала вашему мужеству», — голос его внезапно изменился: «Послушай, глупец, ты знаком с этой женщиной?»

«Впервые вижу».

«Кто был здесь? Сколько их было?»

«Я никого не видел».

«Значит, ты сам себя привязал, — палач, взмахнув плетью, повторил вопрос. — Если ты хороший человек, за что тебя к дереву привязали? Как ты вообще оказался с ними?»

«Я ни с кем не был. Я сам по себе!»

«Сколько их здесь было, говори?» — плеть снова взвизгнула.

Вскинувшись от боли, Дидэба поднял голову и встретился взглядом с глазами девушки, которые настойчиво смотрели на него, остановившиеся, расширенные, сверкающие. Она тоже стояла на коленях, полуобнаженная, растрепанная, и вместе с тем целомудренная, прелестная, застывшая в ожидании возможных оскорблений и кары.

«Что будет с девушкой?» — воскликнул Дидэба.

Надо же было ему встретиться с ней вчера, шел бы своей дорогой, тысячу раз хоженной, где женщин красивых не встретишь и волнений из-за них не испытает!

Палач осклабился.

«То же, что и с остальными!»

«А что с остальными?» — порывисто выкрикнул Дидэба.

«Остальных мы поймали и развесили на деревьях, а ты что думал! Теперь там раскачиваются!» — засюсюкал Сиквдила, подражая детскому лепету.

«Девушка тут ни при чем, ее с нами не было, она...» — Дидэба колотила дрожь, голос пресекался.

«Благодарствую, уважаемый Дидэба, мы верим каждому вашему слову!» — брезгливо улыбаясь, произнес Сиквдила и низко склонил голову.

Дидэба перехватил взгляд девушки и поразился: она с ненавистью смотрела на него, как на предателя, доносчика. Ясно, она ему не доверяла, не верила ни единому его слову. Может, все происходящее здесь казалось ей заранее подготовленной игрой.

Дидэба взвыл, упал на землю. Как убедить ту обезумевшую девушку в том, что он не предатель и не причастен к гибели ее друзей?

Стоило ли жить после этого! Он никому не был нужен! Современники грозились забить его камнями, будущее поколение его не знало! Для кого он работал, для чего существовал? Именно те, с кем он связывал свои надежды, сочли его доносчиком, бросили в глухом лесу на съедение зверям. Ни советом он им не помог, ни делом. В глазах тех юношей он навсегда остался опозоренным человеком без совести, предателем. Если бы ему удалось спасти эту несчастную девушку из когтей изуверов! Но как, каким образом? Он в полной мере ощутил свое поражение и горько заплакал, беззвучно, без слез.

Когда он поднял голову, он был один. Призраки исчезли, словно канули в дупле одного из деревьев. Поднялся ветер, всплеснулись листья...

Дидэба встал. С трудом нашел дорогу из лесу. Ноги едва повиновались ему. Откуда-то донесся крик петуха. Рассвело. На косогоре смутно проступил контур Синего монастыря, но Дидэба и не смотрел в ту сторо-

ну, он спустился в город, на темных мрачных улицах которого были бродячие псы.

После ночи, проведенной в лесу, все тело ^{ломилось} ~~ломилось~~. Он двинулся к замусоренным развалинам и, ^{добравшись} ~~добравшись~~ туда, притулился в углу, съежился. Его трясло от холода и донимал устоявшийся здесь смрад. Положение его было незавидным, но в сравнение не шло с участью тех парней, к которым он стремился всей душой. Зачем было обрекать себя на смерть, кто подвигнул их на это бессмысленное дело? Кто оценит их самоотверженность? Теперь людская молва ославит их безумцами, и действительно, что-то неоправданное в их поведении было. Разве можно с голыми руками идти на чудовище с кровавой пастью, как Святой Георгий на дракона, когда твоя обреченность очевидна заранее? Не зря говорится, рыба ищет где глубже, а человек где лучше. Но если все время сторониться, уступать и терпеть, тебя в конце концов могут вытолкнуть из родного гнезда!

Но кто-то же должен пожертвовать собой, кто-то же должен возвысить голос, в отчаянии думал Дидэба, подспудно понимая, что спасения не было. Застывая от холода, он разгреб мусор, протиснулся в него, чтобы хоть немного согреться. Зарывшись по шею, он почувствовал некоторое облегчение, кровь заструилась по жилам. Он залез еще глубже, с головой укрывшись ветошью. Он ничего не ощущал, кроме безграничной усталости. Все, что до сих пор будоражило и волновало его, побуждало к действию и поддерживало, обратилось в бессмыслицу, пустоту. Ветер свободно резвился в проемах развалин, надоедливо воя. Временами мощный порыв его взвихривал пыль, и Дидэба, разомлевший в тепле, поневоле испытывал раздражение. Но он хотя бы не дрожал и ни о чем не думал. Он так и задремал, не слыша труб и барабанов, возвещавших городу прибытие Великого везира.

Наскида-эфенди-паша со своей свитой встречал высоких гостей у ворот крепости. Верховые янычары, предводительствуемые Великим везирем падишаха, правителя всея державы, въехали в город, остальные воины расположились лагерем в палатках, разбитых вдоль

городской стены. Жителей города, по обыкновению, согнали на улицы.

Великий везирь и вельможи прошли во дворец, а янычар разместили по специально подготовленным подворьям. После короткого отдыха высокого гостя повели в серную баню. Эта баня тоже была построена Дидэба. Изумрудного цвета стены просторных и светлых помещений были украшены бирюзой и перламутром, пол выстлан рубинами и яхонтами. Баня пришлась по душе Великому везирию, он разделся и в сопровождении Наскида-эфенди-паши направился в купольный зал, в центре которого большой мраморный бассейн был до краев наполнен горячей водой. Синеватый купол, отделанный хрусталем, пропускал неяркий свет. Терщики в деревянных сандалиях и цирюльники стояли вдоль стены. Великий везирь спустился по мраморным ступенькам в бассейн, серная вода доставила ему особое удовольствие. Нежно журчали фонтаны, из разверстых глоток львиных и драконьих голов цветного мрамора били струи горячей воды.

«Прекрасная баня! Кто ее строил?» — осведомился Великий везирь у Наскида-эфенди-паши, потирая от удовольствия грудь.

«Зодчий Дидэба», — нехотя отозвался Наскида-эфенди-паша.

Великий везирь с наслаждением помылся. Сам Наскида-эфенди-паша соперничал с терщиками в омовении высокого гостя.

«Терщик из тебя отменный!» — похвалил гость польщенного хозяина.

После купания и бритья Великому везирию подали завтрак сюда же, в комнату отдыха. Завернувшись в мягчайшую простыню и прилегши на тахту, устланную ковром, гость наслаждался шербестом кровавого цвета, халвой, фруктами, неторопливо беседуя с Наскида-эфенди-пашой. Между прочим он попросил провиант для своего войска и напомнил о приказе падишаха ежегодно высылать ему по сто вьюков шелка.

«Воля владыки будет исполнена!» — склонив голову, Наскида-эфенди-паша приложил руку к груди.

После бани Великому везирию со свитой показали достопримечательности города. Наскида-эфенди-паша привез гостей к вырубке на берегу реки и сообщил, что

на этом месте будет возведена мечеть. Великий везирь одобрил замысел, и тогда Наскида-эфенди-паша пояснил, что намеренно приказал известить священный лес, чтобы люди, забыв свой древний обычай, поскорее перешли в новую веру. Великий везирь снова одобрительно кивнул. Наскида-эфенди-паша окликнул своего любимца, зодчего Глахуну, который, глядя блестящими глазами на почетного гостя, стал с благоговением объяснять план будущей мечети. Великий везирь кивал, позевывая.

Затем осмотрели крытый рынок. Великому везирию он показался темным и тесным. Наскида-эфенди-паша пообещал устранить эти недостатки. Наконец осмотрели подворье, выстроенное Дидэба. Это было прямоугольное здание, построенное прочно, как крепость, с железными воротами и опрятным мощеным двором, украшенным большим бассейном и фонтаном с орнаментом. Великий везирь заглянул и в комнаты для постояльцев на обоих этажах и остался весьма доволен.

«Кто строил подворье?» — поинтересовался он.

«Зодчий Глахуна!» — не задумываясь, солгал Наскида-эфенди-паша, глядя везирию в глаза.

«Отлично!» — заметил Великий везирь и, положив руку на плечо Наскида-эфенди-паши, уже на выходе, как бы между прочим, сказал:

«Кстати, для похода в Багдад мне понадобятся еще тысяч пять воинов. Позаботься!»

«Ваша воля будет исполнена!» — низко склонил голову Наскида-эфенди-паша.

В сопровождении многочисленной свиты они вернулись во дворец, где был устроен грандиозный пир. Рекой лился шербет, сменяли друг друга аппетитный плов, кебабы, барашки, оленята на вертеле, хашлама, разнообразные рыбные блюда. Когда в зал привели танцовщиц, стол украсился фруктами и сладостями. Девушки дивной красоты плавно плыли в танце, и Великий везирь, оживившись, шепнул с улыбкой Наскида-эфенди-паше:

«Если ты пошлешь падишаху сотню таких прекрасных прислужниц, это будет для него отменным подарком».

«Будет исполнено!»

Настал конец и пиру. Великий везирь со свитой

вышли со дворца. Верховые янычары, выстроившись в ряд на обочине дороги, ждали появления Великого везира. Толпа, собравшаяся за их спинами, рвалась поглазеть на гостей. Великому везиру подали черного скакуна с упряжью из золота и серебра. Вскочив в седло, он поднял коня на дыбы и тронул его с места. Наскида-эфенди-паша ехал рядом с почетным гостем. Люди, высыпавшие на улицы, настороженно следили за сильными мира сего, те же ехали, слегка придерживая коней, и звонкое цоканье копыт разносилось по всем уголкам города.

Возле крепостных ворот Великий везир остановил коня и поднял взгляд на косогор, где сквозь лесную чащу, возвышаясь над городом, проглядывал Синий монастырь, исполненный таинства вечерних сумерек и струящий величавый неземной покой на окрестность. Великий везир долго не мог отвести глаз от монастыря. Сам он был родом из Греции, его вывезли из родного края десятилетним мальчиком. Кто знает, может, именно в эту минуту он смутно представил себе поросшую оливами, выбеленную известняком гряду лысых, в синеву холмов, что виднелись из окон отчего дома? На одном из холмов стояла кругловерхая церквушка. Может, ему припомнился материнский подол, забытый в жизненной круговерти и борьбе за земную славу, но все же бережно сохранившийся в одном из дальних уголков памяти...

Трубы и барабаны возвещали городу об отъезде сиятельных гостей, и Великий везир стряхнул оцепенение, отвел взгляд от монастыря и, потемнев лицом, посмотрел на Наскида-эфенди-пашу.

«Кто строил этот монастырь?»

У того сердце зашло от страха. Хриплый голос Великого везира показался ему зловещим предзнаменованием. Мог же разгневаться Великий везир на то, что до сих пор не снесли прибежище неверных. Наскида-эфенди и сам не знал, почему до сих пор не сделал этого. Растерявшись, он не мог сообразить, чем бы оправдаться, но про себя решил, что если на сей раз избежит выговора, завтра непременно разрушит монастырь. Он весь кипел от злости и ненависти к создателю этой церкви.

«Зодчий Дидэба!» — боязливо выговорил он.

«Прекрасное творение! — тихо заметил Великий везирь. — Видна рука Мастера. Хорошо бы переделать монастырь в мечеть!» — и тронул коня.

«Неприменно переделаем, я уже давно решил!» — произнес Наскида-эфенди-паша, облегченно вздыхая.

Миновали городские ворота.

Расположившееся в поле войско разложило вокруг костры, и эти бесчисленные огни как бы стирали все границы, делая единой поднебесную. Все они были частицами этого мира, поработанные и поработители, все были равны перед лицом брэнности, и даже само понятие родины утрачивало свой смысл перед духом Всевышнего. Только Бог был единственной истиной, единственным устремлением, в лоне которого не существовало ни угнетателей, ни угнетенных, а только добрый дух — многострадальный, страстотерпец, дух истинный, дарующий надежду, принять который человечество не смогло, ибо, незримый, он был для него непостижим. Никому не дано осуждать и оправдывать мир. Мир нуждается лишь во спасении и освобождении.

Мрак постепенно поглощал пространство, и мало-помалу все вокруг исчезало. Приблизившись к лагерю, Великий везирь осадил коня. Он выразил признательность Наскида-эфенди-паше за сердечное гостеприимство и передал ему в дар дорогой халат. Наскида-эфенди-паша склонил голову в поклоне, слезы радости и благодарности выступили на глазах. Благоговейно приняв халат, он прижался губами к его полам. Подогнав двух ослов, навьюченных хурджинами, и Наскида-эфенди-паша смиренно обратился к Великому везирю:

«Владыка, в одном из хурджинов находится золото, серебро и драгоценные камни. Примите этот скромный дар от благодарного народа. Во втором хурджине — иконы, кресты в золотых окладах с алмазами, остатки прежней веры моего народа. Эти сокровища отобраны у людей, и мне бы хотелось пополнить ими казну славного падишаха».

Великий везирь поблагодарил и, подмигнув, заметил с улыбкой:

«Обо всем будет доложено сиятельному падишаху. Надеюсь, что в скором времени увижу тебя в столице».

членом дивана и назир-везирем. На худой конец главным капудан-пашой державы!»

Наскида-эфенди в жизни не видел моря, но обещание Великого везира поставить его во главе державного мореходства приятно взволновало его.

Настала пора прощаться. Великий везирь обратился к Наскида-эфенди-паше с отеческими наставлениями и, напомнив об обязательствах, добавил напоследок:

«Поскольку твой народ еще не отатарился полностью, Великий падишах повелел выселить жителей приграничных и прибрежных деревень и на их место поселить татар!»

«Будет исполнена воля высококочтимого падишаха!» — торопливо вымолвил Наскида-эфенди-паша.

Повернув коня, Великий везирь двинулся к лагерю. Свита последовала за ним. Тронул с места свой отряд и ага янычар. Растроганный чрезмерной благодарностью, Наскида-эфенди-паша долго стоял на пригорке и, полный головокружительных надежд, смотрел вслед дорогим гостям, пока они не исчезли в сумерках, опустившихся на простирающееся в бесконечность поле.

Перевод Эммы ПИВОВАРОВОЙ

Энгури возле Рухи

«Бывшее русло Энгури...» — не слышать бы этого
лучше,
Грусть затопляет сердце, как на поминках родни.
Есть и Днипро широкий, есть и Урал могучий,
А все же — с рекою детства мы навсегда одни.

Эгрис-река смеется, поет колыбельную детям,
Воспитывает, пророчит... чем ее заменить?
Вот, обесценился мост — провис безжизненной плетью,
Трава под мостом зеленая... С прошлым прервана
нить...

Нет, я не в упрек прогрессу, станциям и турбинам.
Умом я все понимаю, но... понимаешь, но...
Конечно, нужны и турбины славным потомкам грузина,
Но грохот нашей Энгури уже не влетит в окно.

О, эти вой и грохот, — нас закалявшие звуки!
Казалось, так будет вечно, по крайней мере — века...
Мне снится река Энгури, бурная, возле Рухи,
Так снится ночами калеке отрезанная нога...

Сорок строк на сорокалетие

Когда мужчине сорок лет...

Евг. Евтушенко

Когда тебе исполняется сорок,
То это — как в яму прыжок, как в морок.
И если силы тебя оставят,
Если ровесник и друг слукавят,
Возможно, что в яме ты и пребудешь
(И кто тут виною, — не счесть оговорок).
Бывает, что за ночь там гибнут люди,

Но если ты в небо влюблен серьезно
И готов к созерцанию бездны звездной,
Тогда твой путь будет дивно долог.

Когда тебе исполняется сорок,
Догадываешься, чем и кому ты дорог,
Откуда снег на твоих ресницах,
Кровоточит отчего десница,
Почему истрепались обложки книжек.
И если сон — это лучший гипнолог,
То ты и не спал в этой скорбной нише.
В этой яме... И помнить обязан,
Что к ней ты познанием глубин привязан,
Что здесь ты исполнишь главное соло.

Когда тебе исполняется сорок,
Ты словно выходишь из рамок, створок,
Истинное обретаешь лицо,
Пристальной видишь в конце концов
Свою вину и вину другого,
Со всех кумиров срываешь полог,
И остро чувствуешь фальшивое слово...
А все, что когда-то в душе зародилось,
Сбылось или... полностью провалилось...
Клубок сомнений, терзаний ворох.

Когда тебе исполняется сорок,
То глупо тратить время на ссоры.
Уж знаешь цену измене, братству,
Святому чувству и святотатству,
И этой корзине, сплетенной чадом
Твоим, и окинув печальным взором
Равнину жизни, ты мог бы адом
Ее назвать, но ведь — любишь как прежде,
И снова вверяешь себя надежде...
Ну что ж, дерзай, выдумывай порох!..

Бабушке

Круг замыкается, время казнит, а не балует,
Что-то во мне умирает, тихонько, без жалоб...
Если и тянет кому написать, то пожалуй, —
Только тебе, моя темная, сладкая бабушка!

Сесть бы вот так и поведать, — чем жил эти годы,
Чем опьянялся, безумец, а что — отрезвляло,
Как неразумное сердце меня ослепляло,
Как упивался и как... тяготился свободой.

Как изгонял из души своей духов нечистых
И — хоть на миг, — а ведь вырвал у солнца
луч настоящий...

Бабушка, где талисман, озаренье дарящий?
Может, в подоле твоём, где я плакал мальчишкой?

Николоз Бараташвили готовится к написанию „Злобного духа“

Ты завладел уже моим греховным телом,
О злобный дух, ты, как Юдифь Джорджоне,
Мне голову попрали и в злобном стоне
Ты метишь в суть копьем умелым.

Давно я занят обреченным делом
И, как Сизиф на неприступном склоне,
Спасаю честь и в ковшике ладоней
Несу, несу, несу сквозь мир заледенелый.

И странно мне, и оторопь берет,
Что день сегодняшней никак не канет в Лету,
Что в «день минувший», мыслями согретый,
Свою тоску никак не перельет,
И в сумерках все тянется полет
Не то свечи, не то каких-то веток...
О злобный дух, подобно злему ветру,
Ты с корнем вырвал все — и плоть, и плод!

Ты и меня с моей больной судьбой
Сквозь черные очки разглядываешь страстно.
Двуличен ты! Ведь с твоего согласия —
Пусть молчаливого — вершится в мире боль...
Но рано расставаться нам с тобой.
Жизнь, может, оттого еще прекрасна,
Что сто ловушек в ней расставлено всечасно...
О злобный дух, прими мой главный бой!

О, безумец, я скоро к себе самому
Приревную тебя, изведу и измучаю.
Но ответь: неужели обязан я случаю?
Если Я — твой избранник, то все ж — почему?

Ты другим бы доверилась так же, как мне?
Или все б дожидалась меня — настоящего?
Понимаешь... прости... эти мысли палящие

Так изводят порою — и днем, и во сне.

Я, к примеру, не мог и мечтать о тебе.
Ты же как-то вот так — сразу стала моею...
Понимаешь, прости... упрекать я не смею...
Я за встречу с тобой благодарен судьбе!

Но ведь ты же мечтала? Ведь втайне — ждала?
Ну, признайся, каким представляла ты милого?
Я ревную ко всем, кого ты полюбила бы,
Если б в самом начале меня не нашла!

...Стоп. Не буду об этом. Замолчу навсегда.
Время строчки сотрет, что наполнены мукою.
Но вот я — не скажу и пред вечной разлукою:
«Не тебя, так другую бы встретил тогда...»

Перевод Клавдии БИЛЫЧ

Нерифмованные строки

ОТ АВТОРА

Эти «Нерифмованные строки» создавались в течение многих лет как бы «сами собой» — в промежутках, когда не писались стихи. Сейчас мне кажется, что я писал их вместо стихов, стремясь дополнить мою поэзию новыми наблюдениями и впечатлениями.

* * *

Труд писателя — это стремление выбрать из множества слов единственное, эквивалентное тому, что ты хочешь выразить. Вся сложность в том, чтобы безошибочно угадать его среди других, бесчисленных и приблизительных, ибо приблизительное слово в рассказе или стихотворении куда неуместнее, чем фальшивая нота в музыке, неверное движение в танце или неточная краска в картине.

* * *

Последнее время я стал замечать, что все реже жалею себя и все чаще сострадаю другим. Не означает ли это, что с годами в нас постепенно отмирает человеческое, уступая место тому, что мы именуем «божественным?»...

* * *

Непроявленная фотопленка на свету мгновенно мутнеет, изображение исчезает. Так и любовь: стоит ее выставить на всеобщее обозрение и вдруг что-то непоправимо меняется.

* * *

Почему одинокие люди любят собак? Да потому, наверное, что собака принимает человека таким, каков

он есть, а окружающие люди от нас все время чего-то требуют.

И еще я заметил: одинокий человек любит смотреть телевизор — удивительное изобретение нашего века, еще одно прибежище одиноких.

* * *

Результат не может быть целью. Целью является сам процесс достижения результата.

* * *

В последнее время во мне растет отвращение к восклицательным знакам. Я бы с удовольствием отменил этот знак, только что от этого изменится?

* * *

Обобщенной правде вымысла поэт обязан противопоставить правду конкретного факта и тем самым добиться еще большего обобщения.

* * *

Поэзия ближе к живописи, чем к музыке, — ее легче воспринимать глазами. Вот почему я не люблю слушать стихи.

* * *

У человека, лишённого убеждений, нет права обнажать меч. Войну облагораживает цель, и тот, кто сражается без цели, позорит звание воина.

* * *

Народная музыка — это язык нации. Мы понимаем его или не понимаем, «хорошим» или «плохим» он быть не может.

* * *

Когда речь заходит о Боге, мне невольно вспоминаются слова Генриха Гейне: «Бог создал человека по образу и подобию своему. Человек отплатил ему тем же».

* * *

На свете много людей, которым нечего терять кроме своей жизни.

Я боюсь потерять собственное лицо, это страшнее.

* * *

Счастье — состояние души, когда теряешь ощущение Времени и Пространства. Но ведь и в несчастье происходит то же самое? Как много родственного в любом потрясении — и радостном, и горестном.

* * *

Он был романтик и любил получать... деньги! Нет, не копить их и не тратить. Ему нравился сам процесс получения, потому что в эти мгновения он мог воображать те неограниченные возможности, которые дадут ему деньги. А уж осуществит он эти возможности или нет, — не все ли равно?!

* * *

Он сидел, окруженный друзьями, понимал, что в эти минуты может быть до конца откровенен, и ему вдруг захотелось говорить о жене. Казалось, именно сейчас он может совершить скрупулезный анализ своего чувства и наконец-то разобраться, отчего так несчастлива его семейная жизнь.

И он заговорил...

Пристально следуя за течением своей мысли, он приводил убедительные примеры, выискивал точнейшие формулировки, упивался собственной объективностью, благородством, великодушием. Он и вправду был умен в суждениях, но, увы, не понимал одного: что совершает самое заурядное предательство.

* * *

Пренебрежение к людям легче всего скрыть за любовью ко всему человечеству, заботой о всеобщем благе.

* * *

Вдохновение — это мгновенное прозрение слепого. Творить значит пройти прозревшим путь, пройденный до этого вслепую.

* * *

В искусстве нет места любителям, ибо оно требует от человека не краткого флирта, а всепоглощающей любви.

* * *

Идут мимо тебя по улице женщины. Кто знает, может, среди них та, которую ты должен полюбить? Ведь это случайность, что ты не знаком с нею. И ты влюбляешься в другую, в ту, с которой столь же случайно встретился. Так случай становится судьбой.

* * *

Радость и печаль, успехи и неудачи, красота и уродство, любовь и ненависть, уверенность и сомнения — вот те противоборствующие чувства, на которых, словно на дрожжах, поднимаются стихи.

И пишутся они затем, чтобы восстановить нарушенную гармонию.

* * *

Надежда — это всегда воспоминание или ожидание.

* * *

Если вы почему-либо утратили свою веру, не отрекайтесь от веры вообще. Той, которую вы отвергли, всегда найдется замена. А может, вера всегда одна?..

* * *

Нельзя требовать от человека больше того, что он хочет отдать по доброй воле. Конечно, желаемое можно получить силой или обманом, но это не доставит радости обладания.

* * *

История — немой фильм, отснятый неведомым режиссером. Этот фильм каждое новое поколение озвучивает по-своему и каждый новый режиссер-историк заставляет героев произносить угодные ему слова. Главное, чтобы совпадала артикуляция...

* * *

Санчо-Панса—вот главный герой Сервантеса. Дон-Кихот при всем его обаянии — фанатик. Стремясь к справедливости, он сознает во имя чего претерпевает лишения и насмешки. У Санчо же нет возвышенной цели, он не понимает Дон-Кихота, он просто любит его. И в этом его величие. Он полон добра и жалости, которые отсутствуют в поступках Дон-Кихота, увлеченного абстрактной идеей всеобщего благоденствия. Если отнять у Дон-Кихота бескорыстие, — это тип одержимого человека, который мешает людям жить так, как им хочется.

* * *

Гордость — достоинство и недостаток. Она удерживает человека от падения, но если уж тот упадет, гордость мешает ему подняться.

* * *

Талант — прежде всего способность видеть свои собственные недостатки.

* * *

Научно-технический прогресс, сделав человека всемогущим, лишил его Веры — основы нравственности. Искусство в наш век заменило религию и потому теперь его задача нравственно усовершенствовать человека, сделать его достойным тех благ, что подарила ему цивилизация.

* * *

Свои мысли и чувства, свое отношение к жизни, какими бы сложными и противоречивыми они ни были, великие люди всегда выражают доступно и просто. Во всяком случае, всегда стремятся к предельной ясности выражения.

Люди же мелкие, заурядные — сознательно, а порой и бессознательно — изо всех сил стараются казаться оригинальными, чтобы «закамуфлировать» свои скудные чувства и мысли.

Может, это происходит от того, что все сложное, словно пугаясь своей исключительности, стремится к ясности, доступности; банальность же стыдится собст-

венной обыденности и пытается прикрыть ее сложной и замысловатой формой.

К числу первых относится Чехов, ко вторым — великое множество...

УДК 82.09
808.019.019.33

* * *

Подстрочник — как голый автор, которого переводчик обряжает по собственному вкусу и в меру своих возможностей.

* * *

Не правда ли, Безобразное всегда лишено национальных черт, оно интернационально. Прекрасное же носит ярко выраженный национальный характер.

* * *

Человек мирится со старостью, как с недугом или физическим недостатком, стараясь утешить себя: «Ничего, не так уж это страшно». И постепенно начинает отыскивать в старости даже кое-какие преимущества.

Короче, старикам, как больным и калекам, ничего не остается, как найти оправдание своему состоянию, а там, глядишь, и преподнести его окружающим как нечто исключительное, и уж во всяком случае — естественное.

* * *

Писателю очень важно вовремя поставить точку, чтобы дать возможность читателю домыслить недосказанное.

* * *

Читаешь итальянские новеллы эпохи Возрождения — Боккаччо, Саккетти, Гуадатти — и на душе становится легко и весело. Какая широта мысли, естественность нравов и свобода действий! Никаких догм, никакого ханжества, ничто не мешает человеку оставаться самим собой, не считаться с условным понятием «добра» и «зла»...

* * *

Никогда никого ни о чем не просите! Особенно тех, кто богаче и могущественнее вас.

* * *

Читал В. Лакшина. Замечательная мысль, не удержался и выписал ее: «Трусость и страх, при видимой родственности, совсем не одно и то же. Страх может довести человека до безумия, но не толкнет к малодушному бесчестью. Потому что трусость — это страх, помноженный на подлость, попытка сохранить покой и благополучие любой ценой, хотя бы и уступками совести».

* * *

Отечественная война обернулась для людей не только злом, но и благом. словно вспышкой магния высветила она ценности давно позабытые и, объединив людей, спасла их от самого страшного — отчуждения.

* * *

Было время и в книгах меня занимала чужая жизнь. Нынче в любой книге я читаю собственную жизнь — ничего больше!

* * *

Поэзия возникает из острого желания восстановить нарушенную гармонию или наоборот — довести до предела едва наметившийся разлад между Мечтой и Действительностью.

Завоеванная победа, утоленная страсть, исполненное желание, все это погубленные в зародыше замыслы художника, то есть ненаписанные стихи и рассказы. Художественное произведение рождается только в столкновении противоречий, в ситуациях остроконфликтных. Возросшее на иной почве — ложь, фикция, рифмоплетство.

* * *

Спешите высказать вашу мысль, иначе ее выскажут другие!

* * *

Порой мне кажется, что я знаю нечто, неизвестное другим. Но что именно — я не знаю!

* * *

«Жестокый, как зверь!» — говорят о человеке. Это несправедливо по отношению к животным. Разве может быть зверь так изощренно, так «артистически» жесток, как человек?

* * *

Осмысленное чувство и прочувствованная мысль — вот слагаемые поэзии. Не может ли это что-нибудь объяснить, если Поэзия вся — «езда в неизвестное»?..

* * *

Увы, как сократился радиус наших стремлений! Нас волнует лишь ближайшая цель, мгновенность ее достижения. «После нас — хоть потоп!» — говорят люди, и это стало знаменем времени.

* * *

Много на свете преступников, не совершавших преступлений, но едва ли не больше преступлений, совершенных порядочными людьми!

* * *

— Мамочка, ой, как это красиво. Я сейчас засну! — воскликнула одна шестилетняя девочка.

* * *

Если меня спросят, что я больше всего ценю в людях, я отвечу: великодушие. Это старомодное слово. Его сейчас почти никто не употребляет. А может, оно потому стало старомодным, что перевелись великодушные люди? Или люди утратили способность быть великодушными? Великодушие — это прежде всего умение прощать, а человек нынче злопамятен. Упаси вас Бог ошибиться, поскользнуться, — затопчат, сотрут в порошок да еще не почтут за стыд насладиться вашим унижением. Почему? Да потому, что в угаре мщения можно хоть на миг позабыть о собственной неполноценности; а отсутствие великодушия и есть наипервейший признак человеческой неполноценности...

* * *

Когда вершится Суд Истории — поэт всегда свидетель обвинения и никогда — защиты!

* * *

Милые читатели! Если я начну рассказывать то, что всем хорошо известно, вам станет скучно. Если же я расскажу то, что знаю только я, скучно будем мне. Вот потому я и рассказываю о том, чего не знает никто — ни вы, ни я!

* * *

Смерть всегда неожиданна. Человеческий разум в любых обстоятельствах не в состоянии полностью осознать возможность нашего исчезновения.

* * *

Поэзия — глубинная разработка пластов человеческой души. Поэт одновременно и золотоносная жила и старатель. Горе, если скудеет жила, а силы старателя не слабеют; но разве не столь же горько, когда жила богата, а силы старателя угасли?

* * *

Есть люди, которые могут слушать только самих себя, даже когда они беседуют с другими.

* * *

Как бы ни идеализировали женщину, она при всех обстоятельствах остается существом сугубо **практическим**. Будучи даже страстно влюбленной, женщина может в одно мгновение возненавидеть мужчину, если по его вине окажется замарана новая юбка, нарушена модная прическа или спущена петля на чулке. И что ей до того, что «катастрофа» произойдет в минуту наивысшей близости — духовной или физической. Такого женщина не простит никогда!

* * *

Не видеть жизнь такой, какова она есть — донкихотство. Но трижды безумен тот, кто не видит жизнь такой, какой она могла бы быть!

* * *

В том-то и дело, что на Родину нельзя взглянуть «со стороны»! Тогда это уже не родина, а нечто другое. Понятие «родина» нельзя абстрагировать — она душевное состояние человека.

• • •

Общезвестная формула «Цель оправдывает средства» не только безнравственна, но и неверна.

Какую бы высокую цель ни ставил перед собой человек, если средства для ее достижения негодны, ничего путного из этого не выйдет...

В этом смысле очень поучительна жизнь бальзаковского Гобсека. Она — как бы модель драматической судьбы не только отдельно взятой личности, но и целого сообщества людей, объединенных стремлением к высокой, благородной цели.

Гобсек поставил перед собой цель: накопить богатство, стать состоятельным человеком и жить припеваючи, как ему заблагорассудится. Для достижения этой цели он ограничил свои потребности, жил впроголодь, как нищий, пресмыкался, унижался, терпел грубость и унижение... одним словом, не останавливался ни перед чем, надеясь на то, что когда-нибудь все это кончится, он станет богатым, независимым и проживет счастливо. Но время шло, и в повседневных заботах и хлопотах Гобсек настолько свыкся со своим состоянием, так вжился в свою роль, что напрочь забыл о конечной своей цели. Он уже и не годился для такой райской жизни, к которой готовился, и теперь мог существовать только в условиях ограничений — постоянной нужды, унижения и бесправия...

Так хочется иногда крикнуть на весь мир: — Люди! Выбирайте средства для достижения ваших целей!

* * *

Каждая истина, не добытая собственным опытом — действительным или воображаемым, — оказывается ложью.

* * *

Стоит провозгласить умную мысль, как всегда найдется один дурак, который планомерно доведет ее до абсурда.

* * *

Истинное произведение рождается в драматическом процессе слияния художника с эпохой или в его противоборстве с ней.

* * *

С годами забывается многое, чему учили нас школьные учителя. Но один какой-нибудь нравственный урок почему-то навсегда остается в памяти.

* * *

Приехав впервые в незнакомый город или страну, человек словно бы заново переживает детство. Я говорю о свежести восприятия. Нас не покидает ощущение праздника от всего увиденного и услышанного. Но едва мы немного обживаемся, чувство новизны исчезает, наступают будни, и мы снова становимся взрослыми.

Пушкинская «охота к перемене мест» — ни что иное, как тоска по детству...

* * *

У каждого человека есть свой предел знаний, достаточный для его счастья. Не стремитесь превышать его.

* * *

Учитель не тот, кто учит, а тот, у кого учатся.

* * *

Меня вечно мучает сознание понапрасну растрченного времени. Кажется, что я ничего не сделал, и гнетет страх, что так ничего и не сделаю. Ощущение таланта — это ощущение вины.

* * *

Художник, который рвется властвовать, куда опаснее властителя, стремящегося творить.

* * *

Как это ни парадоксально, но именно знание истины заставляет людей лгать.

* * *

Человек легко привыкает к сюрпризам научно-технического прогресса — самолетам, метро, телевидению, небоскреbam и даже к... полетам на Луну. Но как консервативна человеческая натура в области прогресса нравственного: для утверждения новой морали порой не хватает столетья!

* * *

Ничто не возникает на пустом месте. Каждое «новое» есть продолжение чего-то «старого». Когда это поймешь, легче становится жить.

* * *

Барьер биологической несовместимости, который не может преодолеть медицина, существует и в отношениях мужчины и женщины. Любовь, если убрать романтические покровы, есть преодоление неприязни и недоверия, когда чужая плоть не вызывает в нас естественного отталкивания, а чужой душе мы начинаем доверять, как своей собственной.

* * *

Увы, старость — единственный способ продления жизни.

* * *

Я заметил, что невольное, совершенное обыкновенным человеком преступление бывает гораздо более изощренным и жестоким, чем злодеяние, совершенное закоренелым преступником.

* * *

Для достижения цели пригодны только те средства, которые не лишают цель первоначальной чистоты и значения.

* * *

История — спектакль, сыгранный в прошлом нашими современниками.

* * *

Почему первое впечатление о людях так безошибочно? Да потому, что впервые взглянув на человека, мы словно бы застаем его врасплох, и он предстает перед нами таким, каков он есть, а не таким, каким ему хочется выглядеть в наших глазах.

* * *

Человек, не ощущающий себя частью всего сущего, не может быть счастливым.

* * *

Душевный покой можно обрести только уверовав в то, что все на свете переменчиво и преходяще.

* * *

Отчего человеку всегда все хочется знать? Даже в тех случаях, когда для него было бы гораздо удобнее закрыть глаза, заткнуть уши и прикинуться ничего не ведающим.

* * *

Вино противопоказано людям, живущим в атмосфере общественного и семейного рабства, когда все вокруг мешает свободному исполнению их желаний. В состоянии опьянения они могут натворить много глупостей.

* * *

Если вы пишете правду и к тому же хорошо знаете то, о чем пишете, можете о многом умолчать — читатель сам догадается.

* * *

Обжорство и тучность, если это не болезнь, — как правило, признак эмоционального голода, неутоленной потребности в любви и ласке.

* * *

Старость — это затянувшееся прощание с жизнью.

* * *

Время — иллюзия, порожденная движением тела в пространстве.

* * *

Люди — транзитные пассажиры: прибывают из Будущего и, едва успев «закомпостировать» билет, отправляются в Прошлое. Краткая пауза, необходимая для «компостирования» билета, именуется ЖИЗНЬЮ.

* * *

Наши симпатии к женщине обратно пропорциональны усилиям, которые мы тратим на то, чтобы добиться ее взаимности.

* * *

В искусстве не бывает мелочей. Точка, еле заметный штрих могут разом все изменить в рисунке. Так, крошечная родинка меняет облик человеческого лица.

* * *

Нет ничего глупее, как, обнимая любимую женщину, читать стихи, ей посвященные. Непременно кто-то окажется лишним — стихи или женщина!

* * *

Самое главное в нашем ремесле: не пойти на поводу у слова, не дать форме загасить огонь воображения, все время поддерживать в себе этот жар ясным и точным «зрительным» представлением события, о котором вы пишете.

* * *

Не сочтите за парадокс, но рождение стихотворения не связано со словом, с национальным языком. В зачаточном состоянии у стихотворения нет словесной формы, оно, если можно так сказать, — универсально, как нотные знаки или кривая кардиограммы. Это — пульсация, биение, ритмический гул, наполненный таинственным смыслом и чувством. Слова приходят потом, когда стихотворение начинает «перетекать» из области подсознания в сознание и постепенно обретает форму. Вот тут-то срабатывает национальный момент и вступает в действие «строительный материал» родного языка. А пока стихи бессловесны, все поэты — будь то Бараташвили, Лорка или Мицкевич — едины. И потому, наверное, поэты разных стран и народов лучше понимают друг друга, чем люди одной национальности.

* * *

Чтобы перевести стихотворение на другой язык, нужно переводить не слова, из которых состоит оно. Нужно суметь пробиться сквозь слова к тому «зародышевому состоянию», из которого возникло стихотворение, понять и прочувствовать ту «нотную запись», тот «ритмический гул» и, оттолкнувшись от них, пройти от начала до конца тот же путь, который прошел сам автор стихотворения, но уже используя другой «строи-

тельный материал», другой язык, у которого, естественно, есть свои особенности, свои правила. Одним словом, перевод — это сотворчество: воссоздание иноязычного произведения в новом «материале», а не механическое копирование его, чем, к сожалению, занимаются многие ремесленники.

* * *

Не считите за странность, но я уверен, стихотворение до его написания уже «существует» где-то, в законченном виде. Я не знаю, где оно, но оно есть! Задача поэта — «увидеть» стихотворение, разгадать каждое слово, каждую запятую и безошибочно перенести все это на бумагу! Пока поэт с этим делом не справится, нет ему покоя! ...К сожалению, нам часто не удастся «вычитать» тот идеальный образец стиха, и мы удовлетворяемся приблизительным вариантом, чем обманываем себя и других!

* * *

Один молодой писатель спросил мудреца: «Кроме своего родного, я владею иностранным языком, на каком языке мне писать?» Мудрец ответил: «Пишите на том языке, на каком вы молитесь»... Мне кажется, человек, задавший такой вопрос, вообще не должен писать, настоящему писателю никогда не придет в голову такая мысль. Но уж если возник вопрос, я бы ответил так: «Человек должен писать на том языке, на каком он крикнет «Мама!», когда ему станет больно».

* * *

Художнику важно определить предел собственных возможностей. Я всегда остро ощущал недостаток времени, отпущенного мне жизнью, и сокрушался об этом. Потому неизбежному геморрою, что зарабатывается долгими часами, проведенными за письменным столом, предпочел живую беспокойную жизнь.

Поступок мне дороже всяких слов, интересный разговор услаждает слух куда больше, чем скрип пера, встреча с женщиной доставляет больше радости, чем посвященное ей стихотворение, и, конечно, бродить по лесам и лугам слаще, чем воспевать красоты природы, а оказываться в самых невероятных переделках гораз-

до увлекательнее, чем выдумывать авантюрные сюжеты. Вот и получилось, что моим главным произведением стала собственная жизнь, спектакль, поставленный по пьесе, где и автор, и режиссер и главное действующее лицо — я сам...

Нет, я не жалею, что написал мало, зато я жил как поэт! Каждый мой шаг был продиктован вдохновением, ненаписанные стихи воплотились в дела и поступки, стали моей жизнью, и, право же, я счастливее моих коллег — авторов многотомных сочинений!

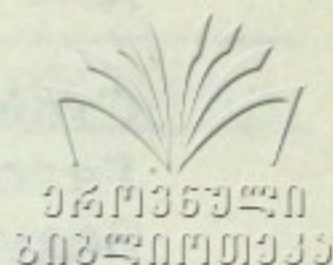
◆

Габриэль АРЕСТИ

Дом моего отца

Дом моего отца
у самой лесов границы
я защищу от волков-волхвов,
землетрясений, ростовщиков,
мафии и
юстиции.
От всего защищу,
как ни тих и щупл.
Всю защиту ему обеспечу.
Обесконечу.
Как задаток приму синяки.
Потеряю скот,
поля,
сосняки.
Дивиденды,
доходы,
проценты,
последние центы.
Все, исключая ключи от рая, —
все потеряю.
Но дом отца?..
У самого краха края
род жены решит — дня ясней,
что, мол, муж-то мул,
и уж муж ли, эй,
и уж нужен ли ей?
Отберут у меня и оружие.
Что ж, и тут я не запищу:

просто пальцами защищу.
Срежут пальцы с рук,
руки срубят
уже беспалые...

Не плачь ты о бедном малом.
Плачь ты лучше о небывалом.
Удалом, пусть и неудалом...
Друг!

Я зубами заскрежещу,
рук
об-
руб-
ками
не пущу.
Пусть и мул, просто му, старый пенъ в дыму,
даже думать о доме не дам — сомну.
Но тогда уж,
дойдя до плеч,
подберутся к душе
в груди.
Что же — лечь?
Не-ет, минуточку подожди.
В самый плача миг
на палачий мир
я душой замахнусь:

Из глубокой древности пришла к нам гипотеза изначального родства двух Иберий — Кавказской и Пиренейской. Многие европейские ученые, начиная со Страбона, высказывали соображения в пользу этой гипотезы. Грузинский церковный деятель XI в. Георгий Мтацминдэли настолько был увлечен ею, что решил посетить Испанию, где, как он знал, обитает народ, родственник грузинам. Поистине, есть нечто таинственное в том, что Европу с запада и с востока как бы замыкают две Иберии. Многие отмечают также сходство крестьянского быта испанских басков и грузин, фонетические соответствия лексических единиц в обоих языках и т. д. Все это не прошло незамеченным для современных грузинских ученых: в Тбилисском государственном университете давно уже существует секция баскологов. Соответственно и в Испании, в стране басков, работают картвелологи, интересующиеся историческими корнями басков и грузин.

дом отца —

рушить?..

Стой! Куда ж ты бежишь-то,

Гнусь?

Задушú

за дúшу.

Но допустим:

когда-нибудь пусть

где-то в тóлще лет — голубой чащé,

да не будет ей путь пуст,

срок придет и моей

душе.

А за ней и потомкам —

моим котенкам.

А дом отца?..

А вот он-то,

как солдат после фронта,

лишь смеясь над векáми

и лишь вéками щурясь вслед,

ни один не обронит камень.

Вот

свят

Свет.

Перевод с баскского Юрия ЗЫЦАРЯ

Сегодня, когда столь определенно выражена тенденция развития международных контактов, когда стало возможным вести речь о создании общеевропейского дома, проблема эта обретает особое значение.

Представляем стихотворение одного из видных баскских поэтов, ныне покойного Габриэля Арести. Перевод его, осуществленный грузинским баскологом Ю. В. Зыцарем, был восторженно встречен другом Г. Арести академиком П. де Ирисаром. На родине поэта стихотворение пользуется большой популярностью. По инициативе и под редакцией профессора Франсиско Ороса Арикурена была издана им самим же составленная книжка переводов этого стихотворения на 17 языков мира. Ныне Ф. Орос заканчивает подготовку второго издания переводов уже на 500 языков, куда входит и перевод на грузинский язык, выполненный Т. Махароблидзе.

Камилла КОРИНТЭЛИ.

Коба ИМЕДАШВИЛИ

„Мартовский петух“ Отара Чиладзе

Новый роман Отара Чиладзе — «Мартовский петух» — рассказывает о духовном становлении пятнадцатилетнего подростка, детство которого пришлось на годы войны и тяжелой послевоенной поры, что обусловило ранее его возмужание. Отсюда и название романа.

В грузинской прозе найдется немало произведений о преждевременно возмужавших подростках. Вспомним хотя бы роман Нодара Думбадзе «Я вижу солнце» (в нем особенно четко проявилась и тенденция бескомпромиссной оценки прошлого, в частности тридцать седьмого года), повести Арчила Сулакаури, «Звездопад» Отии Иоселиани и др. Но в отличие от остальных авторов Отар Чиладзе строит свой роман таким образом, что внимание читателя переносится в иную плоскость, а именно на конфликт личности с собственным «я». Главное здесь бескомпромиссная борьба личности со всем отрицательным, что есть в ней, формирование в себе человека, как бы второе рождение человека. На нелегком пути поисков и борьбы писатель ставит перед героем множество сложных, общечеловеческих проблем: проблемы жизни и смерти, страха и его преодоления, отчуждения, свободы, одиночества, национальной памяти, выбора, отцов и детей, любви и ненависти, преступления и наказания... Любой значительный факт действительности становится поводом для медитации; каждое событие, свершившееся или назревающее, находит

своеобразное отражение в сознании героя, бескомпромиссно оценивается и анализируется им. Все это создает поэтику романа, проявляющуюся в потоке сознания со всеми сопутствующими сложностями и особенностями.

Что же происходит в романе?

На этот вопрос можно ответить двояко: то, что происходит в реальном времени (которое конечно), и то, что происходит в воображаемом времени (которое бесконечно).

В реальном времени пятнадцатилетний подросток Нико становится свидетелем того, как во время милицейского рейда паренек чуть старше него, Гогня, несмотря на предупреждение не стрелять, убивает некоего «неизвестного», который возможно был вовсе и не разбойником, как говорилось в доносе, а обыкновенным путником, простым человеком, или же напротив, избранной личностью, как полагал сам Нико.

Убийство это абсурдно, и его абсурдность и бесчеловечность Нико ощущает острее всех, так что даже заболевает и в течение целого месяца борется со сновидениями и видениями, «переваривает» их, заново «рождается».

А это уже второе время, безграничное, в котором Нико становится свидетелем убийства отца нации Ильи Чавчавадзе и делает нас свидетелями того, как влачит свое существование его убийца, всю оставшуюся жизнь ожидавший награды за содеянное. Его черная кровь живет в жилах его племянника Гогни, его судьба человекоубийцы находит продолжение в судьбе Гогни, столь же нетерпеливо, верно, ожидающего вознаграждения за преступление... Но времена меняются, и все мельчает: убийца Ильи был убийцей «Бога», а его племянник — убийцей «какого-то незнакомца», но оба убийства свидетельствуют о порочности конкретного времени, порочности конкретного общества, а не только одной определенной личности. И тут важно подчеркнуть, что становление личности Нико, нравственные критерии, которые он себе определяет, говорят о тенденции становления и очищения того самого общества, в котором Нико живет.

Автор анализирует, переоценивает множество неизвестных сторон нашего ближайшего прошлого. В трех предыдущих своих романах он изучил три значительных периода грузинской действительности. Первый — ставшее уже мифом прошлое народа («Шел по дороге человек»), второй — эпоха, последовавшая после потери Грузией независимости («И всякий, кто встретится со мной»); третий — жизнь Грузии со второй половины XIX века вплоть до революции семнадцатого

года («Железный театр»). В четвертом, последнем, романе («Мартовский петух») дается фрагментарная картина грузинской жизни после аннексии демократической республики. Функция описываемых явлений следующая: на основе чужих рассказов подросток должен установить в своем воображении связь с прошлым, и не только с людьми и событиями прошлого, но и его нравственными критериями. Это фактически модель отношения нашего молодого поколения к поколению 50—60-х годов, чье детство прошло в очередях за керосином и хлебом. Оно узнало много лишений и возмужало раньше времени.

В отличие от остальных романов Отара Чиладзе «Мартовский петух» — не историческое произведение. Впрочем новая, в духе сегодняшнего времени оценка истории здесь безусловно присутствует. Главное в этом романе нравственная чистота личности и общества: любовь, доброта, благородство, личностное достоинство, сочувствие, благодарность, честность, вера — вот обязательные для этой чистоты компоненты и еще духовная твердость, позволяющая хранить эту чистоту незапятнанной.

Роман писался довольно долго, до обнаружения новых принципов жизни и устройства общества, требования нравственного обновления, вставшие в последние годы перед личностью и обществом в целом, в нем безусловно прозорливо угаданы.

Главный герой романа имеет немало общего не только со «свободолюбивыми юношами» чиладзевской прозы, но и с теми героями грузинской литературы 60—70-х годов, которые стоят на пороге жизни, и то, как они пройдут по ней, нам уже хорошо известно. Сегодня, когда молодежи предстоит решать столько наблевших проблем, такие герои (хотя бы и вызванные из прошлого) просто необходимы.

«Он же только готовится к жизни, спасшийся от потопа, дважды рожденный, в смятении и растерянности, нет, не от неведения или послеболезненной слабости, а от обретенной мудрости и упорства... Так легко он уже не поддается никому и ничему, поскольку знает, одиночество это не сиротство, а отступничество, и оно не имеет ничего общего с независимостью, тем более свободой, ибо независимость и свобода в том, чтобы идти в ногу именно с жизнью, природой, смотреть опасности прямо в лицо и не горем, а делом подтверждать, что не напрасно твои близкие приносили ради тебя жертвы, что ты был достоин не только рождения, но и спасения. А для это-

го прежде всего необходимо, чтобы и ты поставил себе целью спасти что-нибудь, хотя бы эти пережившие зиму деревья, чью-нибудь могилу, выцветшую картину, треснувшую чашку — все равно что, лишь бы это было по-настоящему до боли, до крайности его, от чего ему горько или сладко...»*.

Достоинство романа и его главного героя еще и в том, что она пробуждают в читателе чувство ответственности за все, что происходит вокруг него, чувство хозяина жизни, без которого мысли о будущем действительно зряшны.

Впечатлительный мальчик, сопереживая чужим рассказам, как бы становится свидетелем убийства Ильи Чавчавадзе, битвы у Коджори в 1921 году, когда Грузия защищала свою независимость, событий тридцать седьмого года, Отечественной войны.

А ведь фабула романа, казалось бы, в высшей степени банальна, — увидев, как ни за что убили человека, мальчик после нервного потрясения заболевает. Кризис длился месяц, в течение которого он оказывается в мире снов и призрачных видений. По истечении этого срока он проснулся взрослым человеком.

Пересказывать содержание любого произведения — дело неблагодарное. Рискуешь упустить главное — художественную его суть. Однако, несмотря на это, я все же попытаюсь передать фабулу романа, чтобы помочь читателю разобраться, что есть видение мальчика, что — плод его фантазии, а что — реальность. так как именно взаимосоответствие их создает особенности романа, определяет характер героя и сущность самого художественного текста.

Пятнадцатилетний Нико воспитывается у деда в древнем грузинском городе Сигнахи. Его мать неотступно находится у постели больного мужа в Батуми. Нико — удивительно тонкий, истосковавшийся по родительской ласке мечтатель, он воспитан на художественной литературе, легко раним, склонен к фантазированию и обобщенному суждению, часто мыслит, подчиняясь книжной логике, использует в речи известные литературные фразы. Недаром мать Нико роняет о сыне: «Возможно, многое, что он говорит, взято из книг».

И вот эта беззащитная душа случайно становится свидетелем убийства незнакомца, укрывшегося в разрушенной церкви. Убитый для Нико «как будто в самом деле явился из

* Перевод здесь и далее подстрочный.

сказки, в самом деле был сказочным принцем, может быть, даже сыном Амирани (сравните там же: «Учитель Ваню говорит, что все мы — дети Амирани». — К. И.), ожившим в его воображении, и потому для других не существующим, во всяком случае не видимым для других, трудно представимым».

Убийство наследника Амирани, грузинского мифологического героя, равного Прометею, дерзнувшему бросить вызов Богу, содрогнуло юную душу; по словам автора «если бы не сегодняшней или завтрашний день, жизнь Нико, вероятно, сложилась бы совершенно иначе (вероятно, лучше) и Нико стал бы совершенно иным человеком (вероятно, лучшим)».

А убийца — Гогия — был почти его ровесником, сыном безобидного милиционера Георгия. Только он один из того небольшого отряда, что должен арестовать незнакомца, «не милиционер, но ему, наверное, больше всех в этом небольшом отряде нравится быть милиционером, может быть и потому, что человек, которого он боялся более всего и которому подражал, его родной дядя, брат матери, всю свою жизнь скрывался от милиции». Дядя Гогии — убийца Ильи (вспомним убийство Ильи Чавчавадзе в «Железном театре», убийство, которое выходит за рамки трагической судьбы отдельной личности, народ воспринимает эту акцию как «убийство бога» — К. И.). В «Мартовском петухе» Отар Чиладзе вновь возвращается к теме «убитого бога» и его убийцы. Убийца Ильи Чавчавадзе для Гогии — особенный человек. Он, Гогия, тут же забыл о своем пристрастии к милиции, он представил себя одним из соумышленников своего дяди — будто стоял он не здесь, у разрушенной церкви, чтобы поймать какого-то рыночного вора или одичалого дезертира, а в Цицамурской роше в ожидании появления экипажа Ильи, «напрягшись», «затаив дыхание» — как рассказывал ему в детстве дядя. «Мы уже потеряли надежду, когда, наконец, услышали звон колокольчиков». И до Гогии как будто донесся звон тех колокольчиков.

Гогия, восхищенно внимавший рассказам своего дяди, потенциальный убийца, и при первой же возможности подтверждает это, убивает, несмотря на запрет лейтенанта («Не стрелять! Не стрелять!»), незнакомца, сам не ведая зачем.

Случайный свидетель убийства Нико немеет от страха, но когда Гогия пытается снять с пальца убитого кольцо, он не выдерживает — «укрывшийся в кустарнике, исцарапанный и ободранный, он вдруг вскочил на ноги и закричал: Гогия — убийца, Гогия — убийца!»

Как ужаленный Гогия повернулся на крик, его испуган-

ные, безумные глаза готовы были выскочить из орбит. Нико, правда, долго трясся от страха в зарослях — как если бы держал в руке оголенный провод, но пока он не увидел этих глаз, он, оказывается, понятия не имел, что такое страх; что было потом, он не помнит, помнит только, как ждал ружейного выстрела. Он бежал и всем телом чувствовал, как Гогия целится в него, бежал и удивлялся, почему тот не стреляет. Он не сомневался в том, что Гогия убьет его, да, он заслуживал смерти от его руки, поскольку ему одному было известно то, что нагляднее, чем свершенное на его глазах убийство, свидетельствовало, что Гогия по сути своей убийца. «Нико был единственным, кто проник в самую большую тайну Гогии», и по его убеждению, именно за это тот должен был убить его, «должен был преследовать его, а сам он — все время прятаться, бежать от Гогии. И он бежал от него. Бежал не оглядываясь, стремглав, как дед». Запомните это последнее: как дед. И дед его в свое время оказался трусливым свидетелем, бежавшим, укрывшимся в сновидениях. Он ведь бежал с поля боя. «Враг в него не стрелял, лошадьми не топтал — какой вред ты нам причинишь, какого не причинил себе». Этот страх будет преследовать деда Нико всю жизнь. Вечный страх — трагическая участь его и всего его поколения.

Подавление страхом личности, общества — один из главных мотивов романа. И Нико, подобно деду, одержимый страхом, бежит от действительности в мир видений и снов, подобно деду «закрывает глаза», притворяясь спящим, когда слышит страшные для себя слова... Но вся болезнь Нико — удачная попытка преодолеть этот свой страх (которая, впрочем, имеет глобальный характер, ибо Нико — олицетворение целого поколения). И если дед Нико — немой свидетель всего, что было, если он прожил свою жизнь в страхе и подсознательном ожидании какого-то несчастья, Чико никогда не будет немым свидетелем, он преодолел страх, он — личность, исполненная пафоса активного действия, точно знающая всему цену.

Болезнь или смерть Нико, длившаяся месяц, на многое открыла ему глаза. Главное, что он убедился: жизнь так же трудна, как и смерть; одна требует от нас решения, вторая — преодоления. Я не буду перечислять здесь все открытия, которые сделал для себя Нико, главное, «он только готовится к жизни; спасшийся от потопа, дважды рожденный, в смятении

и растерянности, нет, не от неведения или после болезненной слабости, а от обретенной мудрости и упрямства...».

Роман заканчивается рождением личности, устремленной к жизни, готовой к действию, борьбе. Нико наверняка ждет трудная и насыщенная событиями жизнь, но это уже в нашем воображении, а не в реальности текста. Одно только, финал нового романа напоминает финалы трех остальных романов Отара Чиладзе. Сравним их.

В первом романе распятому на кресте Парнаозу перед смертью чудится сказочный сад Дариачанги и возвращение убежавшего моря. Он чувствует, как повизгивает у него в руках одержимый жаждой полета безногий Икар.

«— Вот таким будет мир, — шепчет Парнаоз ребенку. — Но ведь он уже такой?! — удивился Икар.

— Да, такой, и будет таким, — ответил Парнаоз».

Это — распятие Парнаоза на кресте, но и спасение его души.

Так заканчивается роман «Шел по дороге человек».

Во втором романе спасение Александра Макабели, однорукого бунтаря, — в сыне его брата Нико, «его крови и плоти — оправдании и утверждении его существования, пусть еще слабой, еще маленькой жизни, но все же жизни, упрямой, растущей, смелой, живой... Навсегда спасенной благодаря стараниям дяди, однорукого великана...». Это — финал романа «Каждый, кто встретится со мной».

И в третьем романе еще молодой, но уже много переживший и познавший чувство утраты Гела также стоит на пути возвращения домой. Он уже знает, что «уничтожить душу гораздо труднее, чем плоть». Он знает, что оплакивает, знает, как богат тот, кто много потерял, и какой тяжкий, но почетный груз лежит на его еще не окрепших плечах. «Он был не только чьим-то сыном, но и чьим-то отцом. Сын прошлого и отец грядущего».

Так заканчивается «Железный театр». Основная проблема во всех трех романах — свобода личности и свобода народа. И ее должны разрешить молодые, нравственно чистые люди.

Мужание Нико происходит в результате неоднократного переосмысления и переоценки прошлого, и процесс, происходящий в его душе, имеет очень много общего с переменами, происходящими в самом обществе, с переоценкой, с новым взглядом на многое, с самоочищением.

Нико пережил все страхи, когда-либо выпавшие на долю его близких, «при этом не однажды и не случайно, как его близкие, а преднамеренно, сознательно и столько раз, сколько хотел, сколько по настроению представлял себе их, приукрашивая, прибавляя и, конечно же, «поэтизируя» эти истории, опасности, случаи, пережитые другими, в основном услышанные от близких, может быть, и вовсе случившиеся до его появления на свет, но воскрешенные им, заново возрожденные, в результате чего они часто отличались от подлинных большей остротой и жестокостью, и дольше, чем подлинные, сохраняли силу воздействия... Благодаря таланту выдумщика и весьма чувствительной натуре того же Нико, они намного превосходили действительность».

Все вокруг Нико фактически существуют в двух плоскостях и двух временных измерениях; одно — реальное пространство, обусловленное календарным временем, и второе — существующие в воображении Нико вечно повторяющееся время и бесконечное пространство. Именно поэтому любой герой в представлении Нико раскрывается наиболее полно и свободно. А это, в свою очередь, должным образом характеризует самого Нико и зачастую проливает свет на характер, мысли, мечты, сомнения и надежды всего его поколения (так рано возмужавшего). Пример: дед Нико, струсив, в 1921 году сбежал с поля боя домой. Об этом бегстве нам почти ничего не известно. Очень мало что известно на этот счет и Нико, но, «благодаря таланту выдумщика и весьма чувствительной натуре», он создает вторую, не менее реальную действительность, в которой все роли исполняет он сам — от генерала до своего струсившего деда. В этой выдуманной Нико действительности дед не только напуганный, но и в какой-то степени проникнутый надеждой человек, которого одолевают противоречивые мысли и чувства: «Кто знает, — бежал он и думал, — может придет час спасения, может в один прекрасный день вновь заявит о себе затурканный — без героев — народ, — думал он, возбужденный от страха и неожиданно нахлынувшей на него надеждой, взбудораженный, ощутивший силу от сознания собственного конца и хотя бы только поэтому способный преодолеть любое пространство, любую пустоту. Может, и нам удастся избавиться от плохого и сохранить хорошее... Может быть, и мы дадим повод сказать о нас: вот ведь были достойны жизни, вот ведь можно было распустить их».

Рассуждения мальчика, примеряющего на себя чужую маску, зачастую наивны, а зачастую так мудры, что трудно

поверить, что текст этой роли принадлежит пятнадцатилетнему подростку. В этом тексте — мудрость сформировавшегося, прошедшего школу жизни поколения и большая надежда, которая должна осуществиться.

В воображении Нико соединились и разъединились две Грузии — Грузия деда и Грузия Нико. И там, на стыке или разъединении двух миров, неожиданный крик петуха нарушает тишину этого воображаемого мироздания, в котором передовой отряд, вестник конца дедовской Грузии, в полном молчании переходит через мост... Все происходит в воображении Нико и в его власти вернуть передовой отряд на ту сторону моста, но «если он поступит таким образом, он, прежде всего, обесценит собственное представление, которое именно тем и привлекательно и дорого, что в основе его лежит действительность, реально свершившийся факт, который, даже будучи «приукрашен», «опоэтизирован» им, всегда сохраняет силу и неоспоримость документа, хочет или не хочет, нравится или не нравится это тому, кто представляет».

Подобное преломление действительности в воображении героя и отображение ее посредством него есть тот внутренний закон «Мартовского петуха», без учета которого нельзя до конца понять роман.

Читатель, конечно, же, заметил, что традиционный для чиладзевской прозы образ — петух, провозвестник новой действительности, символ нового, постоянный спутник начала, присутствует в новом романе в той же функции. Символично в какой-то степени и название романа — под мартовским петухом подразумевается Нико, а также то рано возмужавшее поколение, бесспорно претендовавшее на качественное изменение нашей жизни.

Через весь роман эмоциональным лейтмотивом проходит традиционный для чиладзевской романистики мотив — мотив отношений между сыном и отцом, мотив их вечного стремления друг к другу и вечного трагического их расставания; отец — как объект постоянных мечтаний сына и сын — как воплощение отцовских устремлений. Мучительно раскрытие этих вечно ищущих друг друга душ. За внешним антагонизмом здесь скрывается большая любовь — родительская и сыновья. Эта линия романа и вообще этот мотив чиладзевской романистики, по-видимому, должен стать предметом отдельного и серьезного исследования. Тем более, что он весьма традиционен как для мировой, так и для грузинской литературы (вспомним хотя бы произведения грузинских писате-

лей 20—30-х годов). В различной интерпретации этого мотива выявляются различные характеры соответствующих эпох.

Здесь же и мать Нико, нежное создание, преданная супруга и мать, по которой постоянно тоскует сын, поскольку она живет в другом городе, находясь неотлучно при больном муже. Это является причиной не только постоянной печали Нико, но и неосознанной его ревности к отцу. Нико переживает то, что переживают все дети, оторванные от родителей и тоскующие по ним, и если в отношениях этих трех героев кому-то почудится отражение эдипова комплекса, надо винить в этом не литературу, а реальную действительность.

Весьма значительной проблемой представляется мне и одна из основных линий романа — отношение к прошлому, которое проявляется в интерпретации убийства Ильи Чавчавадзе и связанных с ним реалий, мотива жертвы и палача.

И в том, что наше отношение к Илье Чавчавадзе не было однозначным, что какое-то время он фактически был запрещен (вспомните аналогичное отношение рапповцев к наследию Пушкина, М. Горького), сказался характер эпохи, парадокс времени. В 1931 году Константино Гамсахурдия, Павле Ингорюквва, Иосиф Имедашвили были исключены из Союза писателей Грузии (с клеймом националистов) за то, что подняли голос в защиту Ильи Чавчавадзе. А непосредственный его убийца Бербичашвили долгое время занимал ответственный пост, и несмотря на то, что не только не скрывал, но и хвастал тем, что убил Илью, и даже требовал за это прибавки к пенсии, его судили только в 1942 году, приговорив к смертной казни. Все это было, и никуда от этого не денешься. Было и то, что к 9-му тому сочинений И. Чавчавадзе, увидевшему свет в 1928 году, прилагается статья Филипе Махарадзе «Оправдываться надо так» (ответ к-ю Илье Чавчавадзе), являющаяся весьма красноречивой с позиций сегодняшнего дня попыткой компрометации статьи Ильи Чавчавадзе «Неужели?», опубликованной в 1905 году.

Обратите внимание, и статья Ильи, и отклик на нее Махарадзе печатаются за два года до убийства. В 1907 году Ильи Чавчавадзе не станет. В обеих статьях просматриваются контуры грядущей трагедии. По мысли Махарадзе, Илья Чавчавадзе в своей статье «Неужели?» «сам себе роет могилу», эта статья «жесточайший обвинительный акт, составленный и подписанный самому себе. Это убийство самого себя своею собственной рукой. В статье к-я И. Чавчавадзе нет ни одного предложения, ни одного слова, которое не только не освобож-

дало бы его от обвинения, но в какой-то мере хотя бы облегчало его... Про таких вот говорят: «Курица ковыряла в земле, ковыряла и выковыряла нож, которым ее и прирезали». Тайный приговор, два года спустя приведенный в исполнение, объявляется в этой статье заблаговременно.

Один из основных вопросов, стоящий перед пятнадцатилетним Нико и требующий незамедлительного ответа, рожден именно этой национальной трагедией. Как случилось, что отец грузинской нации был убит грузином, как случилось, что в течение долгих лет убийца разгуливал по грузинской земле, дышал ее воздухом, ел грузинский хлеб?

Это не только национальная трагедия, это и трагедия времени, и трагедия общества, долгое время не сумевшего ответить на поставленные вопросы, посмотреть правде в лицо. Мы, подобно Нико, закрывали глаза, когда не хотели что-то видеть. Именно поэтому разумное отношение к прошлому стало сегодня главнейшей задачей, не только литературной, но и политической, мерилom зрелости общественной мысли. Не удивительно, что эта проблема выделена в одну из основных линий романа Отара Чиладзе, причем из факта эмпирического она преобразована в факт художественный. Банальному, на первый взгляд, факту уголовной хроники, на деле же национальной трагедии, в романе найдены истоки, они — в духовном уродстве определенных личностей (вернее личности), поскольку духовно здоровый человек не мог совершить подобного преступления. Писатель подчеркивает и то, что гены этого уродства, стремление проявить себя через человекоубийство, живы в обществе и поныне. Гогия, убивший без причины незнакомца, просто повторяет своего дядю, подражает ему, как и он ждет награды за преступление. Это уже указание на нежелательный сдвиг в национальной психике, на какую-то аномалию.

Что же происходит?

Все это является предметом рассуждений Нико. В своем воображении он там, рядом с Ильей, он видит убийцу тогда и теперь. Для него не существует временной границы, поскольку фантазия его безгранична. «Нико теперь, спустя столько лет, бродит в том времени...». «Казалось, со дня своего рождения он шел против временного течения».

Мы видим, как зло уничтожает себя, как убийца повсюду носит за собой альбом с фотографиями Ильи, с болезненной гордостью разглядывая его, кладет под изголовье... Оправдание своей жизни он видит в убийстве Ильи Чавчавадзе.

Впрочем, все это противоречит действительности, истинный убийца Ильи Чавчавадзе, прототип героя, вовсе не был так «незаслуженно» забыт, он занимал должности, получал пенсию, но не будем столь суровы... Перед нами — художественная действительность. Не будем строги и к Нико за то, что он думает об убийце Ильи, равно как и о многом другом, исходя уже из существующих литературных текстов, это — в его характере, характере, сформированном литературой, недаром в его речи то и дело проскальзывают аллюзии того или иного стихотворения. Одно только то, как представляет Нико убийцу и вообще его действия, его отношение к жертве после свершения преступления в некоторых своих деталях, отмеченных мною выше, безусловно, напоминает тот художественный фильм и пассажи того художественного текста, которые он не мог знать, они — принадлежность художественного фильма или художественного текста 80-х годов. Отвратительна картина, в которой убийца заживо гниет — он весь усеян белыми червями. Если помните, и Шушаника была покрыта червями («Мученичество Шушаники»), но в случае с ней дух одержал верх над плотью, и червь был показателем этой победы духа. Здесь же убийца загнивает и физически и духовно. Но самое ужасное: черное дело убийцы-дяди имеет своего продолжателя в лице его племянника Гогин. Ему противостоит Нико. В душах этих подростков живут ростки зла и добра, их существование друг подле друга невозможно, один должен уничтожить другого. Нико, подавив страх, делает первый шаг — открыто называет убийцу. Основные его бои впереди, но все начинается отсюда — каждое явление должно быть названо своим именем.

Вторым рождением, духовным формированием Нико обязан окружающим его близким или неблизким людям, ставшим обитателями его духовного мира. В течение болезни происходит отчуждение Нико от всех и вся, но именно они, «чужие» — учитель Ваню, доктор, слепой Сандро связывают его с действительностью, совершенствуют его душу, участвуют в его вторичном рождении. Человек даже в скорлупе не одинок. Во всяком случае путь к спасению души не есть путь к самоизоляции. Нико уже знает и то, что «одинокость» — это не сиротство, а отступничество, и оно не имеет ничего общего с независимостью, тем более со свободой, так как без независимости, без свободы нет жизни, нет природы, без независимости и свободы нельзя посмотреть испытанию прямо в глаза и подтвердить делом, а не скорбью, что не зря твой

близкие жертвовали стольким ради тебя, что ты достоин не только рождения, но и спасения». Для этого же, в первую очередь, необходимо поставить себе целью что-то спасти.

Безусловно, весьма значителен в романе образ слепцов, духовным взором видящих все, слепцов, «уоставившихся в небо бесполезными глазами, словно они чему-то внимали, словно пытались разобрать в хриплом голосе Иосеба и скрипе жернова иной, более значительный для них голос, который заменял им глаза». Этот голос должен услышать и Нико, так как духовная слепота гораздо страшнее обычной слепоты. Все мы должны услышать этот голос.

Колоритен в романе врач, лечащий Нико. У него есть предшественник из другого чиладзевского романа — «И всякий, кто встретится со мной...» — сколько покоя, человеколюбия и мудрости в нем. Между прочим, этот последний роман О. Чиладзе связывается с другими его прозаическими произведениями рядом символов или стереотипов действия (лимон, инжир, часы, труп, отношение к трупу и т. д.). Это создает ощущение единства стиля, за которым, однако, кроется опасность однообразия, но это не столь важно в данном случае. Главное в том, что открытия героя становятся нашими открытиями, одно из них — главнейшее, к которому наше общество пришло совсем недавно: природа произвела человека «не только для воспроизведения, но и для воспоминания. С помощью памяти в завтрашний день нужно перенести день сегодняшний, выслать навстречу будущему то, что знаешь сегодня, что видел сегодня, что пережил сегодня, услышал и запомнил...» Это для нас — главный, важнейший принцип творчества Отара Чиладзе, который в свое время проявился в его лирических поэмах. Впрочем, разве еще раньше этот великий принцип непрерывности взаимосвязи и взаимоопределенности трех времен не являлся основой человеческого быта и культуры?

Мы лишь вспоминаем забытое. Может быть, именно в этом одно из достоинств нового романа Отара Чиладзе. Он еще раз заставил нас задуматься о преданных забвению вещах, еще раз возмутил уснувшую нашу совесть.

Александр МУДЖИРИ

Жаркие дни далекого лета

28-30 августа 1924 года в Грузии произошло вооруженное восстание с целью свержения Советской власти. Оно было вызвано целым рядом общественно-политических и социально-экономических причин. В частности, партийными и советскими органами как на местах, так и в центре были допущены серьезные ошибки и нарушения при проведении аграрной реформы, национальной политики, в отношении религии и церкви. Два года раньше был создан комитет по подготовке восстания, объединивший представителей различных нелегальных, действовавших в подполье партий.

В основном восстание охватило Шорапанский, Сенакский, Озургетский, Зутдидский, Кутаисский уезды и некоторые районы Восточной Грузии. В нем участвовали крестьяне, бывшие помещики, дворяне, представители интеллигенции, других социальных слоев населения, офицеры царской армии и армии бывшей Грузинской Демократической Республики. Из названных уездов в Озургети восстало фактически все крестьянство. В остальных же, несмотря на массовый характер выступления, оно не стало общенародным.

Руководители Советской власти в республике поначалу колебались между курсом жестких репрессий по отношению к тем, кто вообще не принял новую власть или занимал нейтральную позицию в этом вопросе, и позицией компромисса с ними. Уже в первый год ее существования было арестовано около 70 представителей грузинской интеллигенции, главным

образом открытых противников советского строя. Им предложили эмигрировать в Европу. Большинство так и поступило. Оставшиеся же на родине впоследствии стали жертвами репрессий, которые последовательно и методично принимали массовый характер, становясь средством запугивания людей.

Особенно ужесточились репрессии против социал-демократов (меньшевиков). Безжалостная расправа, которой они подверглись со стороны грузинских большевиков, вызвала недовольство В. И. Ленина. Он осудил самоуправство С. Орджоникидзе, считая, что к Грузии неприменимы методы, используемые в России. 5 марта 1923 года, будучи уже тяжело больным, он просил в письме к Троцкому защитить Грузию в ЦК партии.

За несколько месяцев до восстания из-за границы приехали представители грузинского эмигрантского правительства Ноэ Хомерики, Валико Джугели, Бения Чхиквишвили, Гогита Пагава и другие, предпринявшие интенсивные действия по организации восстания. Все сообщения и директивные указания лидеров эмиграции принимала созданная при паритетном комитете военная комиссия, которую возглавлял бывший предводитель дворянства Восточной Грузии Котэ Абхази, а после его ареста и расстрела — Николоз Карцивадзе.

Правительство Н. Жордания, находясь в Париже, с целью восстановления в Грузии демократической республики, пыталось заручиться поддержкой иностранных государств. Но кроме обещаний никакой реальной помощи с их стороны не последовало.

Судя по фактическим данным, Н. Жордания не принадлежала ни инициатива, ни главная роль в августовском восстании. В правительстве Грузинской Демократической Республики имели место разногласия не столько принципиального характера, сколько отражавшие внутреннюю борьбу за власть. Группировку, противостоявшую Н. Жордания, возглавлял Ноэ Рамишвили, человек властолюбивый. Эти конфликтные отношения продолжались и в эмиграции и перешли в Грузии из-за дележа шкуры неубитого медведя. Идея восстания в Грузии разжигалась главным образом группой Н. Рамишвили. Именно его правая рука — Н. Хомерики был направлен сюда для проведения подготовительной работы, осуществить которую ему не удалось. Рассчитывать на серьезный успех восстания в условиях Советской власти, защищенной армией, не представлялось реальным. Поэтому его организаторы возлагали надежды на содействие иностранных государств.

На первом же заседании паритетного комитета Н. Хоме-
рики заявил: «Если сумеем в Грузии организовать восста-
ние и продержимся хотя бы пару месяцев, можно надеяться
на дипломатическое вмешательство стран Западной Европы, в
частности на денежную помощь некоторых общественных кру-
гов Франции»¹. Как стало известно, деньги эти уже были
получены в августе. Однако сумма оказалась каплей в море.

Еще задолго до восстания между нелегально действовав-
шими социал-демократами (меньшевиками), национал-демокра-
тами, социалистами-федералистами и грузинскими эсерами шли
переговоры о создании органа, который бы координировал их
работу, направленную на достижение главной цели — восста-
новление независимости Грузии. Их деятельности помешали
аресты.

Социал-демократы в случае победы над Советско^й вла-
стью требовали полнейшей реставрации как бывшего прави-
тельства, так и учредительного собрания, а также образова-
ния правительства на паритетных началах между социалиста-
ми и не социалистами. Наконец в августе 1922 года эти пар-
тии пришли к соглашению, которое было оформлено в доку-
менте, состоявшем из 5 пунктов:

«1. Партии объединяются для того, чтобы общими сила-
ми бороться за независимость Грузии;

2. В случае, если будет восстановлена независимость Гру-
зии, созывается учредительное собрание, которому дадут от-
четы в своей деятельности как правительство, находящееся за
пределами, так и то, которое будет образовано в переходное
время;

3. На заседании учредительного собрания организовы-
вается новое правительство на коалиционном принципе, при-
чем ни одна партия не имеет права занять более одной тре-
ти мест;

4. Избирается партийная комиссия для разбора деятель-
ности прежнего правительства, доведшего страну до краха;

5. С момента подписания настоящего договора избирает-
ся на паритетных началах комитет под названием «Комитет
независимости Грузии»².

Этот договор действовал ровно два года со дня подписа-
ния, вплоть до самого восстания.

Нужно сказать, что и с точки зрения международных от-
ношений восстание представлялось совершенно бесперспектив-
ным. В то время Грузия уже входила в состав Союза Совет-
ских Социалистических Республик и стала частью этого мно-

гонационального государства. Поэтому выступление против Советской власти расценивалось уже как направленное против Советского Союза в целом. Несмотря на враждебное отношение к нему европейских держав, они не могли позволить себе вооруженного вмешательства во внутренние дела страны. Не удалось добиться успеха и в попытке ее экономической или политической изоляции. Генуэзская конференция еще раз подтвердила, что «грузинский вопрос» окончательно снят с повестки дня.

Несмотря на это, деятели грузинской эмиграции не отказались от бесперспективной борьбы за подготовку восстания. Возбуждая общественное мнение, представителям грузинского эмигрантского правительства удалось, опираясь на местные силы, создать в Париже, Лондоне и Женеве комитеты помощи Грузии. Выступая в Женеве с докладом, Карло (Николай) Чхеидзе советовал Англии не давать ссуду Советскому Союзу, ибо это способствовало бы усилению Красной Армии. В июне 1924 года Акакий Чхенкели и Ираклий Церетели вели переговоры с политическими деятелями Франции. А. Чхенкели был принят как официальный и полномочный посол Грузии.

Однако, по существу, это была лишь моральная поддержка, на которую и прежде опирались грузинские социал-демократы. Реальной же помощи не поступило ниоткуда. «Представители Англии, Франции и других стран, — говорил И. Церетели, — даже когда юридически поддерживали нашу независимость, категорически заявляли: защита своей независимости — ваше дело. Мы не собираемся из-за вас бороться или портить отношения с Россией. Эта мысль высказывалась и публично»³.

В письмах и директивах руководителей грузинской эмиграции, посылаемых из Парижа, все настойчивее звучала нота безнадежности, неверия в поддержку восставших со стороны европейских государств, считавших восстание в условиях Грузии той поры делом неосуществимым. Однако мнения расходились, о чем можно судить по двум письмам, которые привез с собой Нико Николадзе. Если в письме Спиридона Кедия, одного из основателей партии национал-демократов, высказывалась мысль, что никакой надежды на помощь со стороны зарубежных государств нет, то в другом письме речь шла о том, что к вмешательству иностранных держав в дела Грузии готовы все, и нужен лишь повод. Это письмо подписывал лидер партии национал-демократов Григорий Вешапели.

Чем же объясняется столь разительное расхождение в этих сведениях? Гр. Вешапели был введен в эмигрантское коалиционное правительство от национал-демократической партии. С. Кедия эмигрировал позже других. Когда он приехал в Париж, его ввели в состав эмигрантского правительства вместо Гр. Вешапели, который, чувствуя себя оскорбленным, стал в оппозицию по отношению к С. Кедия. Способствуя обострению этого конфликта, социал-демократы использовали его в своих целях.

Получив оба письма, председатель нелегального ЦК национал-демократов Шалва Амирэджиби скрыл письмо С. Кедия, ознакомив членов партии и ЦК лишь с текстом Гр. Вешапели. Не вводя их в курс действительного положения дел за рубежом, Ш. Амирэджиби стремился устранить все препятствия на пути к подготовке и проведению восстания.

Тем не менее обреченность восстания становилась все очевиднее, несмотря на подготовленный для него вполне достаточный «горючий материал».

Противоборствующие силы явно не были равны.

Грузчека располагала детальными данными о подготовке восстания, были арестованы не только местные руководители, но и приехавшие из-за рубежа. И все же основное руководящее ядро не отказалось от своего намерения.

Находившийся с мая 1924 года в Стамбуле Н. Рамишвили, со дня на день ожидавший начала войны, в ответ на полученные из Грузии сообщения об арестах организаторов восстания призывал «не колебаться», утверждал, что вместо арестованных придут новые силы.

Следует учесть одно обстоятельство. Н. Жордания, узнав о ликвидации грузинской партии социал-демократов (меньшевиков), 25 октября 1923 года обратился со специальным письмом к нелегальному ЦК своей партии, в котором разъяснял, что для возможного свержения Советской власти существует два пути: внутренний кризис в России, свержение и там Советской власти, и восстание в Грузии в масштабе всего Кавказа. В то же время он предупреждал ЦК, что ни мусаватисты, ни дашнаки, ни горцы Северного Кавказа не являются надежной силой. Поэтому «первое выступление, — писал он, — должны устроить горцы и Азербайджан, и только после этого, когда они займут все пути, идущие к России, и их выступление будет серьезным и прочным — может выступить Грузия и послать свои войска на помощь. Ни в ко-

ем случае неприемлемо, чтобы выступление Грузии предшествовало остальному движению». (Выделено мной — А. М.)

Такое категорическое заявление Н. Жордания еще раз убеждает в том, что он не являлся сторонником восстания только в пределах Грузии. И его последующее признание в том, что он ничего не знал об августовском восстании несомненно было искренним.

В своем директивном письме Н. Жордания уверял членов нелегального ЦК, что если восстание на Кавказе произойдет, «Европа уделит нам серьезное внимание и окажет помощь».

Члены паритетного комитета тоже убеждали единомышленников в том, что как только начнется восстание, помощь непременно подоспеет.

Вышеупомянутое директивное письмо Н. Жордания со стратегическим планом организации восстания было изъято при аресте Б. Чхиквишвили. К тому времени уже была налажена связь с Азербайджаном, осуществляемая из-за рубежа уполномоченным мусаватистами Н. Хомерики. Практическая же реализация этого плана была возложена на Г. Пагава, который со всеми документами попал в руки Чека.

На Северный Кавказ неоднократно ездили члены паритетного комитета. По первоначальным данным отправленного туда Георгия Цинамдзгвришвили, Северный Кавказ в случае восстания в Грузии и Азербайджане мог ввести туда вооруженные силы — 90 тысяч человек, и лишь после этого должно было восстать Терское казачество (затем эта цифра уменьшилась до 60 тысяч).

На следствии же член паритетного комитета Михаил Ишхнели, сам побывавший 24 февраля в Гудермесе, назвал цифру — 1500 человек, обещанных чеченцами. Глава их меджлиса, глубокий старец, заявил, что многочисленные русские войска подавят любое восстание, если не будет соответствующей поддержки вооруженных сил Грузии и Азербайджана. Он говорил также, что при наличии ружей нет патронов, которые ожидаются из Грузии. Чеченцы требовали офицеров и денег¹. Так отпала надежда на поддержку со стороны Северного Кавказа.

Отнюдь не все нелегальные политические деятели разделяли стратегический план Н. Жордания. Председатель ЦК нелегальной партии национал-демократов Ш. Амирэджиби (скрывался и не был задержан) в паритетном комитете высказал такую мысль: «Нозэ Жордания — крупная фигура, но думаю и глубоко убежден, что он очень ошибается, когда поддерживает совместное выступление с Северным Кавказом и Азербай-

джаном — с какой бы симпатией ни относились к горцам, нужно сказать, что вопрос о независимости горцев в Европе не популярен и надежной перспективы не видно. Кроме этого, совместное выступление с Северным Кавказом и Азербайджаном будет вредно»⁵. По мнению Ш. Амирэджиби, Советская Россия ни за что никому не уступит Баку и бакинскую нефть. «Она будет напирать своими войсками, против чего не устоим ни мы, ни Северный Кавказ»⁶.

Именно исходя из этих и других аналогичных соображений и причин, вопреки установкам Н. Жордания, было осуществлено восстание в одной только Грузии. Его инициатором и главным организатором от грузинской эмиграции стал Н. Рамишвили.

В докладной записке, предназначенной для Москвы, избранный на пост секретаря ЦК КП Грузии в дни восстания Михаил Кахиани пытался доказать, что «связи между политикой нашей партии и последними событиями нет... нашей партией не совершено каких-либо крупных политических ошибок, могущих вызвать недовольство среди широких слоев крестьян»⁷. По его мнению все готовилось за рубежом и по директивному приказу «империалистов из II Интернационала — опоры этих империалистов»⁸. Он признавал, что «выступления были совершенно неизбежны, ибо, во-первых, такова была воля зарубежного центра, который требовал выступления во что бы то ни стало, не считаясь с жертвами — для поднятия соответствующего шума в Европе и создания осложнений для Соввласти в международном масштабе, во-вторых, такова была воля и грузинской контрреволюции, состоящей главным образом из меньшевиков и национал-демократов»⁹.

Социал-демократы ждали лишь благоприятного момента для проведения восстания с целью свержения Советской власти в Грузии. «Национал-демократы же, — писал М. Кахиани, — состоящие из дворян, князей, помещиков, торговцев и офицерства, являются в большинстве непримиримыми врагами советского строя. Одно дворянство составляет 5—6 процентов населения, стало быть не менее 100—120 тысяч, плюс к этому еще десятки тысяч торговцев, а это не малая цифра для маленькой Грузии. Все эти элементы представляют из себя горючий материал для всяких подобных выступлений как в настоящее время, так и в будущее время»¹⁰.

М. Кахиани утверждал, что для ЦК партии восстание явилось неожиданностью, несмотря на то, что Грузчека с мая сообщало о его подготовке. В. Джугели был арестован 6 ав-

густа, а до него арестовали Н. Хомерики и Б. Чхиквишвили. Имелись сведения, что восстание должно начаться 15 августа. Однако после ареста В. Джугели стало ясно, что сроки отодвинутся приблизительно на две недели. Председатель Грузчека Елифан Кванталиани накануне сообщил по прямому проводу уездам о предстоящих выступлениях 28 или 29 августа. Поэтому никак нельзя отнестись с доверием к утверждению, что они были для республиканских, партийных и советских органов, а также уездных организаций полной неожиданностью. Тем серьезнее просчет вышестоящих органов, что, зная о выступлении, они не сочли необходимым предупредить об этом местные организации, в силу чего повстанцы получили возможность избрать для этой акции благоприятное время. Несмотря на два письма В. Джугели от 12 и 26 августа, в которых он в категорической форме призывал своих товарищей воздержаться от выступления, восстание было назначено на 28 августа — Мариамоба, день св. Марии, собирающий много народу. Вместе с тем строго соблюдалась конспирация: сроки выступления и количество повстанцев не были известны даже членам паритетного комитета.

Котэ Андроникашвили, председатель паритетного комитета (социал-демократ, меньшевик) признавал, что «мы потерпели поражение также потому (помимо того, что не поддержала «пассивная» Восточная Грузия и Тифлис «молчал»), что имелось преувеличенное представление о своих силах и о душевном настроении народа — в нашу пользу. Как видно, докладчики из военной комиссии вводили нас в заблуждение»¹¹.

Какие же силы участвовали в восстании и какова была его социальная основа?

М. Кахиани писал по этому поводу: «Главнейшее участие, конечно, приняли и основную массу составляли дворяне, князья, офицеры, торговцы, попы, уголовные типы и др. бандитские элементы, которые, как правило, выступали повсюду и представляли опромный процент среди выступающих, за исключением Гурии, где дворян и князей вообще мало и где в силу особых причин выступления приняли характер крестьянского движения»¹².

Как убедимся в дальнейшем, крестьяне не только в Гурии составляли основную движущую силу восстания. И в других социальных слоях населения, участвовавших в нем, не без причины созрело недовольство Советской властью.

В своих показаниях К. Андроникашвили признавал: «Когда говорится о народе, нужно подразумевать, кроме рабо-

чих и крестьян, бывших князей и дворян, собственников, духовенство и торговцев, промышленников. Там, где уничтожена частная собственность и созданы условия, исключающие экономическую эксплуатацию трудового народа, все бывшие собственники становятся не опасными, а полноправными гражданами. Подавление и преследование их за прошлое для социалистов недопустимо, а потому комитет независимости Грузии опирается не только на недовольство грузин — трудящихся, но также принимает во внимание политическое недовольство бывших собственников...»¹³.

Поэтому не случайно паритетный комитет в Сенакском уезде наряду с лозунгами о независимой и свободной Грузии, о свободе христианского вероисповедания, провозгласил и такой: «Да здравствует частная собственность!»

Что касается грузинского офицерства, то, по определению К. Андроникашвили, «его сердце болело за освобождение родины». В Кахетии в отряде Какуцы Чолокашвили было 17 таких офицеров.

Самый массовый характер выступление носило в Озургетском уезде. Представителей дворянства здесь было мало и они не могли оказать серьезного влияния на крестьянство, составлявшее большинство. В Гурии общественное сознание крестьян было более развито, чем в других уголках Грузии. Перед установлением Советской власти там насчитывалось 700 членов социал-демократической партии, хотя авторитетных и подготовленных коммунистов было значительно меньше.

Представители бывшего дворянства в основном оказались пассивны в политическом движении и были обречены лишь в силу своего классового происхождения. Трагическая участь была уготована многим лишь в силу принадлежности к фамилиям Андроникашвили, Вачнадзе, Чолокашвили, Джорджадзе, Абашидзе, Церетели, Бараташвили, Гомартели, Мачавариани, Годабрелидзе, Абдушелишвили, Кавтарадзе и многим другим. Значительная часть из них даже представления не имела о готовящемся восстании, не говоря уже об участии в нем. Как писал немецкий профессор Эрих Обст, в декабре 1924 года в Тбилиси, где он тогда находился, было уничтожено большое число представителей дворянства, «хотя они бездействовали, отсиживаясь по домам»¹⁴.

Погибло также много офицеров. Некоторые из них оказались вовлеченными в восстание или лишь сочувствовали ему. Но погибли и те, кто вообще были вне всякой политики.

В докладной записке М. Кахиани читаем: «Комиссия Це-

ка пришла к выводу, что без применения принудительных мер вернуть дворян не представляется возможным, а делать это по отношению к крестьянам недопустимо... По-моему, полезно и не было бы никакого вреда, если во время восстания повышибали бы дворян в большой мере и в большом масштабе. Ибо пока существует в Советской Грузии эта грозная цифра — 120—130 тысяч дворян, 7 тысяч царского кадрового офицерства, — нет уверенности в том, что этот горючий материал не воспламенится вновь при любом удобном случае — международных и внутренних осложнений. Над этим вопросом придется еще не раз и не два серьезно призадуматься ЦК КП Грузии»¹⁵.

Выступления были жестоко подавлены войсками из РСФСР и грузинскими военными частями, а также особыми отрядами рабочих и крестьян, в основном коммунистов, при участии представителей комсомольской молодежи. Конечно, любая власть защищает себя, однако не всеми же средствами. В официальных материалах фигурируют разные цифры погибших и расстрелянных. В кошмарной бойне близ Зестафони, точнее на платформе Аргвета, были расстреляны сотни людей в закрытых вагонах, доставленных из Сачхере и Ччатура. В их число попало немало тех, кто вообще не знал о выступлениях. По распоряжению Серго Орджоникидзе (существовавшему в письменном виде, но затем ликвидированному) подлежали уничтожению и все те, кто поддерживал оставшихся в живых укрытием, питанием, лечением и другими средствами. Нашлись и палачи, исполнившие этот чудовищный приказ. Некоторые из них прожили долгую жизнь, пользуясь ее благами. Например, Илларион Талахадзе, впоследствии прокурор, профессор, заведующий кафедрой Тбилисского университета, непосредственно занимался арестами и расстрелами без суда и следствия многих невинных людей в Сачхере и Ччатура. очевидцы рассказывают, что, приехав со своим карательным отрядом из Кутаиси в Сачхере, он, не задумываясь, отдавал распоряжения об аресте и расстреле местных жителей — и участников восстания, и сочувствующих им, и совершенно невинных людей. Сачхерцы надеялись, что, будучи их земляком, И. Талахадзе будет к ним снисходительнее. Но именно в Сачхере и Ччатура он проявил особую жестокость и вероломство. Помнят люди и такой вопиющий факт: два человека беседовали недалеко от поезда, в который загоняли арестованных. Один из них сказал: «Смотри, оказывается, Валико (так звали Талахадзе) приехал, ведь я с ним учился, он друг дет-

ства. Пойду поприветствую». Собеседник посоветовал не идти навстречу беде. Но тот все же направился к земляку, подошел, намереваясь обнять его. Талахадзе оттолкнул подошедшего и крикнул стоявшему рядом солдату: «Загони в поезд этого двурушника, я его знаю». Это была одна из многих невинных жертв в Аргвета.

70 участников восстания заявили о примирении с властями. 31-го августа их увезли в село Зоди, где они обосновались и даже отметили это событие банкетом. Однако на следующий же день там объявился карательный отряд Талахадзе. Всех арестовали, а в первых числах сентября расстреляли в закрытых вагонах на той же платформе.

Есть достоверные свидетельства того, что стоявшие на сачхерском вокзале три вагона заполняли в течение трех дней людьми из близлежащих сел. Среди них находились в основном представители дворянских фамилий Абашидзе, Гомартели, Годабрелидзе, Мачавариани и многие другие.

В числе арестованных и загнанных в вагоны оказались все сачхерцы, носящие фамилию Церетели. Вот их имена: Петре, Бауки, Георгий, а также Сардион, Тариэл, Нико, Александр. Сыновья Ростома Церетели — Петре и Бауки приехали из Петрограда на отдых в родной Сачхере. Говорят, что за день до ареста туда же прибыл и сын Ираклия Церетели — Сардион. Все трое были командирами Красной Армии. Начальник карательного отряда И. Талахадзе шел вдоль переполненных арестованными вагонов. Войти в них было невозможно — они до отказа были забиты людьми. В дверях последнего вагона стояли братья Бауки и Петре Церетели. И. Талахадзе приказал вывести из вагона одного из них — высокого, необычайно красивого — Петре. Даже не взглянув на него, сказал: — Вы свободны, сейчас же уходите отсюда.

Петре ответил: — Если у вас число людей для расстрела определено и я лишний, то прошу вместо меня освободить младшего Церетели.

И. Талахадзе тут же поручил начальнику охраны, оставив Петре в вагоне, освободить «младшего Церетели».

Бауки, которому было лет 15—16, совершенно не понимал, что происходит. Утром на берегу реки Квирилы, где он сидел со своими товарищами после купания, его задержали и привели к Талахадзе, который, узнав, что этот юноша тоже Церетели, тут же велел арестовать. «Его для разведки прислали, — сказал Талахадзе, — всеми способами пользуются». А вечером «младшего Церетели» освободили... Ходят

слухи, что он сейчас жив и может точно восстановить пережитое...

Один из очевидцев рассказывает о встрече друга материю расстрелянного в вагонах, доставленных из Чиатура в Зестафони: «Подойдя к нам, она не плакала, но была необычно бледна. Крепко обняла меня и чуть дрожащим голосом сказала:

— Мой мальчик молодец, свой долг перед родиной выполнил достойно! И ты тоже выполни свой долг, не дрогни! Время работает на нас... Я сейчас еду поездом. Завтра вернусь. Найду тело моего мальчика, привезу сюда.

На следующий день она вернулась, держа в руках что-то, обернутое белым полотенцем. Этот маленький белый сверток она подняла над головой, помахала им, закричав:

— Наши сыновья, наши братья, наши отцы, как свечи, сгорели за свободу Грузии! Убили и моего сына! И вот я, его мать, нашла только его руку и привезла ее. Чем убивали тебя, сынок, что так разодрали твое юное, красивое, мужественное тело?

На другой день в присутствии бесчисленного множества людей была захоронена, помещенная в гроб, рука молодого чиатурца»¹⁶.

Один из участников восстания в Телавском уезде Элизбар Макашвили, также чудом спасшийся от расстрела, бежал за границу. В своих воспоминаниях он описывает кошмарные дни, проведенные в телавской тюрьме, где встретился со своим учителем Г. Цицишвили, тоже участвовавшим в восстании, — «...его речи, обращенные к молодым грузинам, учили любви к национальному достоинству и самопожертвованию во имя родины... Мы потерпели поражение, — говорил он мне, — разбиты и попали в руки противника. Как отару овец, без борьбы и крови гонят он безоружных грузин в тюрьму, а из тюрьмы на бойню. Сотнями гибнет от вражеской пули наша молодежь»¹⁷.

«Во дворе тюрьмы сидит в углу группа арестантов и низкими голосами заводит песню. Звучат слова старого Реваза Каралашвили: «Грузин, бери в руки меч!». По телу пробегает дрожь. Надзиратель запрещает пение»¹⁸.

Находясь в тюрьме, Э. Макашвили наткнулся на газету, в которой был опубликован длинный список расстрелянных участников восстания. В этом списке он обнаружил имена своего брата и отца. Чаще расстреливали сыновей, а потом отцов, связанных по рукам и ногам.

Особой жестокостью по отношению к восставшим в Мегрелии отличался Александр (Саша) Гегечкори (имя этого палача до последнего времени носил один из красивейших районов Грузии — Мартвили). Все эти бесчинства творились под эгидой безграничной власти С. Орджоникидзе. Повсеместно в республике судьба людей решалась «тройкой». Невинных отправляли на каторгу или расстреливали на местах. Это была «варфоломеевская не ночь, а целая неделя». Если бы не приказ из Москвы прекратить расстрелы, по воле С. Орджоникидзе были бы расстреляны не одна тысяча, которых судили, а тысячи.

Бывший министр юстиции Грузинской Демократической Республики Ражден Арсенидзе свидетельствует: «Восстание было разгромлено регулярной русской армией, предводительствуемой двумя-тремя грузинскими коммунистами, спасшимися от ареста. Грузинские части не участвовали в этой акции, как неблагонадежные.

Восстание потерпело поражение, но оно обнажило грузинский национальный характер и безграничную власть коммунистов. Восставший народ и его лидеры вели себя по-рыцарски: коммунистов и солдат, взятых в плен, они не только не расстреляли, но обращались с ними, как положено обращаться с пленными»¹⁹.

В Сенаки по инициативе А. Гегечкори было расстреляно без суда 500 человек, среди которых немало вовсе не причастных к выступлениям.

Один из тех, кто остался жив после августовского восстания, вспоминал: «...когда подавили восстание, нас арестовали, связали друг с другом проволокой по рукам и куда-то повели... Построили в ряд перед вырытой ямой, и тут я понял — нас расстреливают! Никто не шелохнулся, когда чекисты направили пулеметы и винтовки, только как по команде все одновременно неожиданно воскликнули: — Да здравствует свободная Грузия! Мы не успели закончить фразу, дальше я уже ничего не помнил»²⁰.

Поведавший эту историю оказался легко раненым, но вместе с расстрелянными был зарыт в землю. Он попытался выбраться из-под земли, но его рука была привязана к руке другого человека. «Кое-как вытащил руку, — восстанавливает он детали того страшного дня. — Боже мой! За ней следовала чужая рука. Кто же был рядом со мной? Не помню... Но его рука привязана проволокой к моей руке, что мне делать?!»²¹. Часть руки мертвеца он отгрыз зубами. Другая же

на пути к дому оставалась привязанной. Он выжил, покинув свою деревню и поселился в другом месте.

В селе Руиси полностью уничтожили семью Паниашвили, состоявшую из 4 мужчин, 5 женщин и 15 детей от 3 до 14 лет. Кровопролития, которые имели место после установления Советской власти в Грузии, нанесли сильный удар по престижу, авторитету и влиянию Коммунистической партии и новой власти.

Из воспоминаний Э. Макашвили мы узнаем подробности убийства начальника Телавского Чека Джапаридзе:

«Среди арестованных находился отец молодого коммуниста-грузина Александра Джорджадзе. Телавская чрезвычайная комиссия приговорила его к расстрелу. Александр Джорджадзе несколько раз обращался к Джапаридзе с просьбой отменить приговор. Просьба не возымела действия. Александр Джорджадзе, увидев своего отца связанного, находящегося вместе с другими заключенными, приговоренными к смертной казни, снова попросил Джапаридзе отпустить его отца и услышал в ответ: «Если ты настоящий большевик, должен собственноручно расстрелять отца». Тут Александр Джорджадзе выстрелил из револьвера в Джапаридзе и смертельно ранил его (он умер через два дня). Самого Александра Джорджадзе вместе с отцом и другими заключенными грузинами солдаты зарубили шашками»²².

Уже упомянутый немецкий профессор Эрих Обст удостоверяет: «В то время, когда мы подошли к Тбилиси, там царил глубокий траур, особенно в грузинской части города. Многие женщины были одеты в черные платья, и их лица выражали скорбь. Среди мужчин черный траурный знак был обычным делом. Но носили они его с большой осторожностью, боялись... Не осталось почти ни одной семьи, у которой кого-нибудь не убили и которая не была бы в трауре.

Восстание было подавлено с неслыханной жестокостью. Хотя официальная статистика сообщила, что по военному приговору расстреляно несколько сот человек, никто всерьез к этой цифре не отнесся. Настоящие жертвы исчисляются тысячами. Их расстреляли без суда, часто даже в тех случаях, когда доподлинно знали, что они не участвовали в восстании»²³.

В докладной записке комиссии Политбюро ЦК Б. Ломинадзе писал: «...восстание, в котором участвовали как никогда, тысячи крестьян, явилось для нас, и для местных партработников, и для ЦК Грузии, и для Закрайкома полной неожиданностью. Еще 28 августа утром никто из нас не мог

допустить и мысли о возможности в Грузии вооруженного восстания, хотя бы в десять раз более скромного по размерам, чем то, которое произошло. ЦК Грузии действительно предупредил 15-го августа все уездные организации о том, что меньшевики готовятся к выступлению. Такие предупреждения делались и раньше — в апреле, в мае, июне. Чека с весны 24-го года несколько раз поднимало вопрос в Центральном Комитете о готовящемся восстании меньшевиков. Но всему этому никто из нас не придавал сколько-нибудь серьезного значения»²⁴.

Восстание со всей очевидностью выявило близорукость руководителей республики; фактически народ оказался изолированным от власти, представленной в лице партийной организации Грузии, которая почти не уделяла внимания деревне и о развитии событий имела самое поверхностное представление. Соотношение политических сил соизмерялось по тому, что давал город, промышленные предприятия, а это было в условиях Грузии, типично крестьянской страны, глубочайшим заблуждением. Ошибочным оказалось и представление о том, что после распада партии социал-демократов она совершенно утратила влияние на рабочий класс и крестьянство. О настроениях крестьянства судили по рабочим. Руководители республики по ситуации в городах составляли представление о деятельности других нелегальных партий, не учитывая того, что они черпали резервы в деревне, где особую миссию выполняли сельское учительство и сельская интеллигенция вообще, и опирались на нее.

В сельсоветах, как органах власти, представители крестьянства участвовали формально. Вся работа в Грузии в 1921 — 1922 годах проводилась так называемыми «земскими» советами и исполкомами (4—5 человек), состоявшими исключительно из коммунистов. Коммунист олицетворял власть на селе, в районе, в уезде и даже в центре. Между партией и крестьянскими массами не существовало промежуточного звена. Свое недовольство властью крестьянин должен был высказать тому же коммунисту, представляющему и партию, и власть.

После восстания вскрылись многие злоупотребления, административный произвол и всякого рода бесчинства, допускавшиеся властью на местах. Следует учесть, что коммунисты в грузинской деревне были самой отсталой частью населения. Социал-демократы же, как наиболее культурный его пласт, естественно, острее реагировали на любое проявление произвола, накапливая недовольство и протест. Это и стало основной при-

чиной отрыва партийной организации республики от крестьянства, позволившего социал-демократам подготовить и осуществить вооруженное восстание. Но несмотря на его неизбежность, если бы партийные и советские органы были лучше осведомлены о готовящейся акции, о ситуации в тех районах, где сосредоточены главные силы социал-демократов и других нелегальных партий, можно было бы избежать массового кровопролития.

Лишенные всех политических прав, преследовавшиеся бывшие социал-демократы и их нелегальная партия перед уходом с политической арены прибегли к самым крайним средствам, чтобы объединить всех недовольных Советской властью для вооруженной борьбы за восстановление былой независимости Грузии.

Социал-демократическая партия, насчитывавшая в своих рядах до советизации Грузии 80 тысяч членов, все же сумела сохранить значительные силы. В дополнительных материалах к III съезду КП Грузии Б. Ломинадзе констатировал: «Частичные репрессии в начале 1922 года вовсе не ослабили их организации. Эти репрессии тогда ограничились несколькими десятками руководителей. Они имели много закаленных членов, которые сразу же заменили арестованных. Что касается самой партии, она продолжала существовать. После двухлетней оккупации в 1923 году ко времени второго съезда КП Грузии их влияние в широких массах трудящихся было, если не больше, то не меньше нашего»²⁵.

Социал-демократы в союзе с другими нелегальными партиями торопились поднять восстание. Это была по существу их последняя ставка. Некоторые шансы на успех могли быть при условии вмешательства европейских стран. Б. Ломинадзе признавал, что «...восстание не было выступлением одних меньшевиков, дворян и князей. Почти вся интеллигенция ему сочувствовала. Значительная часть интеллигенции (сельские учителя) принимали в нем прямое участие, а в некоторых местах вместе с меньшевиками, дворянами, офицерами, попами, торговцами и интеллигенцией в восстании участвовало крестьянство (также в Гурии и в некоторых местах Мингрелии)»²⁶.

Б. Ломинадзе явно принижал роль крестьян в восстании. Не только в Гурии, где восстало практически все крестьянство, но и в других местах они составляли основную движущую силу выступлений. Даже в официальном закрытом письме на имя «верховой тройки» республики от сенакской «тройки» говорится, что «в районном масштабе в выступлениях участво-

вали»: попы — 3; дворяне — 52; офицеры — 2; бывшие гвардейцы — 15; кулаки — 5; торгаши — 2; меньшевики — 21; воры и уголовники — 50; крестьяне — 214; советские служащие — 8; ученики — 15. Всего приблизительно — 387²⁷.

Число участников восстания в Сенакском районе тут явно занижено, хотя и в этом случае крестьянство составляет большинство. К этому привели также серьезные ошибки и нарушения, допущенные республиканскими органами в аграрном вопросе. Отдельным группам крестьян была предоставлена возможность провести конфискацию всех дворянских и княжеских земель и их распределение, сопровождавшееся насилием. Аграрная реформа, вернее, так называемая аграрная революция, была завершена в течение нескольких месяцев (осень 1922 — весна 1923 года) в результате чего значительная часть населения — бывшие дворяне, офицеры и другие представители имущих классов были лишены всякой собственности, а также политических и юридических прав. Помимо этого они подверглись притеснениям, жестоким репрессиям, хотя большинство из них представляло инертную массу, не причастную к антисоветским акциям.

Другие политические партии, официально распавшиеся в 1923 году, перешли на нелегальное положение. Не теряя осязательного влияния на выше названные категории населения, они старались защищать их интересы.

В проведении аграрной реформы налицо были не отдельные ошибки, как признавалось официально, а явные нарушения, направленные на искусственное обострение антагонизма среди самих же крестьян. Нередко, помимо дворянских и княжеских земель, прихватывали надельные земли крестьян-середняков, если у тех имелся ничтожный излишек. Бывало и так, что земельные комиссии лишали какого-нибудь мелкого дворянина, самостоятельно обрабатывавшего свои угодья, и двора, и дома, и пахотной земли, несмотря на то, что декрет закреплял за ним права на все это. Зачастую члены этих комиссий прибирали к рукам лучшие куски конфискованной земли. Все это вызывало крайнее раздражение у крестьян.

Дворянство же не скрывало своего враждебного отношения к Советской власти и пошло бы за теми, кто призывал к борьбе с ней.

Пока партийной организацией Грузии руководили так называемые уклонисты, проводилась более гибкая, даже лояльная политика по отношению к социал-демократам и другим партиям, так как за ними стояли массы. После их отставки

применяемые республиканским партийным руководством террористические методы, рассирелы лишь усугубили неотвратимость восстания. Социал-демократы, другие нелегальные партии просто не видели иного выхода. Послушаем Б. Ломинадзе:

«Приступив к работе в конце 22 года, мы получили «в наследство» от уклонистов совершенно нетронутую, полную сил партию меньшевиков, находящуюся на полулегальном положении. Средства террора в борьбе против меньшевиков уклонисты начисто отрицали, т. к. не признавали возможным бороться против «социалистов» (террористическими приемами). Примером подобного отношения может служить хотя бы упорный отказ «уклонистского» ЦК от высылки меньшевиков в Россию. Нам впервые пришлось вступить в действительную борьбу с меньшевиками. Под знаком этой борьбы и прошли последние полтора года. Мы не останавливались перед крутыми репрессиями, массовыми арестами, высылкой и даже расстрелами (впрочем, до восстания расстреляно было всего десятка два-три меньшевиков и национал-демократов, принимавших непосредственное участие в бандитском движении (заговорах), но в то же время принимали все меры, чтобы взорвать, разломить изнутри враждебные нам партии, отвоевать от них массы и т. д. Думается, что на этом пути мы достигли максимального успеха, на какой только можно было рассчитывать»²⁸.

На заседании Политбюро ЦК от 2 сентября 1924 года при рассмотрении вопроса о восстании в Грузии Каменев говорил, что на всей работе грузинской партийной организации лежит отпечаток топорности, неумелости и прочего, что «люди во всех областях работали топором». Эта «топорная политика» и приблизила августовское кровопролитие.

Среди серьезных ошибок и нарушений, допущенных перед восстанием партийными и советскими органами Грузии, было закрытие только в 1923 году свыше 1500 церквей. Крестьяне — члены земельной комиссии в связи с аграрной реформой отбирали у священников землю и лишь после согласия снять рясу, отказаться от духовного сана предоставляли полагаемую им земельную норму. По постановлению партийных ячеек и комитетов, часто вопреки желанию крестьянства, в порядке административного принуждения стали закрывать церкви. Уезды соревновались между собой в «выполнении плана», в результате чего в некоторых из них вообще не осталась ни одной церкви. В июне 1923 года ЦК КП предложил уездным комитетам немедленно приостановить закрытие церквей и открыть

их там, где этого требовали верующие. Хотя, приняв такое решение, ЦК не добился его выполнения местными организациями. Поэтому оно носило сугубо формальный характер и закрытие церквей продолжалось. В конечном счете из 1500 церквей были открыты лишь несколько десятков и часть еврейских синагог. Внешне этот курс объяснялся «здравым революционным движением», вместе с тем было признано, что партийные организации, взяв на себя руководство им, «слишком перегнули палку».

Разгром церквей и ущемление интересов верующих, вызвавшие всеобщее возмущение на местах, были умело использованы организаторами августовского восстания.

В значительной степени восстание определили не только признанные отдельные просчеты, но и неправомерные действия принципиального характера в области национальной политики, — нарушение мирного договора от 7 мая 1920 года, заключенного между Советской Россией и Грузинской Демократической Республикой, оккупация ее территории вооруженными силами России 25 февраля 1921 года без объявления войны, — осуществлявшиеся по инициативе грузинских коммунистов С. Орджоникидзе, М. Орахелашвили, Ш. Элиава, А. Гегечкори, Ф. Махарадзе и других «интернационалистов».

И если поначалу суверенные права республики (в основном внешне) более или менее сохранились, как и атрибуты «независимости», то после образования Закавказской федерации и особенно Союза Советских Социалистических Республик, по мере усиления всесоюзной власти они были сведены к нулю. Это вызвало возмущение возглавляемой Буду Мдивани группы грузинских патриотов-коммунистов, начавшей бескомпромиссную борьбу за сохранение всех атрибутов независимости, за полный суверенитет Грузии. Группа категорически возражала против предложения С. Орджоникидзе создать Закавказскую федерацию, считая ее искусственным образованием во взаимоотношениях между СССР и республиками. Буду Мдивани и его единомышленники представляли союз республик не как федеративный, а как конфедеративный. Не приняв это во внимание, трудно будет понять их позицию и самоотверженные действия в интересах свободы своей родины.

С образованием Закавказской федерации в крае осуществлялся курс чрезмерной централизации, проявлявшейся в отвоевывании друг у друга однородными уреждениями закавказского и республиканского масштаба прав и функций, способствовавших сужению суверенных прав республик, особенно Грузии, оставав-

шихся лишь на бумаге. С. Орджоникидзе высказывался против такого зажима прав, а на деле Закрайком под его руководством практически действовал именно в таком направлении. Все это обуславливалось не отдельными недоработками в национальной политике, как говорили в официальных кругах, а определялось существованием той бюрократической системы, горькие плоды которой мы сегодня пожинаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПА ГФ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 2, д. 40. с. 57
2. Там же, ф. 359, оп. 1, д. 40. с. 102.
3. Сулаквелидзе К. Что случилось? (на груз. яз.), Тифлис, 1927, с. 28—29.
4. ПА ГФ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 2, с. 65.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же, оп. 2. дело 40, с. 56.
8. Там же.
9. Там же.
9. Там же.
10. Там же, с. 56—57.
11. Там же, с. 63.
12. Там же, с. 65—66.
13. Там же, с. 66.
14. «Кавкасиони», № X, 1964. Париж, с. 7.
15. ПА ГФ ИМЛ при ЦК КП ССР, ф. 14, оп. 2, д. 40, с. 85.
16. «Кавкасиони», № X. 1964, Париж.
17. Там же, с. 11—15.
18. Там же.
19. Там же, с. 11.
20. Там же, с. 19.
21. Там же, с. 11.
22. Там же, с. 17.
23. Там же, с. 5.
24. Журнал «Коммунист Грузии», № 3, 1989, с. 37—38.
25. ПА ГФ ИМЛ, ф. 14, д. 4, оп. 1, с. 49.
26. Журнал «Коммунист Грузии», № 3, 1989. с. 41.
27. ПА ГФ ИМЛ, ф. 14, д. 40, оп. 2, с. 162.
28. Журнал «Коммунист Грузии», № 3, 1989, с. 43.

Джуаншер ВАТЕЙШВИЛИ

ПО НОВОМУ РУСЛУ (грузинско-голландские связи последней четверти XVII века)

Примерно с середины 80-х годов XVII века грузинско-западноевропейские связи наряду с пришедшим в упадок традиционным, непосредственным, каналом общения обретают новый аспект своего развития, находясь в русле русско-западноевропейских отношений. Что же касается собственно грузинско-голландских связей последней четверти XVII века, проходивших именно по линии русско-голландских контактов указанного периода, то они характеризуются двумя конкретными сторонами — культурной (история создания грузинского шрифта в Амстердаме и плодотворное общение грузинских и голландских научных деятелей) и политической, к которой причастно участие старшего сына Арчила II Александра Арчиловича Багратиони в «Великом посольстве» Петра I (1697—1698 гг.) и его обучение артиллерийскому делу в Голландии. На этих эпизодах истории грузинско-голландских отношений мы и остановимся более подробно.

Среди иностранцев, оказавших царю Арчилу помощь в налаживании связей с Амстердамом, прежде других следует назвать голландского резидента в Москве, барона Иоганна-Вильгельма ван Келлера, который в своей реляции от 15 декабря 1685 года особо сообщал в Гаагу своему правительству

о приезде в Москву и имеретинского царя с семьей и свитой¹, а также Юхана-Габриэля Спарвенфельда, впоследствии видного шведского ученого-лингвиста и историка, тогда — еще молодого хофюнкера и дипломата, прибывшего в 1684 году в Москву в составе посольства К. Юлленшерны, И. Клингстедта и О. Стаккельберга. После возвращения посольства на родину Спарвенфельд с разрешения Карла XI остался в Москве, поделившись позже в своем замечательном дневнике впечатлениями от пребывания и путешествия по России в 1684—1687 годах, в том числе о встречах и дружественном общении с царем Арчилом, с которым его роднило, как теперь выясняется, совпадение научных интересов².

Совпадение, общность научных интересов послужили основой и взаимоотношений Арчила II и одного из тогдашних бургомистров Амстердама, выдающегося голландского ученого-востоковеда и путешественника Николая сына Корнелиуса Витсена, с которым, видимо, неслучайно познакомили грузинского царя его московские друзья Ю.-Г. Спарвенфельд и И.-В. Келлер. Еще молодым дипломатом Н. К. Витсен в 1665—1666 годах посетил Россию в составе голландского посольства, возглавлявшегося Якобом Бореелем. Как бы в ознаменование 300-летия этого события сравнительно недавно, в середине 70-х годов, мой голландский коллега профессор Пит де Бьюк осуществил красочное издание трехтомника дневника и путевых записок Витсена, составленных им во время пребывания в России. Это — свод уникальных по своему содержанию наблюдений молодого голландского ученого за многими особенностями тогдашней жизни и быта русского народа. Одновременно в «Записках» усматриваются более чем определенные востоковедческие наклонности их автора.

После 60-х годов XVII века Витсену, который до конца своей жизни сохранил самые дружеские отношения с русскими государственными деятелями и, особенно, с Петром I, так и не довелось побывать в России, в силу чего он лично не был знаком с царем Арчилом, а только переписывался с ним. Несмотря на наличие всего двух сохранившихся писем грузинского царя — поэта и историка — голландскому ученому,

¹ Полный текст перевода реляции И.-В. Келлера на русский язык публикуется в конце статьи в виде приложения.

² Д. Л. Ватейшвили. Ю.-Г. Спарвенфельд и начало грузинского книгопечатания в России — «Скандинавский сборник», XXXII, 1988.

можно предположить, что благодаря переписке с ним Витсен располагал не одним интересующим его «востоковедческим» сведением, получившим отражение в первом издании его известного труда «Северная и Восточная Татария» (1692 г.), в котором имеется целый раздел о Грузии. Но совершенно исключительной по своему значению была помощь, оказанная Арчилу Витсеном в деле изготовления грузинского шрифта в Амстердаме, за что грузинский царь особо благодарил бургомистра в одном из дошедших до нас писем к нему. В рукописном отделе университетской библиотеки Амстердама, в фонде переписки Витсена хранятся дубликаты этого послания на голландском и французском языках, а также письмо Витсена к своему другу, мэру города Девентера Гейжберту Куперу. В этих документах не только прокомментировано содержание послания Арчила к Витсену, но и расшифрована неясно написанная в грузинском оригинале письма фамилия барона И.-В. Келлера, познакомившего их.

По рекомендации Витсена выполнить отнюдь не простой заказ грузинского царя взялся уже известный к тому времени резчик букв и словолитчик Никола Киш (правильнее: Миклош Киш Тотфалуши), по происхождению венгр из Трансильвании. Его мастерская находилась на Блюменхрахтен — в околотке амстердамских мастеров печатного дела, рядом с мастерскими его учителя Дирка Фоскенса и прославленных голландских книгопечатников Иоганна Блау, братьев Эльзевир и других. Именно здесь, на Блюменхрахтен, создавал Миклош Киш пуансоны и матрицы грузинского шрифта, преодолевая при этом немалые трудности. Сохранились два письма этого амстердамского резчика букв к Ю.-Г. Спарвенфельду как посреднику в деле изготовления грузинского шрифта (от 12 ноября 1686 г. и от 17 января 1687 г.), которые проливают некоторый свет на целый ряд этих трудностей³. Как выясняется, главная из них заключалась в том, что рукопись с графическим изображением грузинского алфавита была выполнена, как полагал Миклош Киш, небрежно, по крайней мере недостаточно четко. Это обстоятельство мешало мастеру досконально разобраться не только в начертаниях отдельных грузинских букв, но и постичь их «природу» и пропорции, особенно в связи с расположением знаков алфавита при необычной трехпо-

³ Два письма Миклоша Киша Тотфалуши к Ю.-Г. Спарвенфельду на латинском языке находятся в рукописном отделе городской библиотеки Линчепинга.

лосной (т. е. на трех уровнях) системе грузинского гражданского письма. Содержание вышеупомянутых двух писем не оставляет сомнения в том, что между заказчиком, посредником и исполнителем заказа велась оживленная переписка с пересылкой оттисков выполненных Миклошем Кишем различных образцов грузинских букв для их апробации заказчиком, что подтверждает уже начальная фраза его первого из сохранившихся писем к Спарвенфельду (от 12 ноября 1686 г.): «Вот еще образцы букв, изготовленных в большинстве в самое последнее время...». Тем не менее, переписка амстердамского мастера со Спарвенфельдом свидетельствует о том, что при создании пуансон и матриц грузинского шрифта ему очень мешало отсутствие непосредственного контакта с заказчиком или с кем-либо из его компетентных представителей. В его втором письме к Спарвенфельду (от 17 января 1687 г.) есть такие строки: «Если бы кто-нибудь из них приехал сюда, не было бы этих трудностей и неудобств, которые мешают нашей договоренности. Недостойно их считать такое (серьезное) дело детским развлечением».

Независимо от того, что Арчил и его сподвижники считали изготовление грузинского шрифта за границей архиважным и насущным своим делом, возможность отправки в Амстердам своего полномочного компетентного представителя, к сожалению, появилась у них не ранее 1697 года (имеется в виду участие Александра Арчиловича в «Великом посольстве» Петра I), когда Миклоша Киша Тотфалуши там уже не было. В 1689 году он покинул Амстердам и переехал в Трансильванию, в свой родной город Клуж, где и скончался в 1702 году. Но архивные и другие фактические данные, в том числе оттиск с тремя разновидностями грузинского церковного (заглавного «асомтаврули» и строчного «нусха-хуцури») и гражданского («мхедрули») шрифтов, изготовленных Кишем, который в рукописном отделе амстердамской университетской библиотеки обнаружил и 15 июня 1980 года в будапештской газете «Непсабадшаг» опубликовал венгерский ученый-семитолог Роберт Дан, подтверждают, что трудный заказ царя Арчила был им выполнен. Незадолго до отъезда из Амстердама на родину готовые пуансоны и матрицы грузинского шрифта мастер отправил посреднику Ю.-Г. Спарвенфельду⁴. Впрочем он мог и непосредственно получить их от Миклоша Киша, ибо, как об этом свидетельствуют биографические данные Спарвенфельда, именно в 1689 году ему довелось быть в Амстердаме, ког-

да он совершил поездку с научными целями по некоторым европейским городам.

Так или иначе, история изготовления грузинского шрифта в Амстердаме на этом не заканчивается: ее продолжение с завершением будет изложено ниже, вслед за вторым сюжетом грузинско-голландских отношений последней четверти XVII века — участием грузинского царевича Александра Арчиловича Бапратиони в «Великом посольстве» 1697—1698 годов. В пояснение того факта, что старший сын эмигрировавшего из Грузии в Россию имеретинского царя Арчила Александр принял участие в этом грандиозном русском посольстве, направленном в Западную Европу, да еще и на правах одного из самых высокопоставленных его участников, следует сослаться на некоторые эпизоды из его биографии. В начале 80-х годов XVII века, когда семья Арчила II находилась еще в Астрахани и ожидала дальнейшего определения своей судьбы в условиях эмиграции в России, русское правительство от имени воцарившихся после кончины Федора Алексеевича двух малолетних царей Иоанна и Петра Алексеевичей согласилось на приезд в Москву по просьбе грузинского царя двух его сыновей Александра и Мамуки. Прибыв в Москву в 1684 году и опередив приезд туда же своих родителей и других членов семьи более чем на один год, Александр с самого начала пребывания в столице России был принят в узкий круг друзей юного российского венценосца и своего сверстника Петра Алексеевича. Таким образом, Александр Арчилович не только оказался непосредственным участником всех «потешных» военных игр и других развлечений молодого Петра Алексеевича, но и стал его ближайшим другом. Со временем он занял высокое положение в когорте единомышленников и сподвижников Петра I.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в условиях весьма напряженной в то время политической обстановки при российском царском дворе, когда единоборствовали между собой различные придворные политические группировки, прибывший в Москву Арчил II, как и подобало достойному предста-

¹ На основе обнаруженных Даном оттисков некоторые грузинские историки П. Сихарулидзе — Документы к истории грузинско-шведских отношений, в сборн. «Мегиоброба», Тб., 1981; Г. Шарадзе — Миклош Киш Тотфалуши и грузинская типография. Тб., 1982; склонны полагать, что эти пуансоны и матрицы, не будучи использованы, остались в Амстердаме и были утрачены.

вителю грузинского царского рода Багратиони, занял нейтральную позицию. Именно в силу этого он не воспрепятствовал инициативе царевны Софьи Алексеевны, стоявшей во главе придворной оппозиционной партии Милославских, породниться с ним, выдав за его старшего сына, царевича Александра Арчиловича, свою ближайшую родственницу Феодосию Ивановну Милославскую, дочь Ивана Михайловича Милославского. Брак этот, оказавшийся кратковременным из-за кончины Феодосии Ивановны в 1689 году, отнюдь не сказался отрицательно на личных взаимоотношениях Петра I и Александра Арчиловича, настолько они были спаяны дружбой сверстников-единомышленников, которая и впоследствии выдержала не одно жизненное испытание. Более того, после смерти Феодосии и казни ее отца Петр I все движимое и недвижимое имущество И. М. Милославского, включая обширные подмосковные и нижегородские вотчины, именным царским указом закрепил за царем Арчилом и царевичем Александром с правом наследственного владения. Предоставление такого права не лишено было основания: в 1693 году, как теперь установлено, у Александра Арчиловича, который повторно женился лишь накануне отъезда из Москвы «Великого посольства» в 1697 году на Гликерии Элизбаровне Давитишвили (1675—1723), родилась внебрачная дочь Софья (1693—1747). Она вышла замуж в год смерти своего деда Арчила или двумя годами позже (1713 или 1715 г.) за его воспитанника, наследника владетельного князя Мегрелии Георгия Левановича Дадiani (1683—1765) и оставила немалочисленное потомство, которое отчасти и воспользовалось предоставленным Петром I правом наследственного владения имуществом предков.

Примерно с того же времени, то есть с середины 90-х годов XVIII века, Александр Арчилович предстает одним из активных и последовательных участников начального периода реформаторской деятельности Петра I. Наиболее наглядным свидетельством этого являются фактические данные о его пребывании в составе «Великого посольства», насчитывавшего до 250 человек. Посольству был придан отряд так называемых волонтеров в 35 человек, который возглавлял «комендор» князь А. М. Черкасский. Его подчиненными считались как сам царь, участвовавший, как известно, в посольстве инкогнито под именем «бомбардира Петра Михайлова», так и трое из волонтеров, которые почти безотлучно находились при нем, — Александр Багратиони, Александр Данилович Меньшиков и брат его Гаврила Данилович.

По наблюдениям знаменитого философа Г.-В. Лейбница, в каждом отдельном случае Петра при встречах с европейскими венценосцами неизменно сопровождал царевич Александр Арчилович Багратиони (Имеретинский). Эти наблюдения совпадают с подробным описанием в «Статейном списке», в частности, встречи Петра I с курфюрстиной Ганноверской Софьей и ее дочкой курфюрстиной Бранденбургской Софьей-Шарлоттой — ученицей и приятельницей Лейбница. Петр I вместе с царевичем Александром Арчиловичем прошли в замок через черный ход. Во время торжественного приема и ужина, как отмечается в «Статейном списке», «за столом сидели: в первом месте один Преображенского полку начальной человек, по праву сторону его курфистрыня, по левую — мать ее, подле матери — курфистрынин дядя арцух Целский Георгий Вилгелм, подле его великие и полномочные послы, подле курфистрыни братья ее Георгий Людовик, другой Максимус, воевода цесарских войск, третей Эрнестус Августус, да царевич меретинской: при столе стояли жены и девицы высоких домов».

Как свидетельствуют современники за время передвижения «Великого посольства» по Западной Европе и его пребывания в Голландии, равно как и за весь предыдущий и последующий периоды их общения вплоть до трагической кончины Александра Арчиловича в Швеции, Петр I неизменно подтверждал свое в значительной степени более чем покровительственное отношение к грузинскому царевичу, которое иначе чем искренней любовью к верному другу и единомышленнику не назовешь.

В заандамской церковной книге за 1697 год, хранящейся поныне в замечательном музее этого города, называемом «Домик Петра», имеется любопытная запись от 18 августа, согласно которой в этот день неподалеку от верфей Заандама поселился прибывший сюда инкогнито молодой русский царь с шестью сопровождавшими его лицами. Из них двое уже известны нам. Это — Александр Арчилович Багратиони и братья Александр и Гаврила Меньшиковы. Из другой записи в той же церковной книге, сделанной спустя почти четыре месяца — 25 декабря того же года, узнаем, что среди сопровождавших Александра Багратиони в зарубежной поездке числился, в частности, «Георг Фредерик Хейланд, из Тюрингена, хирург и камердинер московского принца Алексия (должно быть, Александра — Д. В.) царизевича (должно быть, царевича — Д. В.), который здесь находится, прибыв вместе с царем». Если предположить, что четвертым в свите Петра I был этот «хирург-

камердинер» Александра Арчиловича, то пятым также предположительно мог быть волонтер Александр Кишин, исполнявший уже тогда обязанности денщика-телохранителя при Петре.

Для овладения по возможности в сжатые сроки теорией и практикой кораблестроения, а также искусством ведения морского боя большинство молодых волонтеров «Великого посольства» были направлены в различные учреждения и ведомства Голландии. Среди них оказались и самые приближенные к царю Петру братья Меншиковы и Александр Арчилович Багратиони, который с учетом его наклонностей и способностей был предназначен для изучения «бомбардирского», то есть артиллерийского дела. В письме от 31 августа 1697 года Петр сообщал Ф. Ю. Ромодановскому среди прочего и о том, кто из молодых участников русокого посольства каким профессиям обучался в Голландии. Как указывается в письме «Александр Арчилов поехал в Гагу бомбандирству учиться»⁵.

Как известно, на протяжении всего пребывания в Голландии, Петр I, независимо от соблюдавшегося им своего инкогнито, встречался со многими государственными деятелями и деловыми людьми страны пребывания, в том числе особенно часто с Н. К. Витсенем, которого с полным основанием можно считать одним из вдохновителей «Великого посольства», большим и искренним почитателем молодого русского царя.

Среди тех, с кем он встречался в Голландии, особо следует отметить видного военного деятеля этой страны генерала Менно фон Кухорна, являвшегося одним из главных руководителей артиллерийского ведомства Голландии. Это тот самый Менно фон Кухорн, который прославился своей острой полемикой по проблемам баллистики с известным французским теоретиком артиллерийского дела генералом Вобаном. Несомненно, что Петр I, увлекшийся также теоретическими и практическими вопросами осады городов и крепостей противника с моря, в том числе огромной ролью при этом корабельной артиллерии, был в курсе этой полемики. Можно предположить, что при встрече Петра I с Менно фон Кухорном присутствовал и Александр Арчилович, который «бомбандирству» обучался в артиллерийском ведомстве возможно именно под его руководством. Доподлинно известно лишь то, что некоторое время спустя после стажировки в Гааге Александр Арчилович курс обучения искусству артиллериста прошел также и в Утрехте, где его наставником

⁵ Письма и бумаги Петра I, т. 1, № 181.

был капитан от инфантерии Ян Гошка. Обо всем этом узнаем из так называемой «Расходной книги» русского посольства в том ее разделе, где говорится, кому какая сумма и в связи с чем была выплачена по указанию царя за время пребывания посольства в Голландии⁶. Как комментирует интересующее нас место из указанного источника известный историк петровской эпохи М. М. Богословский, артиллерийскому капитану Яну Гошке, у которого в Утрехте учился бомбардирскому делу царевич имеретинский Александр Арчилович, дано 1 ноября за его обучение 50 золотых и пара соболей в 20 рублей⁷.

Ясно, что в приведенной выше и других выдержках из «Расходной книги» речь идет о чертежах и образцах (по-видимому деревянных) пушек, которые, надо полагать, по совету Александра Арчиловича, как ответственного за артиллерийские дела, приобретались в Голландии по указанию Петра наряду с большим количеством огнестрельного оружия и снаряжения для флота⁸.

Но в «Расходной книге» нет даже намека на какие-либо денежные издержки грузинского царевича в связи с якобы повторным изготовлением в Амстердаме грузинского шрифта под наблюдением самого Александра Арчиловича, как ошибочно полагают некоторые современные грузинские историки. Между тем в этом не было нужды хотя бы потому, что незадолго перед приездом сюда царевича Александра уже изготовленный Миклошем Кишем грузинский шрифт еще не успел поступить по назначению — к заказчику и постольку невозможно было судить о его достоинствах либо недостатках, тем более — о необходимости его повторного изготовления. Это подтверждается приводимым далее рассказом о дальнейшей судьбе амстердамского грузинского шрифта. Но культурный аспект деятельности Александра Арчиловича в Голландии сказался в другом: как и следовало ожидать, на протяжении всего периода пребывания в Амстердаме он постоянно общался с Николой сыном Корнелиуса Витсенем, принявшим, как уже известно, большое участие в удовлетворении просьбы царя Арчила в связи с проблемой грузинского шрифта. Документов, подтверждающих это общение, не сохранилось, кро-

⁶ Архив МИД СССР, ф. кн. Австрийского двора. № 47, л. 27, 53.

⁷ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. 2, 1941, Л-д, с. 275—276.

⁸ Там же, с. 257—273.

ме второго письма царя Арчила к бургомистру Амстердама, в котором он благодарил адресата за гостеприимство, проявленное к его сыну, прибывшему в столицу Голландии вместе с русским посольством. А о том, что взаимоотношения Витсена и Александра Арчиловича переросли рамки гостеприимства и благодарности за него и вылились в подлинно творческое гуманитарное сотрудничество, позволяет судить содержание второго издания (1705 г.) уже упоминавшейся книги Витсена «Северная и Восточная Татария». Благодаря новой информации об историческом прошлом грузинского народа, полученной Витсеном в результате регулярных встреч и бесед с Александром Арчиловичем, раздел о Грузии в новом издании его книги, в отличие от предыдущего (1692 г.), не только уточнен, но и дополнен более обстоятельными сведениями о грузинах, в том числе и этнографического характера, — об их традициях, нравах и обычаях. Но, пожалуй, самым ценным дополнением этого раздела второго издания книги Витсена явился представленный здесь довольно объемный для первого опуса голландско-грузинский словарь, составленный при непосредственной помощи Александра Арчиловича, не говоря уж об опубликованных здесь же портретных изображениях Арчила II и его шурина, Николая Давидовича (картлийского царя Ираклия I). Следует отметить, что после выхода в свет в 1629 году в Риме «Грузинско-итальянского словаря» Никифора Ирбаха и Стефано Паолини, «Голландско-грузинский словарь» Николы сына Корнелиуса Витсена и Александра Багратиони был значительно более скромной, но все же второй публикацией лексикографического труда по грузинскому языку.

Завершающий эпизод грузинско-голландских отношений последней четверти XVII века связан с участием Александра Арчиловича в поездке Петра I по приглашению Вильгельма III Оранского в Англию. Эта поездка, проходившая в русле политических интересов «Великого посольства», осуществлялась морским путем по маршруту: Амстердам — Дельфт — Лейден — Мааслюйс — Брилле — Гельветслюйс — Орфорд — Лондон. В Гельветслюйсе Петра I встретила английская эскадра под флагом вице-адмирала Митчела, которая и доставила русского царя и сопровождавших его лиц (всего 27 человек) в столицу Англии 11 января 1698 года. Согласно просьбе Петра, их разместили в трех небольших скромных домиках на берегу Темзы, один из которых он занял сам вместе с шестью самыми приближенными к нему членами посольства, о которых выше уже было сказано.

Подробности о двух визитах английского короля Петру I сообщал своему двору в депеше от 18/28 января цесарский резидент Гофман. «В прошлую пятницу, — писал он, — король перед тем, как отправиться в парламент, совершенно икогни-то сделал визит царю... и застал его не одетым, в одном только жилете. Датский принц сделал также визит, причем это свидание происходило стоя. Царь еще не отдал ответных визитов. Его образ жизни совершенно необыкновенный. Он спит вместе с так называемым князем Александром (Имеретинским), с одним медиком и еще с тремя или четырьмя лицами в одной небольшой комнате...».

Весь последующий период почти месячного пребывания Петра I в Лондоне прошел в ответных визитах царя, посещениях театров, оперы, Сити, Вестминстерского аббатства, Тауэра, достраивавшегося тогда собора св. Павла, в прогулках на яхте по Темзе, встречах с государственными и церковными деятелями, деловыми людьми, в том числе с известным адмиралом маркизом Кармартеном и позднее с епископом Солсберийским Бернетом, а также в других мероприятиях, в которых, как правило, рядом с Петром находился царевич Александр Багратиони. Среди ответных визитов самым значительным был торжественный прием, устроенный в честь русского царя в королевской резиденции — Кенсингтонском дворце, некоторые подробности которого тот же резидент Гофман сообщал цесарскому двору: «Третьего дня в воскресенье (20 января) после полудня, в 4 часа царь впервые отдал королю визит в Кенсингтоне в сопровождении только двух лиц (один из которых был Александр Арчилович — Д. В.) и здешнего адмирала, который его сюда привез (Митчела). Король говорил с ним по-голландски, и он в своих ответах почти всякий раз предупреждал переводчика, знак, что он достаточно знает язык. Ни гвардия и никто другой ничего не знали о его визите. Он был одет в московское платье». Замечание Гофмана об одежде царя на этом приеме симптоматично в том смысле, что, как отмечали Лейбниц и другие современники — очевидцы пребывания «Великого посольства» в Западной Европе, царевич Александр всякий раз, когда он сопровождал Петра I на официальных приемах, был облачен в национальную грузинскую одежду, соответствующую его сану.

Покинув Лондон, Петр примерно с середины февраля обосновался в Дептфорде, где его привлекали расположенные там королевские верфи. 2 марта в сопровождении Александра Арчиловича и других спутников он предпринял поездку на двух

яхтах вниз по Темзе в соседний Вулич, который славился акцентр английского артиллерийского дела: здесь находились артиллерийские заводы и арсенал. Поездка представляла огромный интерес, прежде всего для грузинского царевича, прервавшего в связи с отъездом в Англию свои занятия в Голландии по изучению «бомбардирской» науки. В Вуличе царь и его сподвижник по пушечной части были приняты начальником артиллерийского ведомства Англии графом Сиднеем Ромни — личным другом короля Вильгельма III Оранского, который в его карете нанес в Лондоне визит вежливости новопривышему Петру I. Граф Ромни в 1690 году являлся статс-секретарем, в 1693 — вице-королем Ирландии, а ко времени встречи в Вуличе с царем и Александром Арчиловичем занимал уже новую высокую должность генерала-фельдцейхмейстера Англии. Любопытно отметить, что в вышеприведенных фактических данных из биографии Сиднея Ромни первое и последнее сведения (личный друг короля и занимавший должность генерала-фельдцейхмейстера) перекликались с аналогичными данными из биографии Александра Арчиловича Багратиони.

Петр съездил еще в Портсмут и принял участие в маневрах флота одной из ведущих морских держав мира. По возвращении в Лондон Петр интересовался деятельностью Гринвичской обсерватории и Монетного двора, где, как предполагают, имел встречу с профессором Кембриджского университета и исполнявшим в то время обязанности директора Монетного двора Исааком Ньютоном.

По прибытии в Амстердам сопровождавшие Петра волонтеры, в том числе царевич Александр, продолжили занятия каждый по своей ранее определенной специальности. Однако неожиданное развитие событий в России, в частности, мятежнический приход стрельцов в Москву, о чем извещали последние письма из России, а также намерение цесаря заключить мир с турками, способствовали ускорению отъезда «Великого посольства» из Голландии. На обратном пути в Россию Петр I все-таки побывал в Вене, где провел важные переговоры с императором Леопольдом I, чешским канцлером графом Кински, венецианским послом Пудзини и другими по консолидации антитурецких сил. Однако планировавшаяся поездка в Венецию не состоялась в связи с поступившим из Москвы известием о стрельцком бунте, что заставило Петра спешно отправиться в Россию через Моравию и Польшу.

Вернувшись домой, в Москву, Александр Арчилович, естественно, поделился в семье впечатлениями о долговременном

своём пребывании в Западной Европе, в том числе встречах и общении с Н.-К. Витсенем, которые, как уже известно, оказались столь взаимопользными. Царь Арчил, с большим вниманием, помощью и поддержкой, оказанными его сыну, считал себя обязанным выразить особую благодарность Витсену в своём втором из сохранившихся писем к бургомистру Амстердама. Письмо было отослано адресату после того, как в 1699 году, утратив уже веру в возможность возвращения имеретинского престола, Арчил окончательно обосновался в Москве вместе с семьёй. На этом грузинско-голландские связи последней четверти XVII века завершаются.

В качестве краткого послесловия или эпилога к нашему повествованию следует рассказать о том, каким образом сложилась дальнейшая судьба грузинского шрифта, изготовленного в Голландии, а также судьба самого Александра Багратиони. По возвращении из заграничного путешествия в Москву многие из участников «Великого посольства» получили назначения в соответствии с профессиональными навыками, приобретенными ими в Голландии. Александр Арчилович был назначен Петром I на впервые учрежденную в иерархии российского государства должность генерала-фельдцейхмейстера с предписанием «ведать всеми делами пушкарского приказа». Иными словами, грузинский царевич Александр Багратиони стал первым маршалом артиллерии России и руководителем соответствующего ведомства страны. Согласно документальным данным он энергично взялся за реорганизацию «пушкарского приказа» и весьма отсталого от европейского уровня русского артиллерийского дела. Но на этом поприще Александр Арчилович, к сожалению, не многое успел совершить: в самом начале Северной войны, в 1700 году, под Нарвой, он вместе с некоторыми другими русскими генералами и войсковыми соединениями попал в плен к шведам и более 10 лет провел в качестве военнопленного в Стокгольме и Линчёпинге.

Это непредвиденное обстоятельство привело к тому, что пуансоны и матрицы грузинского шрифта, изготовленные в Голландии Миклошем Кишем и хранившиеся в Стокгольме у посредника Ю.-Г. Спарвенфельда, стали достоянием сына заказчика — пленного грузинского царевича Александра Арчиловича. Дело в том, что Спарвенфельд, получивший матрицы и другие принадлежности грузинского шрифта из Голландии еще в 1689 году, не смог осуществить их пересылку в Москву по следующим причинам: с 1688 по 1699 годы царь Арчил находился в Грузии, добиваясь восстановления своих

прав на имеретинский престол; позднее пересылке принадлежностей грузинского шрифта из Стокгольма в Москву, воспрепятствовало осложнение политических отношений между Швецией и Россией, переросших вскоре в затяжную Северную войну. Эти препятствия были преодолены лишь после того, как в столице Швеции в качестве высокопоставленного русского военнопленного оказался царевич Александр. Друг и почитатель его отца, придворный церемониймейстер Карла XII Ю.-Г. Спарвенфельд оказал царевичу большую не только моральную, но, думается, и материальную помощь, в частности, в деле отливки грузинского шрифта в Стокгольме и его доставки в Москву.

Обнаруженные мной в последнее время в архивах Швеции документы, небольшая часть которых была включена в научный оборот и прокомментирована еще в середине 30-х годов шведским и грузинским историками К. Бьёркбомом и Х. Г. Шарашидзе⁹, свидетельствуют о том, что в 1701—1702 годах в стокгольмской типографии Генриха Кайзера III на основе пуансон и матриц Миклоша Киша Тотфалуши были отлиты три разновидности грузинского церковного шрифта. В той же типографии были сделаны оттиски с этих разновидностей грузинского алфавита, грузинских текстов молитв «Отче наш» и «Дево Мария, радуйся», а также начала духовного произведения Симеона Полоцкого «Слово в день введения (во храм) пресвятыя богородицы» в переводе на грузинский язык Александра Арчиловича Багратиони и некоторых других текстов¹⁰. На одном из оттисков с вышеотмеченными разновидностями церковного алфавита и двумя молитвами, в правом нижнем углу находится печатная маргиналия самого типографика Генриха Кайзера III, которая гласит: «Представленные выше три грузинских алфавита и шрифт (т. е. печатный текст — Д. В.) с титлами и знаками (препинания) здесь, в Стокгольме, отбиты в матрицы и отлиты, а также доведены до совершенства, как это здесь показано, Генрихом Кайзером»¹¹.

⁹ Х. Г. Шарашидзе. Грузинский шрифт в Амстердаме «Труды Государственной публичной библиотеки Грузинской ССР им. К. Маркса», III, 1937.

¹⁰ Более подробно см. Д. Л. Ватейшвили. Отчизны верные сыны. К биографии Арчила и Александра Багратиони. «Сабчота хеловнеба», 1978, № 4.

¹¹ Рукописный отдел библиотеки университета г. Упсаль (Швеция),

В печатной маргиналии речь идет именно о матрицах грузинского шрифта, изготовленных в Голландии. В этом убеждает и выдержка из дневниковых записей Ю. Г. Спарвенфельда, в которой, в частности, сказано: «Титульный набор для георгианского или грузинского шрифта уже отливается по моему заказу здесь в Стокгольме для принца имеретинского у младшего Крюйсера...¹², литеры получают похвального качества. ...В (изготовлении шрифта) участвует мастер Никлас Кис... достойнейший, царский заказ будет выполнен целиком и полностью»¹³.

Согласно архивным данным выясняется, что увесистый пакет с готовыми типографскими принадлежностями для грузинской печати уже осенью 1701 года был доставлен пленному грузинскому царевичу. С этого времени Александр Арчилович с помощью Спарвенфельда неустанно добивался разрешения шведских властей на пересылку грузинского шрифта в Москву, к своему отцу, у которого уже была готова к изданию одна из частей Библии. Поскольку в условиях шведско-русского военного противостояния такая пересылка была весьма затруднена, не говоря уже о том, что доставка по почте кружным путем обошлась бы слишком дорого, шведские власти решили «сыскать упомянутому принцу (т. е. Александру Арчиловичу — Д. В.) доставщика, какого-нибудь купца, с которым и переслать пакет в Англию или Голландию, а оттуда затем и далее». Надежная оказия для доставки грузинского шрифта из Стокгольма в Москву, как теперь выясняется, все-таки появилась, но не ранее начала 1704 года. Об этом позволяет судить обнаруженный мной в стокгольмском архиве грузинский автограф письма самого Александра Арчиловича к родителям и сестре, датированный 24 ноября 1704 года. В его заключительной части, обращенной к отцу, есть фраза: «Прибыл ли к вам Марута, в целости ли доставил печатню и каковы матрицы, сообщите»¹⁴.

Таким образом, сомнения не только в «преемственности» стокгольмского грузинского шрифта и оттисков от амстердамских грузинских пуансон и матриц, но и в их отправке из

¹² Имеется в виду типографщик Генрих Кайзер III (младший).

¹³ Рукописный отдел городской библиотеки г. Линчепинга.

¹⁴ Полный текст этого письма, выявленного в одном из фондов стокгольмского государственного архива с приложенным исследованием и иллюстрациями см. в журнале «Сабчота хеловнеба», 1978, № 4, с. 63—67.

столицы Швеции в Москву, надо полагать, лишаются всяких оснований. Упомянутый в письме «Марута», как удалось установить на основании известного труда Н. Витсена¹⁵, оказался армянским купцом, неоднократно наезжавшим из России в Амстердам по торговым делам, который, по-видимому, был близок к семье царя Арчила. Неясным остается лишь то, каким маршрутом был доставлен грузинский шрифт в Москву — кружным или непосредственно из Стокгольма в Архангельск и далее до Москвы.

В цитированном выше письме Александра Арчиловича обращает на себя внимание вопрос — «каковы матрицы?» Думается, вопрос не был случайным, ибо судя по оттискам, сделанным в Амстердаме и Стокгольме на основе грузинских матриц Миклоша Киша, можно заключить: значительный труд, проделанный за границей по созданию грузинского шрифта, все-таки нуждался в доработке и приведении, по возможности, в соответствие с принятыми нормами грузинской письменности и правописания.

Решение этой задачи взял на себя сам царь Арчил, который вскоре после получения от сына соответствующей информации о реальной возможности пересылки из Стокгольма в Москву грузинского типографского оборудования (матриц и шрифта), предпринял некоторые подготовительные меры к изданию первой грузинской книги в России. Пересылка грузинского шрифта с принадлежностями из Стокгольма в Москву имела место, как уже отмечалось, в начале 1704 года. В пользу доставки посылки Александра Арчиловича по назначению свидетельствует тот факт, что, согласно архивным данным, именно в этом году в Московской казенной типографии возобновилась работа по отливке грузинского шрифта, которую под непосредственным руководством царя Арчила осуществил известный русский типографщик (словолитчик) М. Ефремов¹⁶. Удачному на этот раз решению проблемы создания грузинского шрифта, возникшей перед русскими типографщиками еще в 80-х годах XVII века, а также изданию в 1705 году в Москве «Давитни» — первой грузинской печатной книги в России, надо думать во многом способствовали изготов-

¹⁵ Н. К. Витсен. Северная и Восточная Татария, (см. именной указатель и примечания).

¹⁶ Более подробно об этом см. в статье П. Сихарулидзе «Грузинская первопечатная книга в Москве», «Литературная Грузия», 1985, № 4, с. 199—205.

ленные в Амстердаме и доставленные сюда пуансоны и матрицы грузинского шрифта, которые в Московской типографии были использованы в качестве образцов¹⁷.

Создание грузинского шрифта за границей и его выход в свет в Москве «Давитни» явились значительным событием в истории грузинской культуры. Его инициаторами были царь Арчил и царевич Александр Багратиони. Однако эта инициатива вполне могла оказаться бесплодной, если бы не энергичная поддержка со стороны Петра I, и таких видных государственных и культурных деятелей Западной Европы, какими являлись Иоганн-Вильгельм Келлер, Никола сын Корнелиуса Витсен, Юхан-Габриэль Спарвенфельд, равно как и выдающийся венгерский мастер типографского дела Тотфалуши Миклош Киш.

Несомненно, что, наряду с созданием крупного очага грузинской культуры и просветительства в Москве, более широкий круг грузинских деятелей-патриотов преследовал и главную свою цель — способствовать основанию первой типографии в столице самой Грузии, что и было осуществлено в Тбилиси, в 1709 году.

Изложенная здесь история — наглядное свидетельство не только того, что в последней четверти XVII — начале XVIII веков грузинская культура, находясь в европейском русле развития, предприняла значительные шаги по пути прогресса, но и того неопровержимого факта, что достижениям грузинской культуры того периода весьма способствовало благоприятное развитие как русско-грузинских, так и грузинско-западноевропейских культурных отношений, в том числе грузинско-голландских связей последней четверти XVII века.

РУССКИЙ ТЕКСТ РЕЛЯЦИИ И.-В. КЕЛЛЕРА

Высокомочные господа,

мой господа, наконец, сюда (в Москву) приехал господин Кристоффел фон Кохен, посол Его Королевского Величества Швеции (который в связи с болезнью на несколько дней задержался в

¹⁷ Таким образом, Александр Арчилович Багратиони оказался косвенным, но активным участником издания в 1705 г. первой в России грузинской печатной книги «Давитни»: он лишь в 1710 г. был обменян на пленённого русскими войсками под Полтавой шведского премьер-министра Карла Пипера и скончался на пути в Россию в городе Питео на северо-востоке Швеции (похоронен в 1711 г. в Москве, Донском монастыре).

дороге). Он намерен обосноваться здесь, при дворе, как ординарный министр-резидент и, таким образом, постоянно отстаивать интересы своего короля и господина.

В ближайшее время ожидают одного датского посла. Говорят, в связи с этим посольством Е. К. В. Дании... с этой целью намеренно вызвал из Венеции господина Хилдебрандта ван Хорна, который уже два года исполняет здесь эти обязанности и успел приобрести многих друзей посредством дорогих подарков и банкетов. Когда посол прибудет, несомненно, выяснится, какие у него намерения, и будет возможно принять надлежащие меры.

Между тем, при каждой доставке сюда, ко двору, почты из Польши поступают дурные вести, а именно, что между двумя польскими полководцами имеют место постоянное соперничество и несогласия; сподвижник [одного из них] по просьбе и указанию своего принца отправился в Молдавию, но оказался там в столь тесном окружении турок и татар, что едва сумел под покровом ночи спастись со своим войском водным путем, оставив весь обоз. Тем самым он пожертвовал всей близлежащей областью Волынией, с которой вышеназванные противники обошлись весьма жестоко, полонив и угнав многие тысячи жителей. Польский курьер, прибывший ко двору несколько дней назад, сообщает, что великое посольство, о котором вы ранее уже поставлены в известность, появится здесь три или, по крайней мере, четыре недели спустя и что непосредственно за ним следует еще одно посольство (римского) кесаря¹. Надеюсь узнать, что предполагают эти посольства и сумею об этом известить вас, Высокомочных, незамедлительно.

На прошлой неделе с большими почестями принимали здесь господина царевича², князя Грузинии и Измелитии³, расположенных вблизи персидских областей. Он греческого вероисповедания и, не имея возможности сопротивляться далее мощи персидского короля (который желал супругу и дочь вышеупомянутого князя, являющихся чрезвычайно красивыми женщинами, заполучить в свой сераль), вошел со всей своей семьей под покровительство Их Царских Величеств. Этому князю примерно пятьдесят лет, и он весьма знаменит своей храбростью и великой способностью к руководству в военных делах, поэтому он здесь в большом почете. Да, эти страны и государства время от времени могли бы быть полезными к [царской] службе. Здесь откровенно говорят о

¹ Император Священной Римской империи.

² Должно быть «царя».

³ Искаженное название Имеретии.

возможном союзе между нашим младшим господином царем⁴ и вышеупомянутой молодой принцессой⁵.

Господин князь Василий Васильевич Голицын, премьер-министр Их Царских Величеств, оказал мне честь и тем самым вам, Высокомочным, послав в связи с этими событиями за господином Спатариусом, переводчиком с латинского языка, и предписав найти удобное место для лучшего наблюдения за всеми этими церемониями и торжествами. Господин Алмазов, который недавно был послом во Франции, повсюду здесь расхваливает гостеприимство и высокую степень вежливости, оказанные ему в Голландии. Через упомянутого господина Спатариуса он дал мне знать, что намерен первым нанести мне визит и одновременно поблагодарить за оказанную ему благожелательность. С чем, завершая, остаюсь со всем почтением глубоко признательный вам, Высокочтимым, за святое заступничество перед богом, покорнейший ваш, Высокомочных господ, слуга

И.-В. ван Келлер

Москва, 15 декабря 1685.

Получено (в Гааге — Д.-В.): 22 января 1686 г.

⁴ Имеется в виду Петр Алексеевич.

⁵ Имеется в виду Дареджан Арчиловна.

Леван СУЛАКВЕЛИДЗЕ

ГОРЫ НЕ ПРОСТЯТ...

Многочисленные стихийные бедствия, обрушившиеся в последнее время на весь мир, объясняют обычно капризами природы, забывая, что причины этих «капризов» в большинстве случаев обусловлены нашими непродуманными действиями. Например, чем вызвано глобальное потепление климата (по мнению ученых, к 2030—2040 годам возможно повышение температуры в среднем на 3—5 градусов, а в полярных районах она превысит этот показатель в 2—3 раза, в результате чего можно предвидеть подъем уровня океана на 5—7 метров), что в свою очередь привело к частым ливневым дождям, тайфунам, цунами, засухам (на территории СССР в XV веке число засушливых лет было 12, в XVI — 20, в XVII — 34, XIX — 40, а в XX — уже 57), подъему уровня океана (на протяжении последних ста лет он поднялся на 10—20 сантиметров) и другим негативным явлениям? В основном взаимодействиями двух групп явлений. С одной стороны, потеплению климата способствуют экстенсивное развитие производства, выбрасывающего в атмосферу ежегодно 22 миллиарда тонн двуокиси углерода, попросту — углекислоты, а также вредные выхлопы транспорта, работающего на бензине (только в ФРГ машины в год в среднем жгут 25 миллиардов литров бензина и «выстреливают» в воздух 3,4 миллиона тонн углекислоты), загрязнение воздуха мельчайшими частицами пыли в результате эрозии почвы (из-за эрозии в мире ежегодно выходят из строя в среднем 6 миллионов гектаров земли; человечество уже потеряло значительно больше земельных площадей, нежели то количество — 1,5 миллиарда гектаров,

— которое оно использует в настоящее время; в Советском Союзе сильно эродировано или подвергается эрозии 152 миллиона гектаров, то есть две трети пахотных земель). Все это в совокупности с загрязненным воздухом создает так называемый «парниковый эффект».

С другой стороны — широкое использование фреонов (эти вещества применяются для изготовления целого ряда синтетических материалов, для распыления помещенных в специальные баллоны лаков, красок и дезодорантов, в авиации, в противопожарном деле, в холодильных установках и др.), полеты на большой высоте в стратосфере (17—40 километров) сверхзвуковых самолетов и другие факторы привели к «утонению» защитной озоновой оболочки Земли (количество озона в атмосфере составляет всего 0,0006 и весит 3,2 миллиарда тонн; по некоторым данным из-за загрязненности воздуха за последние 12 лет толщина озонового слоя уменьшилась на 4 процента) и появлению в ней так называемых «дыр» достаточных размеров (площадь недавно измеренной озоновой дыры над Антарктидой составила почти 10 миллионов квадратных километров; для сравнения — это несколько меньше территории Европы или приблизительно равно территории Соединенных Штатов Америки). В силу этого возросло проникновение в атмосферу ультрафиолетовых лучей, что наряду с повышением температуры вызывает рост заболеваемости злокачественными опухолями и тяжелыми глазными недугами.

Каковы, например, причины активизации эрозийно-селевых процессов, возникновения оползней, лавин? Их немало. Назовем некоторые.

Перегрузка пастбищ (почти половина наших пастбищ и сенокосов — 175 миллионов гектаров — в той или иной форме подвержены эрозии; из-за перегруженности пастбищ именно у нас образовалась первая пустыня Европы площадью примерно в 1 миллион гектаров, и ежегодно она увеличивается на 50—60 тысяч гектаров).

Интенсивная вырубка лесов (в не столь отдаленном прошлом лес, занимавший значительную часть поверхности Земли, сейчас сохранился лишь на 40%; тропические леса — легкие нашей планеты — занимающие 7% суши, где представлены 80% всех растений и животных, а приматов — 90%, ежегодно за счет вырубки сокращаются на 11—15 миллионов гектаров, вследствие чего в этот же период пустыня уже господствует на 6 миллионах гектаров; в Советском Союзе ежегодно «теряется» 2 миллиона гектаров леса; в Грузии только

в 1911—1917 годах уничтожено до 344 тысяч гектаров леса и т. д.).

Необдуманное и неорганизованное строительство дорог в горах — чрезмерная «нагрузка» на горные склоны за счет сооружений различного назначения и их некачественное строительство и др.

Одним словом, «нрав» и «капризы» стихии во многих случаях связаны с нашими «деяниями» в той или иной сфере.

В настоящей статье речь пойдет о неоправданном и непродуманном строительстве некоторых объектов в горных регионах и о тех неблагоприятных явлениях, которые могут быть вызваны его некачественным выполнением. Осветить все аспекты этой проблемы, естественно, невозможно, но нельзя не сказать и о том, что так волнует и огорчает нас сегодня. Понятно, что строительство коммуникационных, бытовых, лечебных, культурно-просветительных объектов или защитных сооружений против паводков, эрозии, лавин, селей всегда мотивировано улучшением бытовых условий живущего здесь населения и гарантированием его защиты от стихийных бедствий. Но всегда ли мы осуществляем эти благие намерения без нанесения значительного ущерба «интересам» природы?

Прежде чем коснуться этой стороны вопроса, с самого же начала необходимо отметить, что горные регионы, которые, как правило, не нуждаются ни в какой технической косметике и украшательстве, не выносят ни нарушения их самобытности и ритма жизни (поэтому каждое вмешательство в их «жизнь» должно быть всесторонне взвешенным, осмысленным и наименее болезненным), ни спешки и аритмии в строительстве, ни неоправданной экономии средств, чем, к сожалению, страдает не один одобренный для строительства проект, ни «уплотнения» сроков, а также, мягко говоря, недодачи «кое-чего» из предназначенных для строительства материалов и т. д.

Нарушение этих законных «требований» горных регионов — основная причина тех неблагоприятных явлений (иногда и необратимых), которые часто имеют место после завершения строительства объектов различного назначения. Сегодня нам как воздух нужны не только глубоко продуманные, хорошо разработанные и прошедшие экспертизу на экологию проекты, но и «заложенные» в сооружение объекта элементарные честность, порядочность и совесть.

Как показали полевые наблюдения в течение 35 лет, в большинстве случаев именно некачественное строительство яв-

ляется причиной преждевременного выхода из строя сооружений. Экспедициями Грузинского научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации (ГрузНИИГим) было установлено, что в различных регионах нашего горного края возведенные для защиты дорог и сельскохозяйственных угодий гидротехнические сооружения — плотины небольшой высоты (барражи — запруды), дамбы, селеспуски — при прохождении внезапных паводков и грязекаменных (селевых) потоков зачастую не оправдывают своего назначения или вовсе выходят из строя именно по причине некачественного строительства (понятно, существуют и другие веские основания).

Немало и таких примеров, когда грешат совместно проектная и строительная организации. В нашей заботе о будущем совершенно необходимо резкое повышение требовательности к одной и к другой организациям. Я не сторонник того, чтобы плохого строителя наказывали согласно кодексу, существовавшему в древнем Вавилоне в XVIII веке до нашей эры при правившем тогда царе-реорганизаторе Хаммурапи, — немедленная смертная казнь, но ведь и «партийное взыскание» — тоже мера, вызывающая лишь горькую улыбку. В самом деле, бесконтрольность, поверхностность решений, принятых, как говорится, наобум, безалаберное и беззаботное отношение к делу, резкое падение дисциплины и утрата чувства ответственности, недопустимо малая оплата труда инженера-строителя (не говоря уже об остальных специалистах) и другие факторы свели на крайне низкую ступень — особенно в горных регионах — качество строительства объектов разного назначения. Тяжелые последствия подобной практики мы остро ощущаем теперь.

Сегодня уже всем известно, что политика администрирования, командно-приказной стиль управления, экстенсивный характер развития производительных сил, экономический диктат организаций союзного подчинения и министерств, невежество, склонность к гигантомании (это, к сожалению, проявляется и в настоящее время) и другие пороки довели Грузию и вообще весь Советский Союз до опасного, необратимого предела экологической катастрофы, до локального и регионального экологического кризиса.

Думается, нужно, чтобы все знали, чьим «детищем» является тот или иной объект, во время строительства которого (или после его завершения) нанесен значительный ущерб окружающей среде. Поэтому на всех значительных объектах, сооружаемых в горах, должна быть соответствующая вывеска

с указанием, помимо даты начала и окончания строительства, фамилий руководителей проектной и строительной организаций. Возможно, это в какой-то мере повысит чувство ответственности причастных к этому делу людей.

Представляется также целесообразным остановиться на некоторых вопросах, имеющих отношение к строительству различных объектов в том или ином горном регионе Грузии и вторжению их в мир природы. Начнем с дорог. Древние римляне говорили: *via est vita* — дорога это жизнь. У нас в горах в основном строятся дороги 4-й категории (а иногда и вне всяких категорий). На первый взгляд, мы строим весьма экономичные дороги и не осуществляем никаких мер (или проводим их в незначительном объеме) по упрочению равновесия склонов, или по укреплению тех из них, где оно уже нарушено. Естественно, природа в этом случае реагирует соответственно: сползанием и соскальзыванием отдельных участков склонов, деформацией проезжей части дороги, активизацией эрозионных процессов и других неблагоприятных явлений, с которыми уже необходимо бороться, вкладывая новые, причем, крупные капиталовложения. Следует хорошенько задуматься над тем, что повторное или, нередко практикуемое у нас, запоздалое вмешательство с целью исправить положение, как правило, не приносит соответствующего результата. Во многих странах мира на строительство дорог расходуется 2—4 процента национального дохода, а у нас по Союзу этот показатель составляет всего 0,3 процента.

В горах прокладка дороги зачастую осуществляется вдоль какого-либо узкого ущелья, и по-прежнему ради «сиюминутной» экономии применяется изживший себя, но глубоко укоренившийся в строительной практике прием, когда срезанный прунт сыпается прямо в ущелье. При этом, помимо повреждения с трудом сохранявшихся на склоне кустов и деревьев, возникают искусственные земляные насыпи в русле, которые в отдельных случаях выполняют роль направляющих дамб. Это «вынуждает» реку переместиться к другому берегу и энергично «атаковать» находящийся в равновесии склон, разрушая его. А на склоне с подрытым основанием обычно следует ждать сползания участка, где в пойме снова создается новая земляная дамба, вновь перебрасывающая течение воды в сторону первоначального берега, только несколько ниже по течению. Эти «игры» могут происходить по всей длине ущелья. В итоге оба склона, находившиеся до строительства дороги «в добром здравии», оказываются с «пробитой грудью». Главное,

же, что отдельные участки дороги, проложенной вдоль ущелья, рушатся, требуют восстановительных работ, строительства подпорных стен. Словом, расхода времени, финансов, строительных материалов.

Пора осознать, что стоимость прокладываемых в горах дорог должна минимум в 5—8, а то и больше раз, превышать затраты на сооружение аналогичной дороги в условиях равнины (имеется такой опыт в Австрийских, Швейцарских, Французских или Итальянских Альпах и других горных странах).

Прокладка дорог в горах должна проходить под девизом «почти навечно». Это особенно актуально для Грузии. Поэтому в этом деле требуется высочайшая ответственность и высококачественный уровень производства работ с учетом неукоснительного проведения всех необходимых мероприятий (подпорные стены, озеленение, водосборные и водоотводящие каналы и т. д.). Здесь не место показному энтузиазму и отжившему лозунгу «быстро и дешево».

Прокладка дороги предполагает нанесение ландшафту болезненной раны. Следовательно, все должно быть осмыслено и заранее продумано — как для осуществления самой «операции», так и для ускоренного «залечивания» причиненных повреждений. Нельзя больше цепляться за изжившую себя традицию, когда все проекты сооружения дорог без всякого гласного обсуждения осуществляются с учетом интересов только проектной и строительной организаций. Сегодня строительство каждой транспортной артерии республиканского значения или коренная реконструкция существующей должны стать предметом обсуждения грузинской общественности, особенно компетентных в вопросах экологии организаций. В республике уже сделаны весьма обнадеживающие шаги в этом направлении. Даже устройство внутренних сельских дорог надлежит осуществлять на основании решений соответствующих заседаний райисполкомов, а не по прихоти какого-либо влиятельного лица.

При строительстве мачт для линий электропередач высокого напряжения или магистральных газопроводов часто прокладывают временные дороги, сводя до минимума проведение ландшафтозащитных мероприятий, что, как правило, обуславливает нарушение существующего здесь экологического равновесия и развитие необратимых процессов.

Еще совсем недавно с Северного Кавказа по сложнейшей трассе шла подача в Грузию газа по трубам диаметром 700 миллиметров. Это, бесспорно, следствие плохого прогнозирования и снова продиктовано сиюминутной экономией. Не так дав-

но с целью улучшения снабжения предприятий и населения «голубым» топливом приступили к прокладке нового газопровода из труб уже диаметром 1200 миллиметров. Тянули новую трассу в основном рядом со старой — расстояние между трубами обеих трасс преимущественно составляет всего 5—20 метров. Вновь наносится «рана», на этот раз еще более глубокая и широкая, да еще по незажившему шраму. Что ждет нас в будущем? Неужели опять проведение новой трассы? Или опять нескончаемая перекройка ландшафта? Ведь действуя так, одновременно можно уничтожить два уникальных ущелья!

Разве недостаточный повод задуматься о том, что в одном регионе и тем более — в одной полосе помещены две магистрали? В горах, как правило, в одном ущелье можно проложить лишь один магистральный газопровод, причем максимальный диаметр труб должен быть как можно меньше, а толщина стен как можно больше, чтобы не прибегать к использованию сверхтяжелых машин. И без того для данной полосы это смертельно: коррозия неизбежна, для замены труб придется растрезожить то одну полосу вдоль магистрали, то другую, потом снова вернуться к первой — и так без конца. Это не позволяет не только провести на высоком уровне, но и вообще осуществить работы по озеленению в данной зоне, чтобы вернуть ее к жизни. При прокладке газопровода или при сооружении объекта любого назначения в горных условиях невозможно избежать появления где-нибудь на склоне трещины, даже царапины, которая в дальнейшем превратится в канавку, потом в желоб, рывтвину и наконец в овраг — если, конечно, с самого же начала не принять мер для предотвращения этого.

К счастью, основная часть газопровода тянется вдоль берегов рек Терека, Арагви и проходит на небольшой высоте от поймы, что препятствует развитию оврагов снизу. Что касается формирования оврага, то есть роста вершины, то тут это «ограждается» самым обслуживающим персоналом в целях безопасности магистрали, но на отдельных участках склонов по направлению трассы ничто не препятствует их размыву, сползанию и т. д. А эта беда влечет за собой вторую — когда трубы, транспортирующие «голубое» топливо, повисают в воздухе, отчего возникает — и неоднократно — критическая аварийная ситуация. Ликвидация ее требует проведения срочных тяжелых, напряженных работ по «заземлению» газопровода. Неизбежны и дополнительные затраты строительных

материалов, а на подступах к месту аварии снова приходится «тревожить» природу. Этот процесс может продолжаться до бесконечности. Поэтому в период строительства газопровода с самого же начала должны быть предусмотрены все те меры (конечно, при ощутимом удорожании), которые исключат возможность развития подобных явлений (укрепление склонов, озеленение и др.) и позволят избежать нескончаемых перманентных затрат, значительно превышающих предварительные, то есть деньги надо вложить в начале строительства.

Примечательно, что при этом эксплуатационной службе понадобится намного меньшее количество работников.

Если мы, с учетом сказанного выше, сегодня же не начнем внедрять передовую технологию, изыскивать и использовать экологически чистые внутренние энергетические источники (ветер, солнце, термальные воды, малые реки и др.), не начнем строго соблюдать подлинный режим экономии, производства и труда, нам будет очень трудно (а, может быть, и вовсе окажется невозможным) осуществить переход республики на рельсы самофинансирования, а вместе с этим полной экономической и культурной независимости.

Нельзя не отметить, что при защите тех или иных объектов от различных видов неурегулированного горного стока (паводки, грязекаменные потоки) почти всегда прибегают к половинчатым мерам. Чаще всего отказываются от единовременных и значительных капиталовложений или же осуществляют строительство поэтапно и в течение длительного времени.

В период сооружения берегозащитных дамб в большинстве случаев стремятся применить дорогостоящие конструкции (бетон, железобетон) и редко прибегают к габионам, которые можно «устроить» без подъездных дорог. В самом деле, что за проблема доставить на место «плетеную корзину»? А камней в Грузии хватает в поймах почти всех рек. Помимо ощутимой экономической выгоды применение габионов значительно ускоряет проведение берегозащитных работ. Конечно, не везде габионы можно использовать, но и пренебрежение ими, что в последнее время наблюдается в гидротехническом строительстве, никак не может быть оправдано.

Часто у нас забывают, что «обуздать» горную реку строительством лишь одной или двух плотин небольшой высоты, барражей, — невозможно. Как показала мировая практика, достичь желаемого результата в сжатые сроки позволит каскадное строительство барражей по всей длине ущелья от истоков до устья да еще при условии одновременного проведения

целого ряда комплексных мер — организационно-хозяйственных, агротехнических, лесомелиоративных и т. д. Пока не всегда это удается, особенно в случаях, когда мы имеем дело с рекой, с мощными селевыми очагами.

Из зарубежной практики можно привести множество примеров, когда совершенно «безнадежным» ущельям была возвращена жизнь только благодаря проведению комплексных мероприятий. Сегодня одно лишь пренебрежение этой аксиомой является причиной того, что «одинокие» сооружения в весьма короткий срок заполняются речными наносами или вообще выходят из строя. Тогда они лишь причиняют еще больший вред окружающей среде, особенно, если неправильно выбрано место для установки барражей. Часто установка одного-двух барражей не оправдывает себя и в деле защиты отдельных участков дороги. Или второй пример — как можно на всех притоках даже хотя бы одной материнской реки в одном регионе, которые должна пересечь дорога, строить мосты одного типа и одинаковых размеров? Если и строить один тип мостов, то размеры надо устанавливать, исходя из соответствующих полевых наблюдений, на основе знания природы всех притоков и расчета некоторых параметров. Стандартизация далеко не везде оправдана. Нельзя не учитывать, что каждый приток, каким бы малым он ни казался, имеет свое «я», тем более если это водоток селевого характера, что легко установить даже при поверхностном осмотре его конуса выноса.

И действительно, не столь уже дешевое мостостроительство на реке Тэтри Арагви показало всю несостоятельность подобного подхода. Во многих случаях даже одноразовый вынос грязекаменного потока полностью забивал пропускное пространство однопролетного моста и достаточно широко «перешагивал» на проезжую часть дороги. В итоге на длительное время перекрывалось движение транспорта и требовались дополнительные средства на расчистку этого отрезка магистрали и подмостного пространства, не говоря уже об убытках, связанных с простоем транспортных средств. А работы по очистке осуществлялись в таком объеме и, как правило, на таком коротком промежутке (опять-таки с целью мнимой экономии!), что расположенному выше моста, уже достаточно приподнятому руслу искусственно придавался сравнительно малый уклон. А это повышает возможность повторения описываемого выше явления. Только на правом притоке Тэтри Арагви — Млетисхеви — на протяжении последних 25-ти лет мной были зафиксированы три таких случая. Но, видимо, по-

добные явления происходят еще чаще, поскольку в настоящее время дорога отведена от реки и идет по новой трассе.

Следует отметить, что «пересечение» притоков селевого характера всегда выгоднее осуществлять однопролетными мостами, которые располагают значительной шириной и высотой пропускной «щели». Однако, если угол наклона направляющих дамб в отношении оси потока подобран неправильно, руслу под мостом не придан больший уклон, чем естественный, выполнение всего комплекса строительных работ не будет приурочено к благоприятному — неселевому — периоду (с октября по май), что требует быстрого темпа, все пойдет на-смарку.

Просто диву даешься, когда по милости некоторых чрезмерно ретивых деятелей разного рода объекты размещают в самых неподходящих местах. Так, в связи с 200-летием Георгиевского трактата мемориальный комплекс, посвященный Сулхан-Саба Орбелиани, был возведен на конусе выноса реки селевого характера Надибаант-Хеви, то есть была заранее запрограммирована гибель этого сооружения. Случилось то, что должно было случиться. Природа (в данном случае селевой поток) распорядилась по-своему, круто изменив замысел авторов.

Или такой вопрос, как выселение отдельных деревень из наших горных регионов с целью защиты их от стихийных явлений (сель, паводок, лавина), а также чрезмерная «загрузка» склонов новыми постройками, тесно увязанная с проблемой демографической. В первом случае возможно сохранить села, возникшие издревле на местах, определявшихся на прогяжении десятков, если не сотен, лет. Но мы избегаем ответственности и не столь уж дорогого строительства в сложных условиях, невыгодного строительным организациям. Вопрос переселения ни в коем случае не должен решаться на уровне одного или двух специалистов, да и то одной отрасли. Решающее слово за группой опытных специалистов, состоящей из геолога, лесовода-почвовода, горного мелиоратора-гидротехника, географа-историка, гидролога. Если бы в целях защиты населения от паводков, селей и снежных лавин переселение всегда было бы оправдано, Французские, Швейцарские, Итальянские и Австрийские Альпы сейчас были бы и вовсе незаселенными. А ведь там проживают 9 миллионов человек, да еще ежегодно отдыхают примерно 40 миллионов приезжих. Как показал опыт — и отечественный, и особенно названных стран — выход есть. Он — в широком проведении комплексных гидротехни-

ческих и организационно - хозяйственных мер. Иногда их реализация может и не потребовать временного отселения жителей. Именно с помощью этих мер «одним ударом» под силу решить самое меньшее три проблемы: сохранение древних сел и самых «выгодных» очагов для роста численности местного населения; восстановление нарушенного экологического равновесия (или консервация существующего); и, наконец, использование по целевому назначению сельскохозяйственных угодий в долинах, куда предполагалось переселение (следует помнить, что на душу населения в Грузии приходится всего 0,15 гектара пашни).

О нецелесообразности беспричинного переселения свидетельствует и тот факт, что покинутые деревни и дороги разоряются чрезвычайно быстро. Сенокос или пастбище попадают в руки пастуха-временщика, который хищнически эксплуатирует эти угодья. А в горах (особенно в горах!) эрозионные процессы и другие неблагоприятные явления будут активно и бесконечно развиваться, пока мы не вернем землю извечному ее хозяину — крестьянину.

Одно из важных соображений не в пользу переселения, как указывалось ранее, это — ожидающееся в XXI веке глобальное потепление климата. Оно вызовет подъем уровня океанов и затопление отдельных участков Колхидской низменности. Может случиться так, что за короткий период мы потеряем значительную часть горных регионов и низменности. Поэтому надо сейчас же присмотреть за горными районами, чтобы в дальнейшем суметь, подобно Голландии, провести соответствующие мероприятия по сохранению равнины. В Голландии сейчас построены дамбы общей протяженностью 450 километров, и не будь их, под слоем воды толщиной в 3—7 метров оказалось бы больше половины земельного фонда и две трети населения. После того, как 31 января 1953 года большой шторм на море и поднявшиеся реки разрушили часть защитных дамб, расположенных на отдельных территориях, вода покрыла 145 тысяч гектаров земли, а число жертв дошло до 2 000 человек, был разработан специальный проект по защите под названием «Дельта». Его осуществление продолжалось 30 лет и обошлось государству в 650 миллионов долларов. В настоящее время на ежегодное укрепление дамб и их эксплуатацию им затрачивается 23 миллиона долларов. Короче, нам с самого же начала следует избежать ожидаемую «битву на два фронта».

Теперь — о нагрузке склонов различными сооружения-

ми. Часто практикуется выделение (или самовольное «узаконение») мест для поселения на склонах, которые еще до начала строительства находились в предельном равновесии. После же возведения на таких склонах домов, причем преимущественно с тяжелым, монументальным, сплошным фундаментом, массивными глухими стенами — налицо искусственный и, иначе не скажешь, насильственный перевод поверхностного стока в глубину почво-грунта. Этому иногда способствуют и остатки корней выкорчеванных деревьев.

Кроме того рост численности жителей неизбежно ведет к вырубке лесов для строительства, созданию дополнительных пахотных площадей, перегрузке пастбищ и усилению эрозии, прокладке оросительной сети и подъездных дорог. И неудивительно, что в таких условиях ускоряется развитие катастрофических явлений. В самом деле, как быть склону, имеющему достаточную крутизну, которому еще при прокладке подъездной дороги «прокопали» основу, «навыючили на спину» «непривычную» для него тяжесть, а потом пропитали все «тело водой», чем еще больше увеличили вес «ноши»? Понятно, что ему ничего не остается, как «лечь», что выражается в сползании и срыве. Можно привести много примеров такой разгрузки склонов, но, думаю, достаточно упомянуть Аджарию. Таким образом, только тщательно продумав и осмыслив оба аспекта рассматриваемой проблемы, допустимо приступать к ее решению.

Встает, в частности, еще и такой вопрос: нужно ли ныне при строительстве в горных регионах повсеместно применять индустриальные методы? По моему глубокому убеждению, подход здесь не должен быть односторонним, как это было до сих пор — везде и во всем только индустриализация! К примеру, если вдоль реки, где следует дорога, необходимо возведение берегоукрепительных дамб или же для самой дороги нужны подпорные стены, естественно, выгодно использовать такие конструкции, которые дают возможность широко применить индустриальные методы, поскольку в этой ситуации вторжение в природу весьма незначительно.

Но совсем иной подход требуется, например, при регулировании имеющей малый бассейн горной реки с помощью гидротехнических сооружений поперечного типа. Или когда на склонах осуществляется возведение противолавинных сооружений... Стремясь к минимальному вторжению в природу (а это возможно), должно быть сделано все для применения легких, но надежных конструкций, которые позволяют ограничиться

имеющимися подъездными дорогами и незначительными по размеру строительными площадками. С целью охраны природы хорошо бы прибегать в строительстве к помощи ослов и лошадей (иногда и вертолетов), чтобы не проводить временных дорог, ответвляющихся от основной трассы и серьезно нарушающих «жизненные интересы» склона. В 1906 году, когда по инициативе Ильи Чавчавадзе на конусе выноса реки Дуруджи строились защитные дамбы, роль «КАМАЗов» и «МАЗов» выполняли несколько десятков ослов. Несмотря на очень малое количество «лошадиных сил» такого транспорта, строительство было осуществлено на высшем уровне. Сегодня, в пору технической революции, мне отнюдь не кажется анахронизмом этот якобы «отживший» вид транспорта, поскольку он способствует сохранению природы.

Как инженер-гидротехник не могу не высказать свои соображения по поводу строительства в Грузии высотных плотин. Скажу прямо, я не люблю высотных плотин не только потому, что они коренным образом меняют «фотогеничность» всей местности, где усиливается процесс «ныряния» в водохранилища отдельных участков горных склонов, выветренных на протяжении веков, что активизирует эрозионные процессы. Кроме того, меняется «установленный» ритм и характер жизнедеятельности прунтовых вод и фауна реки; растет количество осадков и величина влажности в этом регионе (что, впрочем, иногда надо и приветствовать) и теряется определенная часть лесов, пастбищ, сенокосов, и без того весьма ограниченная площадь пашни; продолжительность функционирования «жизни» водохранилища всегда короче расчетной (чем подчеркивается наше невежество), а его гибель сама по себе ужасна и потрясает своей непригодностью; ниже плотины (нижний бьеф) значительно нарушаются условия нормального существования ущелья, особенно же устья и прилегающей к нему территории; сама плотина обуславливает локального характера землетрясения и является «убийцей» резвых, «перескакивающих» с камня на камень, полных динамизма рек, поскольку после их покорения, подавления и затопления вода «заболевает» — протухает и становится прязной.

Не люблю я высотные плотины не только по перечисленным и многим другим отрицательным их свойствам, а в основном потому (если только недостаточно всего вышесказанного), что они вторгаются во все естественное, первозданное, и дамболовым мечом нависают над многочисленным населением, живущим ниже плотины в долине.

Касаясь же эстетической стороны, не могу не сказать, что «вставленная» в ущелье высотная плотина, особенно арочная, иногда выглядит, как драгоценный камень сказочных размеров, но чаще всего одновременно это монументально-импозантное сооружение на фоне первозданной красоты и естественной гармонии ущелья кажется чем-то гротескно-нелепым. Не могу не сказать и то, что несмотря на все приведенные выше негативные последствия возведения плотин, я все же предпочитаю гидроэлектростанцию атомным и теплоэлектростанциям, поскольку на сегодняшний день питающая ее плотина менее «агрессивна» и не угрожает моему ближнему, другу и соотечественнику «невидимым убийством», на которое способны атомные или теплоэлектростанции. Помимо этого созданное плотиной водохранилище служит источником водоснабжения, способствует развитию ирригации, рыбозаводству, «успокоению» внезапных паводков и наводнений и т. д.

Не менее важно и то, что будущую экономическую самостоятельность республики нельзя представить без мощной, при этом, собственной (это для нас особенно важно) энергетической базы.

Приведу такую статистику: на каждого жителя Соединенных Штатов Америки ежегодно затрачивается 13 тысяч киловатт, а в Европе, например, в Норвегии — 25 тысяч, Швеции — 16 тысяч, во Франции — 6 тысяч, Италии — 3 тысячи киловатт и т. д. У нас же в целом по стране средний ежегодный душевой расход составляет 5700 киловатт, в Эстонии — 11600. Армении — 4 200, в Грузии — 2 800.

В вышеназванных капиталистических странах потребность в электроэнергии ежегодно растет (не говоря уже о тех странах, которые испытывают острый дефицит электроэнергии), и эту потребность стараются удовлетворить пока еще в основном за счет строительства новых атомных станций. В мире сейчас работает более 400 энергоблоков АЭС, общая мощность которых 300 миллионов киловатт. Доля атомных электростанций в мировой энергетике сегодня велика. Так, в США 18 процентов всей вырабатываемой энергии дают атомные станции, во Франции — 70, Швеции — 50, Норвегии — 60, Финляндии — 37, Германской Демократической Республике — 30, Японии — 29, Южной Корее — 53, Венгрии — 39, Болгарии — 35, в Советском Союзе приблизительно 11 процентов.

И все же мы должны взять курс на гидроэлектростанции не только исходя из тех их положительных качеств, которые были отмечены выше, но и потому, что для таких станций у

нас много энергетической «пищи», а для теплостанций понадобится завозить огромное количество топлива, бесплатно же его никто нам не даст, да еще что делать с токсическими выбросами? А если для этого воспользоваться газом, то как быть с нашими еще негазифицированными населенными пунктами?

Атомные станции к тому же потребуют специальных «кладбищ» для захоронения остаточных радиоактивных веществ. Если отправлять этот «траурный кортеж» куда-нибудь в определенное место подальше, опять-таки это будет сопряжено с затратой значительных средств. И вот возникает вопрос: сумеем ли мы все это осуществить? И что произойдет с Грузией в случае атомной катастрофы? (Вспомним Чернобыль!).

Для будущей самостоятельности республики немедленно, уже сейчас, наряду с решением экологических проблем необходимо создать энергетическую базу достаточной мощности, без которой вообще нельзя представить прогресс и продвижение вперед. А сегодня у нас это неосуществимо без еще большего развития гидроэнергетики!

Поэтому я не считаю правильным «крестовый поход» части нашего общества против строительства плотин вообще. Надо только знать — где, как, чем и какой высоты их строить. Ясно одно: большое строительство в горах — большая рана для природы (а отсюда — и для нас с вами), которая иногда может остаться незаживающей.

В высокогорных, сравнительно недоступных регионах Грузии надо постараться воспользоваться опытом Чехословакии, где имеются даже 13-киловаттные станции, стоимость которых 4 500 рублей, а вес не превышает 90 килограммов. Такие миниатюрные гидроэлектростанции можно смонтировать всего за несколько часов.

Параллельно с развитием гидроэнергетики немедленно следует приступить к широкому развертыванию работ по использованию ветра, подземных термальных вод и других видов энергии. В США, например, ежегодно затрачивают 20—30 миллионов долларов на создание и внедрение новых конструкций по использованию энергии ветра. Предполагают, что там к 2000-му году из всей вырабатываемой энергии 20 процентов придется на долю ветровой. В настоящее время в этой стране работают 17 тысяч ветровых агрегатов.

Неприятие мелиорации некоторыми мало разбирающимися в проблеме гражданами в основном объясняется как некачественным строительством ирригационной сети во многих

регионах, так и низким уровнем ее эксплуатации. В действительности же именно глубоко продуманные, квалифицированно выполненные мелиоративные работы способны сегодня восстановить нарушенное в горах экологическое равновесие.

Вспомним еще раз Альпы. В этом регионе созданы горно-мелиоративные службы, которые сами проектируют, строят и эксплуатируют объекты, а также проводят разработанные ими же организационно-хозяйственные, агротехнические, лесомелиоративные и гидротехнические мероприятия. Благодаря этим службам стало возможным не только сохранить естественную красоту этого региона, но и остановить процесс экологического разлома, а во многих случаях — и вернуть жизнь «мертвым» участкам. Именно сегодня, как никогда, нам жизненно необходимы горные мелиораторы высокого класса, способные найти соответствующий «бальзам» для раненой природы и основательно ее подлечить.

И еще одно соображение. Хотя правительством было принято не одно постановление по охране природы и с этой целью сформирован специальный мощный орган — Комитет по защите природы и лесного хозяйства, нам все же не удастся осилить решение экологических проблем по всем спектрам, если в горах не будет прекращено гигантское строительство, не повысится резко качество сооружения объектов того или иного назначения. А самая большая преграда на пути реализации этих задач — это мизерная заработная плата строителей.

Мы не сможем осуществить объединение и консолидацию всей нашей нации, если не осознаем, что без природы нет Грузии и, что самое главное, пока не возвратим землю ее подлинному хозяину — крестьянину.

Чтобы привить грядущему поколению любовь к природе, немедля следует начать проведение в больших селах горного края, да и во всех районах республики специальных конференций, бесед об особенностях местного ландшафта, о способах его охраны. Причем эти мероприятия должны носить постоянный характер. Хорошо бы и в школах давать учащимся для письменных работ темы, касающиеся взаимоотношений природы и человека. Очень важно нацелить учащуюся молодежь на «зеленый поход» с целью озеленения деревьями и кустарниками эрозированных склонов, школьных дворов и подъездных дорог, расчистки берегов малых рек от мусора, помощи лесникам в охране лесов, в лечении больных деревьев и т. д.

А задача прессы, радио и телевидения — знакомить население с научно-обоснованными, аргументированными сооб-

ражениями заступников природы по существующим экологическим проблемам, а также о путях и методах их преодоления.

От вышеназванных организаций мы ждем последовательности и жесткости в принятии мер по отношению к тем, кто разрушает природу, и полной гласности, доступности для всех работы правоохранительных органов в этой отрасли.

И что самое главное, объединенными усилиями ученых немедленно надо создать крупномасштабную карту экологической ситуации Грузии. Об этом уже в 1988 году говорилось в одной из публикаций журнала «Мецниэреба да техника» (№ 8), где в качестве примера была приведена схема проведения мелиоративных работ в ущелье реки Тэтри Арагви. Карта эта должна отразить планируемые мероприятия с указанием этапов их выполнения.

Решающее значение приобретает сейчас скорейшее осуществление всего того, что направлено на спасение, сохранение и защиту природы, а, значит, и всех нас.

Гольди БЛАНКОФФ-СКАРР

ГРУЗИНСКОЕ ИСКУССТВО: ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ

Выбирая для своего выступления на симпозиуме столь обширную и сложную тему, как отражение системы ценностей в грузинском искусстве, я вполне осознаю опасность упрощенного подхода, а также вероятность многое упустить. Несмотря на то, что проблема эта далеко не нова, считаю ее своевременной для любого исследования, ставящего своей целью приблизить искусство и культуру к читателю. Прежде чем привести краткие цитаты из различных исследований на эту тему, хотелось бы упомянуть недавнюю публикацию Д. С. Лихачева «О русском», в которой автор пытается точно определить типичное и исключительное в эволюции русских художественных ценностей.

В 1982 году в трех номерах «Литературной Грузии» была помещена работа Пурاما Асатиани, в которой он предпринял попытку проделать то же на грузинском материале, делая особый упор на том, что грузинская литература являлась одновременно и зеркалом и двигателем в процессе отражения и развития основных позиций.

Тайны всегда притягивали людей и, начиная со второй половины XVIII века, периода бури и натиска, работ Гердера,

* Выступление на Международном симпозиуме по вопросам грузинского искусства в Тбилиси осенью 1989 года.

предшественников романтиков и позднее самих романтиков, ученые исследуют природу явления, получившего тогда название «национального гения». И хотя терминология с тех пор менялась, тема эта не потеряла своей злободневности и уместности по сей день.

Двадцатый век стал свидетелем быстрого развития ряда научных дисциплин, внесших определенный вклад в изучение системы ценностей и в отражение основных подходов. Прогресс в таких областях, как этнология, этнопсихология, этносоциология, этнолингвистика, этноистория, философия, антропология, литературная критика и история искусств способствовал наибольшему прояснению проблемы ценности во всех сферах человеческой деятельности, в частности, в области культуры, составной частью которой является искусство. Вероятно, решение загадки, и объективное, и субъективное, действительно лежит во взаимодействии этих и, очевидно, многих других дисциплин. Любое универсальное свойство великого искусства, литературы или музыки уходит своими корнями в национальное или этническое наследие. основополагающую роль в сохранении и передаче этого наследия играет коллективная память.

Это равно справедливо и для музыки, и для литературы, и для кино, а также для всех видов пластического или изобразительного искусства.

В течение последних нескольких лет этнологи занимались изучением феномена, названного «персонифицированное этническое сознание», которое, согласно Л. Дробышевой, цитирующей работы Б. Д. Паригина и А. А. Кожанова, определяет «осведомленность индивидуума о совокупности его этнических связей и его отношение к ним». Это одна из составляющих в структуре самосознания. Хотя изучение этнического самосознания дело весьма деликатное, были проведены сравнительные исследования сегодняшней позиции грузин, проживающих в Тбилиси, а также определенных этнических групп, населяющих другие места Советского Союза.

Результат оказался поразительным — различные категории грузин единодушно высказывали глубокую привязанность к своему языку (99 процентов объявляли грузинский своим родным языком, при этом 70 процентов считают язык основой культурных уз).

Но опрос показал и чрезвычайно высокое отношение к культуре в целом — сохраняемой в ритуалах и обычаях.

Помимо вопросов о языке в анкету были включены и вопросы, касающиеся семейных отношений, свадебных традиций, народной музыки, танцев и т. д.

Основным подходом грузин к своим традиционным, грузинским, ценностям является успешное продвижение вперед в профессиональных и других социальных категориях. Исследователи отмечали, что этническое самосознание, культурный образ, создаваемый нацией, этносом, может стимулировать феномен обратной связи, ведущий к созданию новых форм художественного выражения с этнической спецификой. Всеобъемлющая этническая культура является основой этнического самосознания и воплощением коллективной памяти нации. Эти отражения социальной и исторической практики, знания, принятых норм, ценностей и оценок определяют не только элемент этнического самосознания, но и представление о совокупности происхождения, исторической судьбы и территориальности. Чем более образован и активен индивидум, тем яснее его позиция в отношении своей этнической принадлежности.

Городская интеллигенция находится вне всякого сомнения в авангарде этого движения за возрождение определенных специфических традиционных элементов грузинской системы ценностей, истоки и основа которой вовсе не исчезли, но с самого начала находятся в постоянном развитии. Если творческий потенциал различных народов выражался одинаковым способом, эти народы, конечно же, не могут быть различными. В принципе, подобное исследование может быть проведено для многих этнических групп где угодно. Но предмет нашего разговора — Грузия, так что сосредоточим наше внимание на этой стране и поразмыслим о духовных источниках, питавших художников, писателей и музыкантов и наполнявших их творения, несущие печать индивидуальности автора, уникальности грузинской системы ценностей, пронесенной сквозь столько поколений.

Как уже отмечалось выше, система ценностей представляет собой развивающуюся динамичную совокупность индивидуальных элементов, взаимодействующих между собой различными способами и с различной интенсивностью, в зависимости от объективных и субъективных факторов. Грузинскому художественному гению удавалось усваивать привнесенное и вне и трансформировать его в часть собственной сущности, в результате чего возникает нечто новое и уникальное.

На раннем этапе развития грузинская культура испыты-

вала восточное влияние, влияние Запада столь незаметно растворялось в ней, что подчас невозможно было провести границу между первоначальным и приобретенным позднее.

Качество художественного выражения в грузинской культуре начинает отчетливо проявляться еще задолго до принятия христианства в IV веке.

Во время раскопок в Тианети были найдены предметы, датированные вторым тысячелетием до н. э., среди них выделяется золотая чаша великолепной филигранной работы, украшенная драгоценными камнями. Предметы эллинистской культуры, или созданные под ее влиянием, часто находят при раскопках в Западной Грузии, например, в Вани.

Неподалеку от Мцхета были найдены серебряные изделия санидского стиля. С установлением христианства Грузия, впитав в себя великие достижения восточной культуры, приблизилась к Европе, что создало условия для взаимообогащения. При этом были восприняты те качества христианской религии, которые оказались наиболее привлекательны для грузинского народа.

С другой стороны, такие черты, как высокомерие, нетерпимость, преследования и фанатизм всегда были чужды грузинскому образу жизни. Не будучи ни азиатами — в сравнении со своими восточными соседями, ни европейцами, сильно отличаясь от них, грузины находятся на пересечении различных культурных течений.

Как указывает Гурам Асатиани, было бы сильным упрощением утверждать, что Запад плюс Восток равняются Грузии, поскольку главный ключ к грузинскому национальному характеру лежит в смешении и синтезе восточного и западного в самой своей структуре. Я бы добавила, что этот синтез всегда проявляется через призму грузинского темперамента.

В чем же заключаются наиболее выдающиеся черты грузинского характера, сердцевина его ценностной системы? Литература, без сомнения, является для нас главным источником информации и наиболее раннее упоминание этого предмета относится к XVIII веку: в своем трактате «Обычай и манеры грузин» царевич Вахушти Багратиони делится следующими наблюдениями: «Они опрятны и хорошо одеты. Своих лошадей, оружие и обмундирование они содержат в хорошем состоянии. Они ловки и хорошо сложены, сладкоречивы, находчивы и пылки, храбры и сильны в драке, но при этом склонны внезапно впадать в отчаяние, этому же подвержены они и

в других областях их деятельности. Они щедры и расточительны, живут сегодняшним днем, не заботясь о завтрашнем утре, обожают песни и музыку; они искусные каллиграфы, многие из них обладают прекрасным голосом и другими разнообразными природными талантами.

По религии и языку они едины с карталинцами, но обладают более живой манерой разговора...» Далее — «они гостеприимны по отношению к знакомым и незнакомым, обладают бодрым веселым нравом, оказавшись вдвоем или втроем, они никогда не теряют возможности развлечься, они великодушны и расточительны, легко расстаются со своими вещами и никогда не думают о накопительстве; они умны, остроумны, эгоцентричны и любознательны... Они оказывают преданную поддержку друг другу, всегда помнят сделанное добро, но так же помнят и не прощают оскорбления.

Они быстро переходят от хорошего настроения к плохому, своевольны и честолюбивы, способны и льстить, и обижаться...»

Это, конечно, широкое обобщение, и понимать его следует именно так, поскольку персональные качества чи одного индивидуума не могут отвечать подобному описанию.

В другом месте Вахушти указывает на основные и вторичные противоречия в рамках отдельно взятого национально-го характера. Для лучшего постижения таких элементов как стремление к славе, любовь к счастливым социальным обстоятельствам, гостеприимство, щедрость, чувство солидарности, честь, гордость, глубоко укорененный индивидуализм, культ женщины, семьи, уважение к старшим — качества, которые грузины делят в некоторой степени с другими кавказскими народами, следует рассматривать в рамках дуализма человеческого существования. Наиболее полное и великолепное отражение этой двойственности мы находим в эпической поэме «Витязь в тигровой шкуре» — бессмертном творении Шота Руставели. Этот всемирно известный шедевр признается вершиной проникновения в сущность основных качеств грузинского характера и ценностной системы. Десятки тысяч страниц написаны об этом замечательном произведении, давшем начало сравнительно молодой области научных исследований — руствелологии. Рамки этого выступления позволяют коснуться лишь некоторых общих положений, способных пролить свет на интересующий нас сегодня предмет.

Идея дуализма может быть выражена противопоставлением различных понятий: тезис — антитезис, идея — форма

(см. у Гегеля), божественное — земное, идеальное — реальное, духовное — телесное, единство — множество. Для Шота Руставели божественное происхождение мира проявляется в его материальном существовании, отражающем, с одной стороны, единство и разнообразие — с другой. Духовность должна находить свое воплощение в земном. Это единство противоположностей следует понимать диалектически, поскольку именно оно лежит в основе внутреннего драматизма грузинского характера.

Важа Пшавела — прямой духовный наследник Шота, и вместе они лучше всего представляют органичное сочетание «духовного и телесного», и их союз порождает диалектическое взаимонапряжение.

Ограниченное самовыражение этих двух противостоящих сил препятствует одной стороне ослабить другую и главными философскими понятиями становятся два полюса так называемого «ограниченного идеализма» и «ограниченного реализма».

Несмотря на кажущееся манихейство, материальное не оказывается погрязнувшим в грехе, поскольку оно обладает собственной ценностью с точки зрения духовного, которому противостоит.

Перечисление некоторых основных ценностных категорий может вывести нас к более глубокому пониманию разнообразных форм грузинского искусства.

В античные времена грузины были известны в первую очередь как ловкие воины, и часто служили наемными солдатами у иностранных правителей.

В подавляющем большинстве негрузинских источников они характеризуются как «бесстрашные». Телесное здоровье и крепость духа культивировались как моральные и физические качества, а такие свойства, как стремление к успеху, жажда победы, по-видимому, уходят корнями в рыцарские традиции, высоко ценимые в средневековый период. Кроме того, в грузинском характере, бесспорно, присутствует примесь донкихотства. Для грузин чрезвычайно важно, какими они выглядят со стороны, и они часто ведут себя так, словно за ними наблюдает некая невидимая аудитория. В их поведении ощущается привкус щегольства. Они активно добиваются счастья, считая его достижимой целью земного существования. Счастье рассматривается как главная ценность и, согласно классическим философам, состоит из правды, красоты и добра, определяющих духовное совершенство человека.

Проявление счастья — разделенное изобилие, одним из воплощений которого является грузинское застолье. Гости пытаются увязать желаемое с действительным, идеал с реальностью. Грузин не отличается антисоциальностью, чайка чая в одиночестве для него не норма. Он стремится к счастью и хочет разделить его со всеми, добившись гармонии.

Наилучший пример ее — грузинская полифоническая хоровая музыка, где взаимодействие голосов составляет сущность гармонии целого.

Дружба и щедрость — вот два очень тесно связанных между собой понятия, занимающих ведущее положение в иерархии моральных ценностей. Как многие из нас могли воочию убедиться, грузинский стол предстает алтарем дружбы, освещенным теплым светом великодушия. Никто не станет оспаривать утверждение, что «грузин без друзей — это не грузин». Он стремится найти в друге те качества, которые будут дополнять его собственные, и типичным примером таких взаимодополняющих друзей были Тариэл и Автандил.

Ближайшими по отношению к дружбе в иерархии ценностей находятся сострадание, милосердие, проявления симпатии и жалости. Грузины могут подчас рассказывать о собственных неудачах и преувеличивать свои неприятности с целью вызвать сочувствие.

То, что в других культурах может быть сочтено за недостаток сдержанности и самообладания, здесь вовсе не считается сколько-нибудь неприличным и нескромным.

В сочувствии заложено общение, а это именно то, чего грузин ожидает в ответ, будучи уверен не только в своем праве на него, но и сам проявляя готовность ответить другому тем же.

Проявление сочувствия, берущее истоки в изначальной сущности характера, нашедшее свое подкрепление в христианском учении, типично для грузин. Классическая модель их представления о сострадании — финал поэмы Важа Пшавела «Змееед».

Одна из граней сочувствия — терпимость, поскольку понимание и симпатия разоружают ненависть.

Предметом гордости грузин является тот факт, что в отличие от других христианских стран, история Грузии не была отмечена религиозными распрями и преследованиями. Люди разного вероисповедания и происхождения находили прибежище в этой гостеприимной стране.

Невозможно исчерпать перечисление всех основных черт

грузинского характера, но было бы непростительно не упомянуть качество, не часто встречающееся у других народов: способность от всего сердца смеяться над самим собой, хохотать над собственными поступками.

Грузинские ценности в своей двойственности, противоречивости, многоплановости составляют сложную мозаику, и изъятие хотя бы одного элемента означало бы разрушение всей композиции.

Географическая, историческая, социологическая и психологическая аргументация не в состоянии дать представление обо всем. Человеческий характер не укладывается в рамки формулировок.

Какое отражение находят те подходы, стремления и ценности, о которых говорилось выше, в искусстве? Обратившись к грузинской культуре периода расцвета, начавшегося в конце X века и закончившегося в XIV, мы сможем уже отметить своеобразие и оригинальность черт, принесших признание этой стране. Грузинское искусство, черпая из многочисленных античных, византийских, восточных, западных источников, создало свой собственный неповторимый синтез в архитектуре, живописи, перегородчатой эмали, иконописи, прикладных и декоративных жанрах.

Первые памятники классической архитектуры датируются второй половиной X века. Собор в Ошки (950—960), храмы Баграта в Кутаиси (1003), Самтависи, Алаверди, Светицховели и другие свидетельствуют о золотом веке грузинского царства, где существовала четко разграниченная аристократическая социальная структура во главе с сильными князьями.

Точно расчисленная, весьма изысканная система декорирования этих памятников барельефами учитывает особенности климата и южного освещения. Эти же соображения присутствуют в прикладном искусстве, предметах роскоши, и в особенности, в чеканке, традиции которой восходят к работе по металлу, известной на Кавказе еще с бронзового века. Совершенство классических линий, изящество фасадных колонн, обтекаемые пропорции вертикалей, кружево лепных украшений на апсидах архитектурных памятников в Ошки (X в.) и Гелати (начало XII в.), а также в Светицховели, Алаверди, Самтависи и Икалто воплощают в себе грузинские идеалы красоты, и сложная система символов подчеркивает духовное назначение этих памятников.

Стилистически хотя и напоминающие византийские, а также романские храмы Запада своими ярко выраженными вер-

тикалями, они предвосхищают великие готические кафедралы в Европе.

Дух периода расцвета грузинской культуры нашел свое воплощение в камне этих зданий, как и в эпической поэме Руставели, и гармония стихов перекликается с гармонией зодчества.

Торжественное и чудесное переплетение голосов в грузинской полифонической хоровой музыке, сегодня по-прежнему звучащей повсеместно в Грузии, еще одно проявление этого духа.

Грузия еще в средние века перенесла несчетные набеги и суровые испытания, отрицательно повлиявшие на ее культурное развитие. Тем более замечательно, что страна оставалась приверженной своей системе ценностей во всех сферах жизни, и об этом свидетельствует также современное искусство.

Я хочу опровергнуть поверхностное сравнение Нико Пиромани с Анри Руссо, поскольку он был гораздо более грузином, нежели Руссо французом. В самом деле, живопись Пиромани в гораздо большей степени зеркало грузинской жизни, чем картины Руссо — французской.

Давид Какабадзе был предтечей современного искусства. Хотя ему удалось мастерски передать оттенки пейзажей Бретони, он оставался глубоко грузинским художником даже в Париже. То же самое справедливо и по отношению к Елене Ахвледиани, чья живопись может быть только грузинской. Очевидно, ее эмоциональность имеет два источника: она грузинка и женщина.

Щедрая и разнообразная живопись Ладо Гудиашвили известна весьма широко. Возможно, он был более универсален, чем его современники. Сатирические рисунки Гудиашвили напоминают графику Калло, Гойи, Домье и Хогарта, но и его работы обладают специфическим грузинским оттенком, проступающим в жизнелюбии автора, его чувственности, мастерстве линии, тематике. Более того, людей, изображенных на его картинах, можно найти только в Грузии.

Трудно перечислить всех художников XX века, чьи работы являют собой воплощение грузинского духа. Кроме упомянутых выше, можно назвать братьев Очнаури, а также юного Дато Крацашвили, безвременно ушедшего в возрасте 17 лет и оставившего после себя удивительно разнообразное наследие, свидетельствующее об огромном таланте, возвращенном на грузинской национальной почве.

Этот обзор никак нельзя было бы считать полным, если

не упомянуть заслугу грузинского кино в отражении и поддержании грузинской системы ценностей. Именно благодаря уникально грузинским качествам, наряду с раскрытием всеобщих, универсальных ценностей, грузинские фильмы стали столь популярными в Европе.

Картины грузинских кинематографистов завоевали многочисленные призы на многих международных кинофестивалях. Среди них такие фильмы, как «Кувшин», «Городок Анара», «Пиросмани», «Первая ласточка», «Отец солдата», «Мачеха Саманишвили», «Листопад», «Пастораль», «Сажены», «Несколько интервью по личным вопросам», «Перелет воробьев», «Пятно» и, конечно, замечательная трилогия Тенгиза Абуладзе «Мольба», «Древо желания» и «Покаяние». Произведения эти специфически грузинские и весьма тесно связаны с грузинским характером и системой ценностей. Чрезвычайно интересный пример — это огрузинивание сюжета «Мой дядя Бенджамен» в фильме «Не горюй!», в результате совершенно отличного от французской версии с участием Жака Бреля.

Невозможно до конца разгадать магическую тайну красоты, созданной человеческим гением, бросающим вызов любым попыткам художественных критиков измерить его и расчленить на составляющие. Попытки эти напоминают литографию Ладо Гудиашвили «За разгадкой тайны красоты».

В 20-е годы Давид Какабадзе убеждал грузинскую интеллигенцию в необходимости наладить тесные связи с прогрессивными течениями художественного творчества в других странах. Призыв этот актуален и сегодня, но при этом необходимо с повышенной бдительностью отнестись к распространенной по всему миру опасности международной стандартизированной массовой субкультуры, разрушающе действующей на настоящее искусство своим уравнительным подходом, результатом которого часто становятся запоздалое эпигонство и спекулятивная коммерциализация.

Грузинская система ценностей и основанное на ней грузинское искусство — источник и одновременно стимул для того, чтобы следовать своим собственным, оригинальным путем в искусстве и культуре. Но необходимо смотреть и в будущее.

Потребности и обстоятельства постоянно меняются, и ни одна культура не может развиваться в вакууме. Знакомство с ценностями других культур позволяет более сознательно относиться к своим собственным.

Как утверждает Дмитрий Лихачев, «культура связывает

народы мира. Чем выше культурный уровень нации, тем более нуждаются в этой культуре соседние страны и будущие поколения, и тем более необходимо для этой культуры «вбирать в себя достижения других».

Для дальнейшего расцвета грузинской культуры необходимы три направления:

сохранение и бережное отношение к грузинской специфике через осознание и переоценку ключевых моментов национальной системы ценностей, воплощенной в традициях;

стимулирование творчества через прямые контакты с культурными достижениями других народов (как в случае с Гудиашвили, Какабадзе и Ахвледиани);

свобода самовыражения таланта.

Соблюдение этих условий требуется для того, чтобы Грузия обрела то выдающееся значение, какое она имела в средние века.

Это важно, независимо от того пути, какой выберет Грузия, и какой ориентацией и возможностями будет обладать.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Открытое письмо Сергею Баруздину

В газете «Правда» от 24 февраля 1990 года была опубликована Ваша статья «Экстремизму — нет!». Осуждая «раздувание пожара межнациональных отношений» в «нашем огромном государственном доме», Вы справедливо заключаете, что «для решения этих проблем нужны и щепетильность, и великий такт, и здравый смысл». Все это так. Однако последующие строки Вашей статьи никак не отвечают Вашим же требованиям (или условиям). Вы пишете: «А сегодня иные потомки грузинских князей кричат на тбилисских улицах о русских оккупантах, о русской экспансии, об имперских замашках Москвы. И при этом унижают абхазцев, южных осетин, не говоря о безразличии к судьбе месхетинских турок». Что это: помутнение разума или массовое очерствение сердец, забвение исторической памяти?»

Если даже согласиться с тем, что у Вас неверная информация о положении в Грузии, Сергей Алексеевич, и в том случае

вызывает, мягко говоря, недоумение этот небольшой абзац, в котором нагромождено столько ошибок. И не хочется верить, что автором этих строк является редактор журнала «Дружба народов» — Сергей Баруздин, который неоднократно бывал в Грузии, имеет здесь друзей, в переводе на грузинский язык выходили его книги, в журнале, им редактируемом, публиковались произведения грузинских писателей... Все это должно было бы помочь писателю Сергею Баруздину составить верное представление о грузинском характере. Вот что, пожалуй, и явилось основной побудительной причиной тому, чтобы взяться за перо и написать Вам письмо. Не обижайтесь.

Итак, остановимся на первой фразе: не будем разбирать, что это за «потомки грузинских князей», в Грузии, некогда стране классического феодализма, действительно были в свое время князья, и, естественно, сохранились недобитые революциями, раскулачиванием и т. д. их потомки. Дело не в этом. Но, Сергей Алексеевич, сегодня совершенно официально, согласно историческим документам, которые до сих пор хранились за семью печатями, признано, что в 1921 г. действительно имела место аннексия, так же, как выяснено было ранее и то, что пресловутый Георгиевский трактат Россией был нарушен. Это действительно были проявления имперской политики — в обоих случаях — и обижаться тут не приходится. Тем более, что речь идет об экспансии со стороны не русского народа, а правительств, и это весьма существенная разница.

Вторая фраза — совершенно несправедливое обвинение: в Грузии, в отличие от многих других стран, никогда не испытывали притеснений и унижений проживающие здесь представители других народов. Что касается нынешних конфликтов с абхазами и осетинами (кстати, осетины — это единый народ и неправомерно делить его на северных осетин и южных: последние попросту селились по южную сторону Кавказиони), эти обострения наших взаимоотношений объясняются скорее «благоприобретенными» с 20-х годов причинами социально-политического характера, но вопросы эти глубже, и говорить о них следует много серьезнее и ответственнее, чем Вы себе позволили в Вашей статье. А такие легковесные слова, да еще брошенные походя, способны лишь разжечь все тот же «пожар», который ни нам, грузинам, ни абхазам, ни осетинам и никому другому не сулит ничего, кроме зла.

И наконец — «безразличие к судьбе месхетинских турок». Вы, Сергей Алексеевич, разумеется, не знаете, что судьба «мес-

хетинских турок» — это боль и забота Грузии, беда, возникшая не сегодня, а несколько веков назад и сегодня обострившаяся, пожалуй, особенно резко. Да будет известно и Вам, и всем другим, что «месхетинские турки» — это один из мифов нашей эпохи, каких было немало. Никаких «месхетинских турок» не существует, месхи — грузинское племя, турки — совершенно другой этнос.

Проблемы, которые Вы в качестве обвинений предъявили нам, существуют, но прежде чем говорить о них, надо если не изучить их, то хотя бы ознакомиться с ними более обстоятельно. Вы ударили по болевым точкам, и непонятно зачем — чтобы причинить большую боль или чтобы вызвать большую неприязнь? Но ни одно, ни другое не может послужить тому делу, которому мы все сегодня обязаны служить: делу умиротворения, взаимопонимания, без чего дальше идти — некуда.

Мы не помутились разумом, и не очерствели сердцем, и не утратили историческую память. И наряду с дурным четко помним хорошее и храним, бережем это хорошее. Потерять друга много легче, чем найти. Почему бы Вам, Сергей Алексеевич, не приехать в Грузию, чтобы самому увидеть чем и как живет она сегодня (кстати, это касается и других наших друзей, которые раньше были частыми гостями, а сегодня почему-то смотрят лишь со стороны да еще зачастую через плохие очки), или Вы думаете, мы забыли наши законы, наши традиции? Нет, на грузинской земле, под грузинским солнцем никому не холодно и не одиноко, тем более — никто никого не преследует, и мы так же гостеприимны, как были во все времена. В крайнем случае, Сергей Алексеевич, полистайте иногда наш журнал — в нем затрагиваются многие важные проблемы и довольно четко отражается жизнь нашей матери-Грузии.

С уважением — Роман МИМИНОШВИЛИ

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Рован АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Ананда БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

**Технический редактор И. Зурабашвили
Корректор Т. Бадриашвили**

Сдано в набор 10.03.90 г. Подписано к печати 04.04.90 г. УЭ 07560. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 7.400. Заказ 624. Цена 65 коп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обратиться в типографию Издательства ЦК КП Грузии, по вопросам подписки и доставки журнала — в «Союзпечать».

**Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5.
Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 93-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.**

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

ИНДЕКС 76117

სოციალური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურნაია გრუპია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
კაშოღის 1957 წლის ივნისიდან

